Сергей Потемкин
МЕНТОР
ИГРА В БЕССМЕРТИЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Будущее, где виртуальность стала обыденностью. В ходе тестирования игры выявлен странный баг, а через час обнаружившая его тестировщица погибает в ДТП. Но было ли это простым ДТП?.. Тот, чья работа напрямую связана с играми, должен ответить на этот вопрос. Однако вскоре он поймёт, что и баг не был обычным багом: это начало чего–то большего… Возможно — нового этапа в развитии цивилизации. Примечания автора: Обложка: https://author.today/u/valkiria_dan

- Игра в бессмертие
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21

Игра в бессмертие

Пролог

Серебристый флаер завис над дюной, взметнув тучу песка. Такие же «тучи» поднялись слева — Кэсс их заметила чуть позже, переведя кабину в режим прозрачности; видимо, флаер вспугнул белозубров, и всё стадо спасалось бегством.

— Зубры так не убегают, — укоризненно сказала Кэсс. — Они должны бежать все вместе, в одном направлении.

Из микронаушника прозвучал голос Инги Смирновой:

— А эти что, бегут не в одном? Их ведь за песком не видно.

— Это нам с тобой не видно, а приборы видят всё, — Кэсс глядела на приборную панель, где светились экраны. — Шесть особей отделились от стада и бегут в разные стороны, — а должны бежать в одну. У них же стадный инстинкт.

— Тоже мне, зоолог… — проворчала Смирнова. — Может, инопланетные зубры индивидуалисты.

Кэсс прыснула — ну Инга и сказанула!..

Вновь взглянув на экран, Кэсс решила не вносить поведение зубров в отчёт: это явная ошибка, допущенная на этапе вертикального среза, но скупердяи–разработчики её не признают — пожалеют деньги и время. Скорее, и впрямь заявят, что зубры — индивидуалисты.

Вместо того, чтобы идти на посадку, Кэсс потянула штурвал на себя.

Флаер послушно рванулся ввысь. В салон вплёскивалось солнце, облака будто упали к обрамлявшим горизонт скалам. Кэсс стабилизировала машину, та зависла, и за дюнами открылся Китеж.

— Увеличение, — бросила Кэсс.

Борткомпьютер (а на самом деле — игровая программа) изменил пейзаж, словно приблизив маячивший впереди город — с обветшалыми зданиями, разрухой на улицах и зарослями на небоскрёбах; Китеж соответствовал стандартам постапа со всеми его атрибутами.

— Как картинка? — спросила Смирнова.

— Красиво, — оценила Кэсс. — Но ни фига не правдоподобно. Рядом пустыня, а на шоссе — ни песчинки.

— Тебе не угодишь, — Инга хрустнула печеньем и с набитым ртом сказала: — Ветра ведь не было… Поднимется ветер — будет песок. Снижайся давай, зануда.

Кэсс «слюбезничала» в ответ:

— Как скажешь, чревоугодница.

Инга сейчас находилась в реале — в зале внутреннего тестирования или попросту в диспетчерской, куда транслировались «картинка» и звук. Игра, над которой они корпели (а с ними — ещё сотен пять тестировщиков) соответствовала названию города — «Китеж». Пока это был обособленный сегмент ВИРТУСа, закрытый от общей Сети; бедолаги–тестировщики, работая в парах, кропотливо проверяли «куски» игры — модели персонажей, окружение, игровые объекты… Кэсс и Инге досталась пустыня. А уже через месяц начнётся последний этап работы — открытый бета–тест с участием целевой аудитории.

Вернув пейзаж в прежний масштаб, Кэсс посадила флаер и вышла.

Лицо обдало тёплым ветром, под ногами хрустнул песок… пожалуй, слишком уж громко. Но об этом она уже писала в отчёте, а начальство — ноль внимания. Большинство игроков ничего не заметят (из них мало кто ходил в армейской обуви по песку), а значит, можно не заморачиваться.

Кэсс уныло оглянулась на флаер.

Вот «птичка» в игре получилась что надо — светло–серая, чем–то похожая на акулу. Открытые двери торчат вверх, как у сложившей крылья бабочки. Подпорки наполовину вошли в песок — для игроков это станет неприятным сюрпризом. Чтобы отсюда взлететь, придётся поработать лопатой.

— Не забудь запустить дрон, — напомнила Инга.

— Да ну его… — отмахнулась Кэсс. — Дрон в норме, мы вчера его проверяли.

— При чём тут проверка? Тебе ж нужно узнать, что за живность вокруг…

Кэсс со вздохом попросила:

— Посмотри сама, ладно?

— Кто–то отлынивает от работы… — беззлобно проворчала Инга и вывела данные в диспетчерскую; она как внешний тестировщик получала всю информацию об игре — точнее, о тестируемом ими секторе, — поэтому могла сказать, с кем предстоит столкнуться напарнице.

— Да тут целый зоопарк! — Инга присвистнула. — Гриф, суслик, койот, два удава, одна мышь… ой, мыши уже нет, её удав съел… И ещё перек***а***тник.

Кэсс мрачно кивнула — разумеется, перекатник. Злобное растение, придуманное сценаристами «Китежа». Эдакий «кустик–трансформер», способный складываться в шар и, втянув корни, скатиться с холма… отсюда, собственно, и название.

Вернувшись во флаер, Кэсс отстегнула от пола кофр.

Сундучок был тяжёлым; её скромный арсенал в игре весил ровно столько, сколько весил бы в реале.

Кряхтя и потея, Кэсс выволокла его наружу. Ещё один минус разработчикам: там, где не надо, те ратуют за реализм — хотя симуляция веса должна быть щадящей.

Открыв кофр, Кэсс выбрала двуствольный автоматический «Рой»; пистолет не дальнобойный, зато с низкой отдачей. Против здешней ксенофлоры с зачатками разума вполне сгодится. Сняв с кармана солнцезащитные очки, Кэсс водрузила их на нос, а «Рой» вложила в кобуру. Вот теперь она готова.

Болтая с Ингой, Кэсс пошла по пустыне.

Она взобралась на холм, где огурцом–переростком зрел кактус. Солнце жгло как в аду, пучки травы будто взывали сквозь пыль: выдернете нас, избавьте от мучений! После полусотни метров Кэсс расстегнула куртку (между прочим, очень лёгкую, с хорошей терморегуляцией… во всяком случае, по задумке разработчиков), но всё равно чувствовала себя пекущейся в фольге рыбой.

— Инга, это какой–то кошмар, — пожаловалась она напарнице. — Их термальный фидбэк никуда не годится.

— Опять?.. — тоскливо отозвалась Инга. — А говорили, исправили…

— Да ни черта они не исправили, — Кэсс ругнулась и, сняв куртку, бросила её на песок. — Слушай, залезь–ка в мой аккаунт. Найди аватара, который хорошо переносит жару.

— Хочешь взять аву из частного профиля? — Инга явно занервничала. — Кэсс, но так ведь не положено…

— А жарить тестировщиков заживо — положено? — огрызнулась Кэсс. — Эти придурки никогда ничего не делают вовремя. Инга, серьёзно: смени мне аву, или я тут расплавлюсь.

Смирнова кивнула (хотя Кэсс её не видела) и застучала клавиатурой.

Кэсс как раз на такой случай создала резервный профиль и — к слову, в нарушение правил — перенесла личные файлы на сервер «Китежа». Пароль и логин она отправила Инге, чтобы та в её папках могла выбрать личность из другого сегмента ВИРТУСа: не из «Китежа», а из любой другой игры, где у Кэсс был свой аватар. За такое вообще–то могли и уволить — тестировали–то они «Китеж», а значит, сторонние аватары не допускались. Но в ряде случаев начальство закрывало на это глаза: игра пока ещё «сырая», в ней полно багов и, если «местный» аватар по каким–то причинам доставляет тестировщику дискомфорт, то сгодится и сторонний. Главное, указать эти причины в отчёте.

Открыв нужный интерфейс, Инга стала просматривать

персонажей. Ещё один признак недоработанности игры: «изнутри» персонажа никак не выбрать — это можно сделать лишь из диспетчерской, сидя за клавиатурой. Поэтому Кэсс и обратилась с просьбой к Инге, а не выбрала аватара сама.

— Сефирот, Джокер, Малефисента… — перечисляла Инга, глядя на монитор: в его левой части Кэсс брела по пустыне, а справа в иконках отображались её личности — то есть каждый, под чьим обликом Кэсс хоть раз «жила» в ВИРТУСе. Настоящая Кэсс сидела в гейм–кресле позади Инги. Разумеется, глаза её были закрыты.

— Любишь ты классику… — вздохнула Инга, бегло читая имена. — Только тут почему–то одни злодеи. Неужели не хочется побыть хорошей?

— Я хорошая в реале, — парировала Кэсс (у Инги тоже имелся микронаушник, откуда и звучал голос напарницы). — Слушай, глянь в самый конец — там должен быть Белый Странник, он же Бедуин. По–моему, ему плевать на жару.

Инга проскроллила меню до конца.

— Ага, вижу… — она глядела на фигурку с закрытым лицом — эдакий ниндзя, но весь в белом. Открыв его статы, Инга прочла их и улыбнулась: — Нулевая восприимчивость к жаре и холоду… То, что надо!

Кэсс отстегнула кобуру и положила оружие на песок. Очки постигла та же участь. Если всё это не снять, вещи исчезнут вместе с её нынешним аватаром.

Использовав пару лазеек, о которых тестировщикам знать не положено (считалось, что знают о них лишь админы), Инга «принарядила» Кэсс прямо в игре, без сохранения и выхода; вместо камуфляжных брюк, военных ботинок и майки на её подруге материализовалось нечто бесформенное, смахивающее на одеяние бедуина… собственно, за это аватар своё второе имя и получил. Ясное дело, изменилось и лицо, но его скрыла ткань.

— Ты теперь случаем не мужик? — полюбопытствовала Инга.

— Мужик… со всеми полагающимися причиндалами, — призналась Кэсс под Ингин хохот. — Но зато мне не жарко.

Она вновь взяла «Рой», надела очки и, оправив одежду, пошла дальше.

Через пару минут обнаружился чей–то скелет: дуги рёбер, безглазый череп, рога. Наклонившись, Кэсс ощупала позвонки. Вроде всё было как надо… Правда, ей не доводилось в реале щупать чьи–либо кости (разве что цыплячьи, за трапезой), но интуиция подсказывала, что ощущения были бы схожими.

Она обошла верблюжью колючку — совсем чахлую, посеревшую. Потрогала–осмотрела и даже пнула.

— Тут орава жучков ползает, — Кэсс с сомнением глядела на стебель. — Интересно, так бывает? Жара, пустыня — и столько букашек?..

— Кэсс, ну не усложняй… — простонала Инга. — Эта пустыня — инопланетная. И у них была война с применением какой–то биологической дряни. Здесь не то что букашки — мамонты летать могут!

Кэсс пожала плечами и, раздавив пальцами жучка (просто чтобы узнать, не заглючит ли обратная тактильная связь), продолжила путь.

А Инга за монитором вздохнула: Кэсс ищет проблемы там, где их нет. Слишком уж серьёзно она относится к играм. Но вообще–то она молодец: в Московский институт виртуальной реальности поступила на бюджет с первой попытки — и, между прочим, без протекции папы, солидного бизнесмена (что без протекции, Инга знала наверняка: в МИВРе такой отбор, что никакая протекция не поможет). А теперь вот совмещает работу с учёбой, хотя могла бы у родителей на шее висеть: у отца денег полно, да и у матери не меньше — всё–таки художница, знаменитость… Кстати, маминой профессии Кэсс и обязана своим именем — её назвали в честь Мэри Кэссетт, американской импрессионистки (хотя сама Кэсс утверждает, что надо произносить не «Кэссетт», а «Касс***а***тт»).

Пока Инга размышляла, Кэсс спустилась с холма. Воздух был знойным, облака плыли низко, будто желая почесаться о камни. В глаза било солнце; если бы не очки, пришлось бы жмуриться.

Почти сразу за спуском послышался треск — отрывистый, неприятный… Да и кто бы ждал иного от рвущегося из–под земли корня?

— Перекатник… — сказала Инга.

— Ага, — достав «Рой» из кобуры, Кэсс сняла его с предохранителя и обернулась: шар был где–то на вершине. — Большой, зараза. Наверное, с меня весом.

Впрочем, шар уже показался: весь в песке, он был примерно втрое больше фитнес–мяча. Его сложившиеся ветки ощетинились колючками. «Пальнёт шипами, — поняла Кэсс, — а уж потом скатится вниз».

Она отпрыгнула за камень, а когда раздался свист, перекатилась по песку. Встала на одно колено, взяла шар на мушку. Тот уже нёсся на неё, явно желая «протаранить»; эти умные «кустики» могли весить до центнера — растительность Китежа особенная, — и один такой удар грозил стать смертельным: вспышка, намёк на боль и ВИРТУС-меню… Ну и начинай с сохранения, если не надоело.

Разумеется, Кэсс не стала этого ждать.

«Рой» дёрнулся в её руке, выпуская очередь. Треск выстрелов слился с подобием вопля, изданного перекатником. Кэсс вспомнила звук выдираемых корней и поняла, что ошиблась — теперь она сочла бы его приятным…

Пули были разрывными, так что шару не поздоровилось: из него вылетели щепки. Видно, смекнув, что враг ему не по зубам (а точнее — не по шипам), перекатник вдруг резко зарылся в песок и провалился под землю.

— Вот и умничка, — одобрила Кэсс, — дерево свинцу не ровня…

Подойдя к воронке, она разрядила туда обойму — на всякий случай.

А за этим последовало нечто странное.

Поначалу Кэсс решила, что провалилась за шаром: песок под её ногами исчез, она зависла в пустоте. Кэсс едва не закричала (в реале бы вскрикнула, но ведь это игра — чего тут бояться?). А вокруг уже была не пустыня — или всё–таки пустыня, но какая–то искажённая: будто небо с песком поменялись местами.

«Меня забросило за текстуры!» — с ужасом поняла Кэсс.

Этого боялись все тестировщики. Самостоятельно отсюда не выбраться — нужна помощь напарника (и это — одна из причин, по которым тестировщики работают в парах). Только вот «Китеж» почти готов и подобные баги давно должны были устранить…

Но все эти мысли Кэсс отбросила при звуке чьих–то шагов.

Стоя на облаке, она обернулась.

К ней шёл мальчик… скорее, даже ковылял, неуклюже прихрамывая. Ковылял прямо по небу, сиявшему голубизной.

Метрах в трёх от неё мальчик остановился.

Ему было лет восемь, максимум десять. Короткая стрижка, умный взгляд. Одет в джинсы и клетчатую рубашку, из которой он явно вырос.

— Чтобы завершить начатое, соверши три деяния, — сказал мальчик. — Сорви плод раздора на белом камне, забери глаза у бога войны и на бывшем болоте отыщи фею без ног.

— Что?.. — прошептала Кэсс.

Потом подумала: «Это кто–то прикалывается… Инга или кто–нибудь из админов».

Мальчик повторил сказанное. Затем снова повторил. И повторял ещё минуту, пока Кэсс не выучила всё наизусть.

Потом мальчик исчез, как и всё остальное; вместо неба возникла Инга, а Кэсс обнаружила, что сидит в кресле.

— Кэсс?.. Кэсс, подруга, ты как? — вид у Инги был испуганный, под стать голосу. — С ума сойти… Да это же

блокирующая ошибка! На финальных тестах!.. Ну всё, с кого–то снимут скальп…

Кэсс в ответ лишь моргала, впав в лёгкий ступор: так бывает, если экстренно выходишь из ВИРТУСа — точнее, если тебя «выдёргивают». А её «выдернула» Инга… И слава богу, что выдернула.

Щурясь под модульным светильником, Кэсс осмотрелась.

Зал внутреннего тестирования разделяли ячейки. За стеклом был коридор (если глядеть вперёд), слева и справа трудились коллеги — разумеется, попарно: один в гейм–кресле, другой за монитором. Благодаря перегородкам — стационарным, от пола до потолка — не было слышно ни звука: ни голосов, ни стука клавиатуры.

— Блин… — пробормотала Кэсс. — Я как будто три часа висела вниз головой.

— Может, позвать Ягу? — Инга имела в виду Киру Ягову, шефа контентных тестировщиков. — И ещё у меня аспирин есть…

— Ягу не надо, — решила Кэсс, — пожалуюсь ей в отчёте. А аспирин давай.

Она встала, потянулась. В затылке и спине кольнуло: биочипам явно не нравилось, что выход из ВИРТУСа был внезапным. И теперь до конца дня у неё будет болеть голова.

— Это ведь почти ЧП, — склонившись у тумбы, Инга искала аспирин. — Первый раз вижу, чтоб за месяц до дедлайна кого–то под текстуры забросило.

— А я решила, что это твоих рук дело, — призналась Кэсс. — Или кого–нибудь из админов…

— С ума сошла? — обиделась Инга. — А то я не знаю, что после такого все кости ломит и башка как с похмелья.

Кэсс кивнула: не стала бы Инга так шутить. Значит, администраторы… Наверное, Костя: он тот ещё балагур.

Инга дала ей аспирин. Запив его, Кэсс бормотнула:

— Там был мальчик…

— Какой ещё мальчик? — удивилась Инга. На её мониторе никакого мальчика не было: «картинка» и звук зависли в тот миг, когда Кэсс очутилась на облаке.

— Обыкновенный. Коротко стриженный, голубоглазый. На вид лет восемь или девять.

— Видимо, непись… — резонно предположила Инга.

— Ага… — тут Кэсс вспомнила, как он шёл: — Почему–то он хромал. Кажется, подволакивал левую ногу.

— Странно… — Инга вроде задумалась. — Не припомню, чтобы в «Китеже» был такой персонаж.

Кэсс рассеянно кивнула.

— А он что–нибудь сказал?

— Да ахинею всякую, — поморщилась Кэсс. — Бессмыслицу полную — даже и вспоминать не хочу.

В детали она не вдавалась: мальчик — просто глюк программы или прикол балагура-Кости. Всё, что он наговорил, гроша ломаного не стоит. Незачем засорять этим мозг.

Но из «ахинеи» мальчишки Кэсс не забыла ни слова и, когда Инга не смотрела, сделала вот что: взяла стикер и написала на нём всё, что сказал мальчик. Стикер отправился в её карман. Кэсс понятия не имела, зачем ей понадобилось это записывать, но что–то её будто бы подтолкнуло… Хотя она не сомневалась, что стикер ей не пригодится и вскоре попадёт в урну.

Всё это случилось в шестом часу вечера, перед самым окончанием рабочего дня.

Спустя час с небольшим, сдав отчёт и распрощавшись с Ингой, Кэсс миновала пост охраны и вышла из здания компании «Нулан» — крупнейшего в России разработчика ММВИ (массовых многопользовательских виртуальных игр). Был июль, садилось солнце, и Кэсс, будучи без солнцезащитных очков (те утром остались лежать на трюмо), щурилась, как бобёр на фонарь. Но ей было хорошо. У неё имелись планы, она была умна и красива. Её тёмные волосы игриво вил***и***сь, споря с серьёзностью лица — розовощёкого и большеглазого: взгляд зубрилы, а присмотришься — утонешь… И Кэсс полагала, что утопит в нём многих. В её неполные двадцать ей хотелось утопить в нём весь мир.

Она почти дошла до дома, когда бежевый «Форд» вылетел из–за угла. Кэсс отлетела от удара, не успев даже вскрикнуть. «Форд» на бешеной скорости проскочил перекрёсток, а Кэсс осталась лежать в луже крови; последним, о чём она успела подумать, были текстуры — Кэсс решила, что её снова под них забросило.

А затем стало темно.

Глава 1

На Болотах было красиво.

Я стоял у ветровала, глядя в туман — бледно–сизую мглу с вечно гаснущим светом. Туман здесь светится всегда, особенно ночью. Переливается всеми цветами радуги — словно россыпь гирлянд гаснет в сизой пелене.

— Далеко нам ещё? — простонала Агата.

— Не очень, — солгал я. — К полуночи будем на месте.

— К полуночи? — Агата закатила глаза. Спайк обвил её талию волосатой ручищей, но Агата отстранилась: — А сразу не могли сказать? Я б в гостинице осталась… Сами бы ловили своих тритонов!

— В*а*ших тритонов, — поправил её я. — Они нужны вам, а не мне. И ловить вы их будете вдвоём, без моей помощи. Я — всего лишь проводник.

Фыркнув, Агата уставилась на трясину. Вид у неё был нелепый: эльфийские уши, надменный взгляд, а одежда — типичная «бикини–броня»: такая не то что от меча — даже от ветра не защитит. Классический «заскок» корейских MMORPG. Смотреть–то на Агату приятно, но лучше всё–таки не смотреть: отвлекает, зараза…

— Ягодка, тебе не холодно? — спросил Спайк.

«Ягодка» лишь отмахнулась. Разумеется, холод ей был нипочём: действовало зелье, купленное у мага. Агата затем и принарядилась, чтобы его испытать… ну и перед Спайком покрасоваться: тот не упускал случая её облапать, а я не всегда успевал отвернуться — хотя Спайку на это было плевать.

«Интересно, долго ли они женаты? — подумал я. — Представились как муж с женой, но слишком уж пылко себя ведут. Либо только поженились, либо уже прошли этап, когда хочется друг друга убить».

Правда, кризис отношений как раз и мог загнать их в ВИРТУС — в мир безудержных фантазий, без обрыднувшего быта. В прошлом игры могли стать причиной развода (ну это когда муж променял жену на «танчики», а та не стерпела — отказалась быть третьей после «Абрамса» с «Тигром»), а теперь вот психологи отправляют супругов в ВИРТУС, дабы спасти их брак. Многим, кстати, помогает.

Чмокнув надувшуюся Агату, Спайк повернулся ко мне:

— А может, ну их на хрен, этих тритонов? Лучше к югу от Низины поискать кабанов. Прибьём пару — сдадим на мясо.

— Кабанятина в Луде дешёвая, — сообщил я. — Шкуры дороже, но уже после выделки — а навык скорняка вы не развили. Если не хотите проторчать тут неделю, то тритоны — оптимальный вариант.

Спайк угрюмо кивнул. Он был явно не из тех, кто привык слушаться ментора.

Мы двинулись дальше. Я шёл впереди, Спайк с Агатой — за мной: они ведь мои клиенты и, насколько я знаю, не бывали на Болотах. А что Спайку известно, где искать кабанов, ещё не делает их профи — он просто выпендривается. Наверное, наслушался разговоров в трактире… Причём в самом дешёвом, потому что в нормальном ему и кофе не по карману.

Спайка с Агатой угораздило застрять в Луде — захудалом городке, где прозябают неудачники. В «Хрониках Унгарда» это стартовая локация: неписям тут «живётся» неплохо — они и при деле, и при деньгах, — а вот живым игрокам надо выбиться в люди. Чтобы слинять отсюда в нормальный город, нужны деньги на портал, а Болота — одно из мест заработка: здесь можно охотиться на косуль, оленей или тех же кабанов, упомянутых Спайком. Ещё можно заделаться ведьмаком и убить кикимору — за неё больше дадут. Но начать лучше с тритонов.

— Поймать надо не меньше десятка, — объяснял я, пока мы шли сквозь подлесок. — В Луде есть один целитель, он из тритонов варит зелье для знати: эта гадость вроде как потенцию повышает. Поскольку зелье дорогое, за каждого тритона целитель хорошо платит — в зависимости от веса, но не меньше дюжины шиллингов. Получив сто двадцать шиллингов, к**у**пите себе броню… — я мельком глянул на Агату: — Нормальную, а не такую, как эта. И в ней пойдёте на кикимору.

— А может, лучше на вампиршу? — спросил Спайк. Ему явно хотелось почесать кулаки, а вампирша была ближе.

— На первородную? — уточнил я.

Спайк тут же сник: новичкам с первородными лучше не связываться.

Сойдя с косогора, я дождался, пока Спайк поможет Агате спуститься. Смотреть на них было смешно: грудастая эльфийка и качок. Я готов был дать зуб, что в реале им тошно глядеть на себя в зеркало. Давно подмечено, что к таким аватарам тяготеют дурнушки и обладатели пивных животов…

До нужного места мы добрались за полчаса. Заприметив вывороченную с корнем сосну, я использовал её как мост: вершиной та лежала на островке, куда нам и надо было попасть.

Но Агата при виде сосны заявила:

— Я туда не полезу — и вообще, мне здесь не нравится, —

она сморщила нос и пожаловалась: — Тут гнилью воняет.

— Да, мертвечиной, — перебравшись на остров, я развернулся и кивнул на трясину, поросшую мхом: — В болоте живёт какая–то нечисть… какая точно, не скажу, но неписей она жрёт регулярно. Если от них что–то осталось, то оно гниёт на дне.

В свете тумана было видно, как Агата скривилась. Спайк испепеляюще на меня глянул, но я это проигнорировал. У «Хроник Унгарда» рейтинг «adults only», а такие игрушки не для нежных особ. Они знали, куда шли.

— Слушай, мужик… — бросил с берега Спайк. — А может, сделаешь всё сам? Мы ж полночи провозимся, а тебе в любом случае ждать придётся… Ты–то управишься быстрее.

Я без скромности признал:

— Пожалуй, раза в четыре. Но я не выполняю чужую работу — и не люблю тех, кто отлынивает от своей.

В глазах Спайка вновь мелькнуло недовольство, уже граничившее с враждебностью. Я невозмутимо напомнил:

— Мои услуги состоят в том, чтобы помочь вам покинуть Луд. Но делать что–либо за вас в мои обязанности не входит… кстати, у меня и права такого нет. А своей лицензией я дорожу.

Спайк с досадой отвернулся и, подав руку Агате, повёл её на островок. Пока они шли по упавшей сосне (а точнее, пробирались, хватаясь за ветки), я глядел на туман: хорошо, что он далеко. А вот подступи он к острову, всё было бы зря: я повёл бы эту парочку назад в город. Поиск другого места с капризной Агатой — гиблое дело.

В общем–то я не лгал, отвечая Спайку отказом: менторам играть за клиентов запрещено. Нам платят за наставничество и секреты прохождения локаций — но не за то, чтобы мы проходили их сами. Раньше эти задачи решали гайды, но в эпоху ММВИ они устарели, — а тех, кому в играх нужна помощь, стало в разы больше. Лет сорок назад нубы внимали «ветеранам» и следили на ютьюбе за прохождением уровней, но нынешние игры настолько сложн***ы***, что этого мало: что толку сидеть за монитором, следя за пошаговыми действиями игроков, если, оказавшись в ВИРТУСе, ты станешь частью игры и при первом же взрыве забудешь умные советы? То, что кажется простым (а когда ты в удобном кресле, простым выглядит любой шутер), вмиг усложнится, стоит тебе увидеть кровь на своих пальцах. И думать ты будешь не об инструкциях, а об инструкторе, который всё разъяснит: покажет, что да как. Ведь практика отличается от теории даже в играх.

Поэтому и появились мы — менторы.

Кстати, насчёт самог***о*** слова: «ментор» — это что–то из

мифологии… из греческой, если не ошибаюсь. Вроде был такой наставник у кого–то из мифических персонажей. Вероятно, от этого и пошло английское «mentorship». Уж не знаю, почему к нам прилип этот термин; нас ведь как только ни называли — кауч, помощник, тренер и даже подспорщик. Но со временем закрепилось «ментор».

Добравшись до островка, Спайк открыл инвентарь. Мне как стороннему игроку видеть его слоты не полагалось, но раз у Спайка со мной договор (все менторы работают официально и платят налоги), то я имел доступ к его ячейкам. В двух из них были сачки, купленные Спайком на рынке. Это я велел ему их купить.

Один сачок он дал Агате, второй оставил себе.

— Тритоны иногда могут подплывать к берегу, — сказал я, садясь на кочку. — Здешняя топь поросла мхом, но вы сразу их заметите — они крупнее, чем в реале, и слегка светятся. Как появятся, не спешите — иначе спугнёте: пусть подплывут поближе к вам. Ну а потом загребайте.

— А если поймаем… — осёкшись, Агата брезгливо закончила: — Что тогда с ними делать?

«Поцеловать и отпустить», — подумал я.

— Свернуть шею, расплющить камнем башку… — я пожал плечами. — Только внутренности не повредите.

Агату передёрнуло — но, опять же, от брезгливости, а не от жалости к тритонам. Да и кто бы стал жалеть неписей?

— Только загребать надо плавно, — закончил я инструктаж. — И с этой минуты не шумите.

Обречённо повздыхав, Спайк с Агатой разошлись: им хватило ума поджидать добычу с разных сторон.

Ну а у меня выдался свободный час — или даже целых два: с неуклюжестью Спайка тритонов быстро не выловишь.

— Читалка, — шепнул я.

Передо мной возникло меню FBReader — до неприличия старое, но не утратившее актуальности. В «Хрониках Унгарда» таких фишек нет (тут ведь средневековье), но я-то ментор, а не игрок: для нас делают исключения. А вот Спайк и Агата мою читалку не видели.

Прислонясь спиной к камню, я затребовал наушники (пришлось снова шептать) и аудиотеку — тоже видимую лишь мне. Наугад выбрав трек, отыскал в читалке Де Росси: говорят, модный автор, у всех на слуху.

Что ж, заценим…

Но знакомство с Де Росси пришлось отложить.

Едва я начал читать, как Спайк чертыхнулся. Краем глаза я

увидел его фиаско: Спайк, заметивший тритона, сразу ринулся вперёд, хотя следовало ждать. Тритон, надо думать, к суициду был не склонен, — и поэтому уплыл.

А свой гнев Спайк решил излить на меня.

Я даже как–то не удивился: мы с минуты знакомства друг друга не жаловали — просто это не выходило наружу.

— Нет, ну вы только гляньте! — Спайк шагнул в мою сторону. — Слышь, ментор хренов, тебе там удобно?

Я вынул из уха наушник. Похоже, надо покидать ВИРТУС. Если подерусь с клиентом, наживу уйму проблем. Лицензию–то сохраню (Спайк ведь первым начнёт), но нервы мне потреплют изрядно: комиссии по ролевой этике только дай повод вцепиться менторам в глотку.

— Мы за что тебе платим? — Спайк всё больше распалялся. — За то, чтоб ты дрых, пока мы тут вкалываем?

— Вообще–то я читал, — поправил я Спайка. — А платите вы мне за то, чтобы я нашёл для вас способ заработка в игре. И я его нашёл. Я довёл вас до места, где вы можете заработать на броню, а уже с этой бронёй…

— Да на хрен все твои стратегии! — рявкнул Спайк.

— Коля, не надо… — бормотнула Агата, успевшая подойти к нам.

«Коля, значит… — подумал я. — Что ж, неприятно познакомиться».

— Пасть закрой, — велел ей Коля (причём без особой злобы — видно, этот стиль общения для них был привычен. А его «ягодка» куда и делось). Потом он опять повернулся ко мне: — Тебе чё, в падлу помочь? Ты ж от нас бабки получил?

— Получил, — признал я.

— Так какого сука хера ты тут разлёгся?

Я медленно встал. Нас разделяло шагов пять, но у меня не было сомнений, что Коля хочет их сократить.

— Думаешь, ты крутой? — продолжал он. — Да мы всё о тебе знаем!

— Серьёзно? — уточнил я.

— Ты бывший мент… ментор–ментяра! — Коля захохотал. — Тебя с работы попёрли и ты в игры стал играть… Подсел на них, как на наркоту.

— Коля… — пискнула Агата.

— Заткнись, я сказал! — вот теперь в его голосе была злость. — Ты играл как больной… Играл, даже когда твой сын умирал от лейкемии.

Во мне будто что–то перевернулось. Уже зная, что для Коли эта игра закончилась, я ледяным голосом уточнил:

— Он умер от рака мозга.

Размахнувшись, я бросил наушник в туман.

Наушник был лёгким, но всё–таки долетел — бросок вышел что надо.

Хмарь вмиг ожила и белёсыми нитями метнулась к нам. Я успел отскочить, а Коле не повезло.

Где–то закричала выпь, в камышах зашуршал ветер. Рядом взвизгнула Агата.

Незадачливого Колю пронзило туманом насквозь. Он захрипел и задёргался, хотя и не падал. Я отлично представлял, что творится с его статами: сила, ловкость, удача — всё летело к чертям. Курсы акций при биржевом крахе — и те так не обваливаются.

— Скотина! — Агата вытаращилась на меня, умудряясь держаться от тумана подальше. — Псих… мент ненормальный!

— Ментор, — уточнил я.

Впрочем, я уже знал, что только что лишился лицензии.

Глава 2

Под хрипы Коли я скомандовал:

— Покинуть сегмент.

Агата с Колей исчезли — а для них исчез я. Вместо Болот возникло ВИРТУС-меню.

Это была просто комната — пустая, без окон. Её стены были белыми, с потолка светил плафон. Мебели не было совсем — даже стульев.

Хотя стул бы возник, если бы я решил сесть: эта комната менялась по желанию геймера.

Передо мной были четыре двери с табличками:

«Вернуться в «Хроники Унгарда»»

«Выбрать сегмент ВИРТУСа»

«Помощь»

«Покинуть ВИРТУС»

Я шагнул к четвёртой двери — и вышел в реал.

* * *

Из удобного кресла не хотелось вставать.

Сейчас сложно представить, что сравнительно недавно, когда виртуальность едва возникла, гейм–кресел не было вовсе — их заменял VR-костюм с умной системой захвата движений. Он успешно справлялся с симуляцией веса и эмитировал вибротактильный фидбэк. Симуляцию запаха обеспечивали ароматизаторы, а климат–контроль — кондиционеры, встроенные в гейм–сферу (она представляла собой шар, куда вмещался игрок). Симуляцию вкуса тогда ещё не придумали — в ранних версиях виртуальности пить и есть было нельзя.

Но затем появились биочипы и гейм–кресла… то есть появился ВИРТУС.

Под биочипами тут следует понимать вовсе не то, что уже много лет используют в медицине (о тех биочипах мало кто знает — в основном, специалисты узкого профиля). Применительно к ВИРТУСу биочип — это, скорее, наночастица,

запрограммированная на ряд функций и созданная на основе биокомпьютеринга. Поначалу применяли их всё в той же медицине: пациенту, используя обычный инъектор, внутримышечно вводили невидимый шарик (разглядеть его можно лишь с особым микроскопом, визуализирующим объекты наномасштаба), и тот, поселившись в организме, своевременно «докладывал» о болезнях: выявлял онкогены, штаммы гепатита, ВИЧ и много чего ещё… Это была целая диагностическая лаборатория, которую вы носили с собой.

Но второе поколение биочипов оказалось ещё более фантастичным: «ВИРТУС Корпорэйшн» совместила их с виртуальной реальностью.

Пользователям предлагалось совершить процедуру по вживлению чипов в головной и спинной мозг: во втором случае — всё тем же инъектором, в первом — при помощи ушных, глазных или носовых капель; попав с жидкостью в тело, чип сам находил в нём своё место. Абсолютно безболезненная и быстрая процедура — её в любом филиале «ВИРТУС Корпорэйшн» сделают за четверть часа… Разве что анализы нужно сдать.

Но самое интересное начинается дальше.

При подключении к ВИРТУСу чипы считывают сигналы, исходящие из спинки кресла (и никаких тебе шунтов из ретро–фантастики: сигналы сканируются через одежду и кожу, без проводов и разъёмов). Эти сигналы, воздействуя на органы чувств, меняют исходящие извне раздражители на иные — созданные виртуальностью. То же и с мотонейронами, «ответственными» за движение: если вы решите согнуть ногу, биочип этот сигнал перехватит — но в виртуальности вы её согнёте; можно сказать, что во время вашего пребывания в ВИРТУСе головной и спинной мозг находятся в обманутом положении.

Сначала это всех пугало — в людях жил страх, что правительства, корпорации или бог знает, кто ещё, превратят их в марионеток. Но время шло, всё больше смельчаков (в том числе знаменитостей: кинозвёзд, поп–идолов, блогеров) вживляли себе чипы, и ничего с ними не случалось — зато в ВИРТУСе они были как рыба в воде. Они превосходили тех, кто пользовался виртуальностью «по старинке», но ни в костюмы, ни в гейм–сферу им влезать не приходилось: всего–то и надо было, что сесть в кресло.

И число таких счастливчиков быстро растёт; их — а точнее, нас — уже большинство.

Я пошевелил рукой, словно бы вспоминая, как это делать. Затем другой рукой и ногами. Потом осторожно повернул голову,

лицезря свой холостяцкий бардак.

Наконец–то поднявшись, сделал пару упражнений.

В этой глупой разминке не было бы нужды, соблюдай я положенный срок подключения — три часа максимум. Но тайм–контроль я взломал и с тех пор торчу в ВИРТУСе как больной (Коля/Спайк этой фразой попал в точку). Стыдно признаться, но в гейм–кресло я иногда сажусь в памперсе.

— Канал новостей, — бросил я, пройдя мимо экрана. Без включённого телика в пустой квартире тянет повеситься.

Возникший на экране диктор завёл старую песню: перенаселение, потепление, загрязнение. Всё как всегда.

Сходив в туалет, я принял душ, прошёл в кухню и открыл холодильник, — но он встретил меня белизной… в том смысле, что в нём было б**е**ло и пусто. Только какое–то рагу одиноко лежало на полке. А водка в самом низу — не в счёт: в бутылке осталось не больше трети… Даже на опохмел едва хватит.

Не утруждаясь разогревом, я свалил рагу в миску. На дату изготовления не смотрел: меньше знаешь — крепче спишь.

С миской в руке я вернулся в гостиную — ну или в комнату, когда–то считавшуюся таковой.

В лежащем на столе смартфоне меня ждали эсэмэски.

Первая оповещала, что на меня подана жалоба в комиссию по ролевой этике. Вторая — что действие моей менторской лицензии приостановлено. А вот третья…

Я глупо моргнул, прочтя сообщение:

Клим Ларин, пожалуйста, подойдите к окну.

Эсэмэска была странной не только по смыслу, но и наличием запятых с точкой.

Я глянул на зашторенное окно. Похоже, меня разыгрывают… Наверное, соседские дети. Зря я дал Поповым свой номер.

— Уши надеру, — беззлобно бормотнул я.

Снаружи просигналил клаксон — просигналил протяжно и как будто призывно.

Подойдя к окну, я сдвинул штору.

Мимо пролетел дрон–курьер с блестящим кофром в металлических лапах: кто–то в нашем подъезде купил продукты. Мигнул щит с рекламой: мой смартфон послал сигнал, что я взглянул на этот щит, и там вместо колы, рекламируемой секунду назад, вспыхнул логотип кофе (я всегда плачу безналом, а история покупок хранится в смартфоне — вот он и «доложил» щиту, что я — заядлый кофеинщик… К слову, если бы на щит смотрел кто–то ещё, тот под двоих бы не подстроился и оставил

бы колу).

А затем моё внимание привлекли припаркованные машины: среди них, клеймя позором колымаги соседей, блестел чёрный шикарный «Ягуар».

Смартфон в моей руке тренькнул — пришла четвёртая эсэмэска. Она сообщала, что мой банковский счёт пополнился на один ноль.

Я оторопело перечитал сообщение.

Его отправили из банка, где я хранил свои кровные: всё, что нажил к тридцати семи годам. Скажу честно, сумма была смешной.

Но сейчас она перевалила за пятьсот тысяч.

У меня округлились глаза. Должно быть, кто–то ошибся…

Между тем за окном кое–что изменилось.

Из окошка «Ягуара» высунулась рука и, кажется, помахала. Затем она вновь скрылась в салоне — и опять появилась, уже со смартфоном. А мой собственный смартфон загудел.

Приняв вызов, я спросил:

— Кто это?

— Моя фамилия Лоцкий, — ответили незнакомым голосом. — Мой шеф хочет с вами встретиться. Итогом встречи может стать семизначная сумма на вашем счёте — вдобавок к той, что уже на нём появилась. Выходите, если вам интересно.

И собеседник дал отбой.

Я не меньше минуты вникал в услышанное, гадая, а не тронулся ли я умом. Может, не стоило отключать тайм–контроль?..

Я отложил смартфон, оделся (после душа я был в одних трусах) и вышел во двор.

Там меня уже ждали.

Перед дверцей «Ягуара» стоял мужик — сухопарый, с костлявым, будто высушенным лицом. От носа к уголкам губ тянулись морщины, они же пролегли на лбу. Мужик был в джинсах и ветровке.

— Здравствуйте, Клим, — сказал он мне и, протянув руку, представился: — Я Марат Лоцкий.

Вместо того, чтобы ответить, я скользнул взглядом по машине — привычка, оставшаяся с прежней работы: во всём видеть подвох. Но салон «Ягуара» был пуст. Таинственный Лоцкий — кем бы он ни был — приехал один.

— Зачем вы перевели мне деньги? — спросил я. Но тут мне показалось, что я уловил суть происходящего: — Вы работаете на состоятельного геймера, которому срочно нужен ментор? Если так, то извините — помочь не могу. Скоро я лишусь лицензии.

— Не лишитесь, — пообещал Лоцкий.

Я вскинул брови, а мой новый знакомый извиняющимся голосом доложил:

— Это из–за меня на вас подана жалоба. Мой шеф искал с вами встречи, но вы завалены работой: в «Хрониках Унгарда», в «Л*о*досе», в «Битве за рай»… Из ВИРТУСа вы выходите дважды в день — вероятно, лишь затем, чтобы поесть и поспать. Попроси я вас о встрече, вы бы мне отказали, так что я действовал иначе, — Лоцкий глянул на «Ягуар», а точнее, на соседнее с водительским кресло. Там лежал его планшет — очевидно, с ВИРТУС-коннектом.

— Я связался с вашими клиентами, — пояснил Лоцкий, — и попросил их вас спровоцировать — разумеется, подкрепив просьбу деньгами. Сумма, зачисленная на ваш счёт — компенсация за мою бестактность. Обещаю, что Спайк — а точнее, Николай — отзовёт свою жалобу в течение дня.

Он умолк, а я стоял с открытым ртом.

Компенсация за бестактность?.. С пятью нулями?!

Но тут я запоздало смекнул:

— Стоп… Вы что, за мной следили? Отслеживали мои действия в ВИРТУСе?

Лоцкий лишь дёрнул плечом.

— Кто вы такие? — спросил я. — Ваш шеф — чокнутый игрок? Застрял в новой локации и теперь ищет ментора?

— Мой шеф не играет в игры, — сообщил Лоцкий. — Совсем.

Я растерялся окончательно.

Сейчас все играют в игры — ВИРТУС сделал игроманами даже политиков. Если кто–то не играет, значит он — сумасшедший.

Однако Лоцкий уточнил:

— До недавнего времени шеф часто входил в ВИРТУС, но лишь в целях коммуникации. Однако теперь он этого делать не может. Поэтому он и хочет встретиться с вами в реале.

— Не понимаю… — я и впрямь мало что понимал. — Со мной — ментором — хочет встретиться тот, кто не играет в игры и даже не может войти в ВИРТУС?

Лоцкий кивнул.

Я с глупой усмешкой развёл руками; в столь нелепой ситуации сложно найти слова.

— Вы всё узнаете, — сказал Лоцкий, — когда встретитесь с моим шефом.

— А вдруг я не захочу с ним встречаться? — уточнил я. — Верну вам деньги, попрощаюсь и попрошу меня больше не беспокоить?

— Такое очень даже возможно, — признал Лоцкий. — Однако Николай… тот самый Спайк, который вас разозлил, в этом случае забудет отозвать жалобу. И я вряд ли смогу на него повлиять.

— Ясно… — буркнул я со вздохом.

Ну а что я ещё мог на это ответить?

Шефа Лоцкого звали Олег Рябов (если точнее, Олег Иванович). Занимался он оптовой торговлей. Ничего прочего Лоцкий о нём не сказал и лишь скупо добавил, притормозив у светофора:

— Если шеф сочтёт нужным, он сам посвятит вас в детали своей работы.

— А вы–то кто? — спросил я. — Начальник его охраны?

— Скорее, помощник, — уклончиво сказал Лоцкий.

Я с усмешкой кивнул — знаем мы таких «помощников». От Лоцкого разило спецслужбистским душком.

Ещё я отметил, что он не перевёл «Ягуар» на автопилот. Видимо, любит водить.

Офис Рябова находился в Северном Чертаново, в здании, построенном на месте снесённого торгово–развлекательного центра. Тот центр — как и сотни других — пал жертвой прогресса: шопинг в виртуальности куда занятнее обычного, а всё, что вы там накупили, к вам домой доставит дрон. К слову, ВИРТУС не только торговые центры угробил: под раздачу попали музеи, квест–клубы и кинотеатры. Виртуальная эпоха перевела развлечения в новый формат.

Лоцкий оставил «Ягуар» на стоянке. Мы взошли на крыльцо, миновали охрану (никто не просил меня приложить к сканеру электронный паспорт — видимо, потому что я был с Лоцким) и в лифте поднялись на тридцатый этаж, занятый офисами оптовой компании «Терра». Название я счёл банальным.

Блондинка на ресепшене кивнула Лоцкому — вроде бы с трепетом, и ту же реакцию выказала секретарша, доложившая о нас шефу. Лоцкий вежливо открыл мне дверь: эдакий Штирлиц, косплеющий дворецкого. Мне стало смешно.

Лоцкий остался в приёмной, а я вошёл к Рябову.

Его офис был просторным, с панорамными окнами, дорогим деревом и полосками хрома. Одну из стен — ту, что была напротив стола — превратили в интерактивную панель. Шкафы были обиты кожей. Думаю, в другой день я бы всем этим залюбовался.

Но сам Рябов в эту обстановку не вписывался.

Он стоял у окна — седой, грузный, невысокий. А когда он развернулся, стало ясно, что двигаться ему сложно (впрочем, я

уже заметил в его руке трость). Лицо его было в глубоких морщинах, взгляд выражал усталость — и мне показалось, не только физическую.

— Здравствуйте, господин Ларин, — поприветствовал меня Рябов. — Прошу, присаживайтесь.

Я молча сел в кресло напротив стола. Рябов занял своё место и дежурно спросил:

— Чай, кофе, вода? Ничего крепче не предлагаю: если вы займётесь тем, что я намерен поручить вам, то от вас потребуется трезвый рассудок.

— А если не займусь, — уточнил я с сарказмом, — то можно не тратить на меня алкоголь?

— Займётесь, господин Ларин, — сказал Рябов. — Не сочтите за надменность, но я это знаю.

Он несколько мгновений сверлил меня взглядом, будто оценивая. Но это не вызвало дискомфорта. Так умеют смотреть лишь лидеры и психологи — хотя первое без второго, полагаю, невозможно.

— Не откажусь от минералки, — сказал я после паузы. — Ваш Лоцкий не дал мне нормально поужинать.

Тут я, конечно же, лукавил: мой ужин нормальным не назвал бы и бомж.

Рябов сочувственно улыбнулся:

— Марат это умеет, — он ткнул пальцем в селектор: — Катя, принесите нашему гостю воды.

Вошла секретарша, неся на подносе воду (дизайн бутылки намекал, что она жутко дорогая — небось добывается где–нибудь в Андах). По просьбе Рябова секретарша достала из шкафа печенье. Разложив его по блюдцам, вернулась к шкафу. Потом вновь подошла к столу, но уже с тонометром:

— Шесть вечера, Олег Иванович.

— Да, разумеется… — Рябов вроде смутился, а в ответ на мой взгляд пояснил: — Один инсульт я уже перенёс и теперь меня пытаются уберечь второго.

Я зачем–то кивнул, смекнув в ту секунду, почему он не может войти в ВИРТУС: при нарушении мозгового кровообращения это запрещено. А ещё он не жаловал биочипы: любой, кто их себе вживил, мог заглянуть в смартфон и узнать свой пульс, давление, частоту дыхания и температуру, — а Рябов вместо этого использует тонометр, которые уже лет десять как не в ходу… В общем, дедок явно упрямый, «старой закалки».

Измерив ему давление, секретарша убрала тонометр и вышла. Видимо, всё было в норме.

— Хорошая девушка, — сказал Рябов, когда дверь за ней

закрылась. — Мне предлагали нанять медсестру, но я отказался: Катенька отлично со всем справляется.

Он замолчал, и стало тихо. Отпив воду, я ждал.

— У меня погибла дочь, — внезапно произнёс Рябов.

Я остановил руку, вновь потянувшуюся к стакану.

— Это случилось ещё летом, в середине июля, — Рябов откинулся на спинку кресла. — Собственно, тогда–то меня и прихватило.

— Соболезную, — искренне сказал я.

Рябов рассеянно кивнул и продолжил:

— Мою дочь звали Кэсс — в честь известной художницы… впрочем, неважно. Важно другое, господин Ларин: моя дочь была убита. И я полагаю, что её смерть связана с ВИРТУСом.

Он снова умолк. Я ни о чём пока не спрашивал — это было бы лишним. В таких беседах не спешат.

— Кэсс работала тестировщицей в «Нулане», — сообщил Рябов. — В день своей гибели она тестировала игру, и там возник какой–то сбой — судя по всему, очень странный. И Кэсс в тот же вечер сбила машина. Полиция сочла это простым ДТП, но я убеждён, что они ошиблись… или что их *заставили* ошибиться.

Тут я счёл нужным уточнить:

— Почему вы так решили?

— Из–за камер, — отпив из стакана, Рябов прокашлялся; разговор давался ему нелегко. Поймав мой взгляд, он пояснил: — В квартале, где убили Кэсс — уж позвольте мне настаивать на слове «убили» — выключились все камеры до единой… как потом выяснилось, вследствие кибератаки… И именно в тот час, когда погибла моя дочь. Прошло уже почти три месяца, но не нашли ни машину, ни водителя, ни виновных во взломе камер. По всем трём пунктам — тишина.

Я неуверенно кивнул, хотя версию об убийстве счёл спорной: хакерская атака — явление частое. Шпионские программы иногда опережают программы защиты, а желающих напакостить предостаточно — от простых отморозков до террористов.

С другой стороны, отключение камер — задача в наши дни непростая… особенно в Москве. Тут либо профи работал, либо большой талант. Ни расшалившийся подросток, ни банальный неудачник такое бы не проделал.

А Рябов между тем продолжал:

— Конечно, я включил связи и настоял на том, чтобы полиция допросила сотрудников «Нулана» — всех, кто работал вместе с Кэсс. Одна из них сообщила, что в тот день моя дочь провалилась под текстуры и увидела там нечто странное: неигрового персонажа, который выглядел как мальчик. Тот

мальчик что–то ей сказал… что именно, она не сообщила, но… — тут голос Рябова дрогнул, а рука скользнула в карман, откуда он извлёк запятнанный кровью стикер. — В кармане моей дочери было вот это: очевидно, она записала услышанное.

Рябов протянул мне стикер. Я осторожно его взял.

— Чтобы завершить начатое, соверши три деяния, — негромко прочитал я вслух. — Сорви плод раздора на белом камне, забери глаза у бога войны и на бывшем болоте отыщи фею без ног, — я поднял взгляд на Рябова. — Так вот зачем вам нужен ментор — вы хотите понять, что всё это значит?

— Я уже это понял, — поморщился Рябов, — по крайней мере, отчасти. Неужели вы думаете, что до вас в этом офисе не было менторов? Нет, господин Ларин — я обращался уже к троим.

Он сделал паузу. Я ждал.

— «Плод раздора» — это, разумеется, яблоко, — сказал Рябов. — В ВИРТУСе есть сегмент под названием «Фрея»: относительно новый, но наверняка вам известный. Во «Фрее» есть площадь с пирамидой из белого камня, а на ней…

— Растёт яблоня с единственным плодом, — закончил я.

— Верно, — Рябов кивнул. — Что касается глаз бога войны…

— Бинокль, — я не удержался — решил блеснуть знаниями. — Бинокль в одном из помещений упавшего в каньон дирижабля. В том отсеке был наблюдательный пост, прозванный марсовой площадкой: в воздухоплавании часто заимствовали морские термины. Отсюда и фраза про бога войны.

В детали я не вдавался — Рябов явно мужик начитанный; он наверняка знал, что у парусных судов над марсовой площадкой могло находиться «воронье гнездо» — то есть бочка для наблюдений. Поэтому на дирижаблях наблюдательные пункты (пусть это вовсе и не бочка) часто называли так же: «марсовая площадка» или «воронье гнездо».

— Сегмент ВИРТУСа — «Адр*е*ум», — добавил я. — Стимпанковый мир… ну или что–то среднее между стимпанком и Диким Западом. А фея без ног находится в «Дворге», постапокалиптическом сегменте. Сама фея — это кукла «Винкс»: у неё оторваны ноги, и она лежит в луже на Елисейских Полях.

— Где когда–то было болото, — изрёк Рябов. — Я рад, что не ошибся в вас, господин Ларин.

— А что означает фраза «чтобы завершить начатое»? — спросил я.

Рябов угрюмо покачал головой:

— Эта часть записи нерасшифрована. Полагаю, чтобы её понять, нужно добраться до куклы, бинокля и яблока.

Кивнув, я положил стикер на стол.

— Вы показывали его полиции?

— Показывал, но что толку? — мрачно усмехнулся Рябов. — Для них это бредни… пустая геймерская чепуха. Но я убеждён, что из–за этой вот «чепухи» Кэсс и убили. Можетесчитать меня спятившим стариком, но своей интуиции я привык доверять — а она говорит мне именно это.

— Но если вам уже известно, о каких местах речь, то в чём проблема? — я удивлённо пожал плечами. — Пусть нанятые вами менторы отправятся за яблоком, биноклем и куклой. Хотя… — тут я понял, что сболтнул глупость. — Места–то не простые…

— Вот именно, господин Ларин, — пальцы Рябова сплелись в замок. — «Адреум» и «Фрея» отличаются сложностью, а в «Дворге» царит жуткий хаос. И там очень легко потерять аватара: для геймеров не предусмотрен… эээ…

— Респаун, — подсказал я.

— Да, верно, респаун. Во всех трёх сегментах нельзя возродиться: если убили — значит, убили. Создавай своего персонажа заново. А прокачка займёт полгода.

— Значит, — смекнул я, — нанятых вами менторов убили?

— Они потеряли своих аватаров, — подтвердил Рябов. — До яблони, дирижабля и лужи, где лежит «Винкс», никто не добрался.

— И вы хотите поручить их работу мне?

Рябов кивнул, глядя на меня через стол.

— Но почему вы думаете, что я справлюсь?

— А я и не думаю, — кажется, Рябов удивился вопросу. — Но ведь должен же я кого–то нанять… Не получилось у троих — пусть попробует четвёртый. Правда, на вас я и впрямь возлагаю большие надежды.

— Надо же, — мне это польстило. — Но с чего вдруг?

— Вы маньяк, — прямодушно ответил Рябов. — Вы не работаете в ВИРТУСе — вы в нём живёте. Плюс к этому, вы бывший оперативник и мыслите не так, как большинство менторов. Ну а кроме того… — тут он осёкся, но всё же закончил: — Вам известно, каково это — хоронить собственного ребёнка.

Он виновато замолчал, и я тоже решился на откровенность:

— Олег Иванович, при всём сочувствии вашей утрате скажу прямо: вряд ли смерть вашей дочери может быть связана с этим, — я указал кивком на стикер. — Жизнь — это жизнь, а игра — это всего лишь игра. Даже в наше время.

— Понимаю… — вздохнул Рябов. — Но скажите мне вот что, господин Ларин: если бы ваш сын умер не от болезни, а в результате чьих–то действий — и у вас имелся шанс найти

виновных в его смерти… пусть и мизерный, но шанс… Вы бы им не воспользовались?

Я молчал, но в моём взгляде Рябов увидел ответ.

— То–то и оно, господин Ларин. То–то и оно.

Затем он достал из кармана смартфон, потыкал в него пальцем и повернул ко мне. При виде цифры на экране я не поверил глазам.

— Треть этой суммы вы получите немедленно — мне нужно лишь ввести код. Остальное — заполучив куклу, яблоко и бинокль.

Я невольно уточнил:

— Это в рублях?..

— Шутите, господин Ларин? Рубли, доллары — к чему мелочиться? Разумеется, в юанях.

Взяв со стола стакан с водой, я сделал пару глотков. Но затем приказал себе не думать о гонораре: в сделках важны не эмоции, а мозги.

Поразмыслив, я спросил:

— А если я раздобуду эти предметы, но они не прольют свет на гибель Кэсс — что тогда?

— Деньги поступят на ваш счёт, — без колебаний сказал Рябов. — И если вдруг случится так, что до яблока, бинокля и куклы вы не доберётесь, но каким–то образом выясните, кто стоял за смертью Кэсс, вам заплатят ту же сумму.

Я кивнул: услышанное мне понравилось.

— Если вы согласитесь, — продолжил Рябов, — то мой помощник ознакомит вас с дополнительными материалами по делу: вряд ли они вам пригодятся, но чем больше вы будете знать, тем лучше. Кроме того, у вас будут средства на непредвиденные расходы. Что скажете, господин Ларин?

Я ещё раз посмотрел на смартфон (нули, нули, нули — я прежде не видел столько нулей) — и сказал то, что на моём месте сказал бы любой… конечно, если он не лишился рассудка.

Глава 3

По возвращении домой я всё–таки съел рагу; оказалось, оно было с курицей.

До дома меня довёз Лоцкий — кстати, я так и не понял, кем он у Рябова работает. Но размышлять я над этим не стал: загадочный Лоцкий — не моё дело.

Зато файлы, которые он передал мне в пути (дополнительные материалы, упомянутые Рябовым), я открыл сразу, как только вернулся — и изучал их, поедая просроченное рагу.

С фото на мониторе глядела Кэсс — жизнерадостная, красивая, юная. Архивные копии её страниц в соцсетях пестрели фотографиями картин: Кэсс много постила про живопись, в которой явно разбиралась. Другим её хобби (к моему удивлению) был покер — девушка выкладывала стримы с онлайн–турниров. А в своих комментариях она цитировала классиков, причём я готов был спорить, что Кэсс и впрямь их читала, а не выискивала фразы в Сети; было очевидно, что она не только смазлива, но и умна… был***а*** умна.

Я бегло просмотрел файлы: протокол осмотра места ДТП, показания свидетелей (номер сбившей Кэсс машины они прочесть не успели), протокол допроса Инги Смирновой, работавшей бок о бок с погибшей… В файлах было даже то, к чему ни Рябов, ни Лоцкий иметь доступа не должны были — он мог иметься лишь у следствия, — но Лоцкий этот доступ каким–то образом получил.

Моё внимание переключилось на «Китеж» — файл с данными об игре, где Кэсс попала под текстуры. Этот сегмент ВИРТУСа пока был закрыт: «Нулан» устранял ошибки. Но информации о «Китеже» в Сети было полно.

Простоте его сюжета позавидовал бы Болливуд: в далёком будущем были найдены новые планетные системы, одна из которых имела звезду (Солнце-2) и пять планет — включая, собственно, Китеж; так называлась не только планета, но и крупнейший на ней город, построенный землянами–колонистами. Планета привлекла людей гостеприимной атмосферой (естественно, схожей с земной), невраждебной фауной и отсутствием разумных форм жизни. Но уже через полвека эти самые формы вдруг дали о себе знать: садовые розы стали «пуляться» шипами, милые лютики травить всех пыльцой, а каштаны в парке душить прохожих «ожившими» по такому случаю ветками.

Сценарий был столь примитивен, что хоть плачь, — но игру точно ждал успех: космическая тематика стала вновь популярна

из–за кучи проблем, слишком долго игнорируемых человечеством: перенаселения, дефицита питьевой воды, нехватки лесов, увеличения содержания углекислого газа в атмосфере… Бедность охватила все страны, где развитие технологий не смогло компенсировать деградацию природной среды. И люди обратили взор к небу: создание лунной орбитальной станции — теперь лишь вопрос времени, как и строительство на Луне жилых баз. Это возродило интерес к космосу, мимо которого не прошла и виртуальность: сегментов вроде «Китежа» в ней полно.

Я доел наконец рагу. Странно всё это… Примитивная игрушка — и баг с загадкой. Чья–то шутка или же нечто большее?..

Озадачивало и то, как Кэсс погибла: если это убийство (во что я пока не верил), то почему выбран столь ненадёжный способ? Автомобиль, сбивающий пешехода на бешеной скорости, почти всегда приведёт к его смерти — но ведь есть и шанс выжить… Никчёмный, но есть. Либо сидевший за рулём хотел выдать убийство за несчастный случай (если так, то это ему удалось), либо он очень спешил и не желал, чтобы Кэсс дошла до квартиры. А самое худшее — это если верны оба варианта. Такой расклад означал бы, что девушка влипла в нечто серьёзное — и что кто–то очень быстро смог с ней расправиться, причём представив её гибель в выгодном ему свете. Кстати, в это вписался бы и взлом камер.

Но тут я себе напомнил, что я давно уже не мент; я — ментор. Ломать мозг над причинами ДТП в мои задачи не входит. Мне лишь нужно достать в ВИРТУСе три предмета — яблоко, бинокль и куклу.

Вот этим–то я и займусь.

Запив рагу минералкой, я уселся в гейм–кресло и скомандовал:

— ВИРТУС-вход!

* * *

Ах, да — забыл упомянуть: перед словами ВИРТУС-вход надо закрывать глаза. Если их не закрыть, сработает блокиратор — ради моего же блага (чтобы я часом не свихнулся, когда сквозь комнату проступит ВИРТУС-меню).

Короче, я закрыл глаза и скомандовал: «ВИРТУС-вход!»

Где–то в спине защекотало, а в затылке возникла лёгкость, вмиг растёкшаяся по телу: эйфория, невесомость, блаженство… Полная и ни с чем не сравнимая свобода.

Увы, это не длится долго — всего мгновение.

Затем я оказался в комнате, куда попал после Болот.

Тут изменилось лишь одно: не было двери «Вернуться в «Хроники Унгарда»». Зато остальные — «Выбрать сегмент ВИРТУСа», «Помощь» и «Покинуть ВИРТУС» — были в наличии.

Я вошёл в первую дверь.

Сказать, что тут было красиво — это не сказать ничего.

Я парил в открытом космосе, среди звёзд и туманностей. Облака газа и пыли состязались в сиянии с пульсаром. Звучала гипнотическая музыка — знаменитый «Поход» Эдуарда Артемьева.

Рядом парил кусок мела. Новичкам вместо него положен смартфон: они «пролистывают» список, выбирая сегмент ВИРТУСа. Но я-то не новичок — я знал, куда хочу попасть.

Взяв мел, я вывел на газопылевом облаке слово «Фрея».

Неодолимая сила повлекла меня сквозь космос. Несколько секунд полёта — и я был над планетой. Меня ждали облака, континенты и водная гладь.

— Уже иду, — сказал я.

И астероидом понёсся вниз.

Словами это не опишешь; те, кто прыгал с парашютом, рассказывают, что в сравнении с *этим* те прыжки — детский лепет. А некоторые и вовсе входят в ВИРТУС лишь ради таких вот полётов…

Но и это не длилось долго.

Пролетев сквозь туманность, я попал в выбиралку — так это место зовут геймеры.

Большой зал, колонны, арки; мраморный пол и барельефы; в свете, льющемся из окон (они где–то высоко), плывут стайки пылинок.

Выбиралка зависит от жанра игры. «Фрея» — классическое фэнтези, где уже настал Ренессанс, потому и в выбиралке антураж старины. А вот выбери я «З*а*гмус» — космооперный сегмент, очутился бы на космическом корабле.

Минуя колонны, я прошёл к меню выбора.

Оно тоже особое, на фэнтезийный манер: детализированные фрески в человеческий рост… разумеется, цветные. Каждая фреска — персонаж. Под ней темнеет плита с текстом в виде золотой гравировки: раса, характеристики, навыки. Занимает это добро всю стену.

Дойдя до её середины, я ткнул пальцем в вора человеческой

расы.

Эта фреска вмиг исчезла — вором теперь был я сам.

Мне уже доводилось играть им: когда сегмент «Фрея» только открылся, я зависал там сутками. Своего аватара я назвал Хьюнгом и — к чему скромничать? — изрядно его прокачал: удача с ловкостью зашкаливали. Правда, сила осталась средней, но так ли уж она нужна вору? Плюс прокаченное здоровье и навыки владения холодным оружием.

Итак, я стал вором по имени Хьюнг.

Мои мышцы обрели упругость, а одежда изменилась: я облачился в готического вида ботинки (или даже сапоги — не знаю, как правильней их назвать), чёрные штаны, чёрную куртку и того же цвета перчатки. Куртка была без рукавов, её обхватывал ремень; под курткой имелось что–то вроде рубахи (цвет несложно угадать). Всё было лёгким и удобным, будто на меня сшитым, да ещё и с кучей карманов. Никакой декоративности, одна лишь функциональность.

А вот морда лица осталась моей: мне потребуются помощники, а собрать их инкогнито тяжелее — по крайней мере, для ментора. Нас ведь многие знают не только по имени. Зачем притворяться кем–то другим, когда можно воспользоваться узнаваемостью?

— Начать игру, — велел я.

Дверь возникла на месте исчезнувшей фрески, плита тоже пропала. Открылась эта дверь сама. Мне в лицо ударил свет — и игра началась.

Любой дурак знает, что в игре есть стартовая локация — иногда обучающая. «Фрея» — не исключение. Но поскольку я был тут не новичком, вышел я там же, где сохранился: в Эргендсе, столице Анрикийского королевства.

А точнее, я вышел в парке, в одной из контрольных точек; это не совсем респаун, поскольку тут не «перерождаются» — во «Фрее» ведь нельзя воскреснуть. Но для вернувшихся в игру геймеров обособленные места всё равно есть.

Как и в реале, здесь был вечер. Рядом со мной звенел фонтан, за живой изгородью тянулась брусчатка. Среди душистых цветников гуляли парочки — и неписи, и игроки. Различать их легко: у энписи на левом плече есть зелёная точка, куда будто капнули люминесцентной краской (ну и ещё такой нюанс: все неписи либо праздно прогуливаются ради создания массовки, либо работают. Глашатаи, продавцы, лекари — в общем, каждый, кто занят чем–то полезным — это почти наверняка энписи).

Я с полминуты озирался. Заметив куст жимолости, сорвал

пару ягод. Съел их, поморщился (слишком уж кислые) и пошёл на тротуар.

Там я сел на скамью и открыл инвентарь.

Любой ВИРТУС-интерфейс представляет собой тактильную голограмму, невидимую другим геймерам — если только ты сам не предоставишь им визуальный доступ. Инвентарь — не исключение. Правда, во многих сегментах его нет вовсе: там, где важна реалистичность, игрок все свои запасы должен таскать на себе.

К счастью, «Фрея» к таковым не относится.

По моей команде в воздухе возник интерфейс: четыре строки по шесть ячеек. Я мог носить с собой двадцать четыре предмета.

Шестнадцать клеток уже были заняты; у меня имелись меч, ледоруб, куча отмычек, зелье против ранений, Кольцо удачи (с ним везёт в игорных домах) и много чего ещё. Но главное — кошель с деньгами, занимавший отдельный слот: мой капитал во «Фрее» составлял семьсот тысяч ***и***рллингов, то бишь местных денежных единиц. По здешним меркам я был богач.

Я переместил сотню ирллингов в свой карман, чтобы расплачиваться с извозчиками и официантами. Закрыл инвентарь, встал со скамьи — и пошёл к магическому столбу.

Такие столбы — местная фишка. На них за небольшую плату можно дать объявление, о котором известят других игроков… ну или хотя бы тех, кто не перебарщивает со спам–фильтрами. Пару раз мне это здорово помогало.

Встав у столба, я прочёл несколько объявлений:

Гоблинский стриптиз. Слабонервным и ксенофобам просьба не беспокоить. По всем вопросам обращаться в цирк Недобитого Джима.

Заикающемуся троллю, оставившему в четверг на скамейке в Южном парке пятьсот ирллингов и трубку с марихуаной: чтоб не было совсем хреново, готов вернуть трубку. Если с горя не повесился, приходи утром к той же скамейке.

Все виды массажа. Гоблинам, оркам и другим не–людям — скидка 10%.

Я хмыкнул. Админы (а это явно их рук дело) хохмят не стесняясь. В этом, кстати, большой плюс: во «Фрее» не заскучаешь.

Что ж, дадим и мы объяву…

Со столба на шнуре свисало перо. Едва я его взял, как в воздухе вспыхнула пиктограмма — золотой дракон, изогнувшийся буквой «S»: знак системного сообщения. Ниже

засиял текст, вопрошающий, готов ли я отдать ирллинг за возможность оставить на столбе объявление. Вариантами ответа были «ДА» и «ОТМЕНА».

Мой палец ткнул в «ДА».

Тихонькое «дзинь» известило меня о том, что кошель мой стал легче на один ирллинг, — но зато на столбе появился листок, где я мог написать текст. Очин пера заблестел, будто его макнули в чернила.

Я ненадолго задумался (всё–таки во «Фрее» я давно не был); если память меня не подводит, яблоню с единственным плодом охраняют грифоны. И само собой, то место напичкано магией. Значит, нужны будут маг и заклинатель–дрессировщик… Это как минимум.

Подняв перо, я написал:

Ментор Клим, он же Хьюнг, ищет помощников. Заклинатель–дрессировщик и маг. Уровень персонажа — не ниже сорок седьмого. Задание десятой степени сложности, покидать столицу не требуется. Оплата — 100000 ирллингов.

Текст секунду золотился. Это означало, что каждый маг и заклинатель–дрессировщик, находящийся сейчас в городе, прочтёт его в своей почте. А мне лишь оставалось ждать, пока кто–нибудь ответит.

Мне не ответил никто.

Я прошёлся по улице, погулял в парке, полюбовался фонтаном. Поймал момент, когда зажглись фонари (они тут красивые, кованые, а горят благодаря волшебным камням) и даже заглянул в трактир, где сытно поел, любуясь угасавшим закатом.

Иногда я открывал окошко меню и проверял почту, хотя знал, что писем нет: если бы были, звякнул бы колокольчик.

Покинув трактир, я стал обдумывать ситуацию.

Во «Фрее» сотни игроков… да что там сотни — тысячи!.. Правда, сорок седьмого уровня достигли немногие (к слову, у меня самого сорок девятый), но зато все они в Эргендсе: в других городах для них не осталось интересных заданий. Потому я и указал в объявлении, что столицу покидать не придётся.

И что же, никто из высокоуровневых магов и заклинателей, ошивающихся где–то в городе, не польстился на сто тысяч?.. Ведь такой гонорар во «Фрее» мало кто предлагает…

Но тут я стал замечать странности: среди прохожих сновали ***эрмлины — местные*** боевые маги, они же стражи порядка… разумеется, неписи. Узнать их легко: однотонные плащи (тёмно–зелёные, серые или алые — в зависимости от ранга), хмурые

лица, размеренная походка. Хватало и обычной стражи — и не в кожаных кирасах, а в стальных, какие тут носят после объявления тревоги. Ещё несколько магов верхом на грифонах патрулировали небо… хотя где уж там «несколько» — скорее, несколько десятков; уже вспыхнувшим звёздам пришлось потесниться, прячась при каждом взмахе крыльев.

У меня возникло скверное подозрение.

Я свистнул наёмному экипажу, очень кстати выехавшему из–за угла, и, когда тот остановился, вскочил на подножку:

— Гони к Южной площади!

Только там я мог проверить мою догадку.

Кучер повёз меня по улице. Хотя час был уже поздний, она оставалась оживлённой: кареты с гербами и медным орнаментом катились мимо магазинчиков и цирюлен, прохожие–неписи куда–то спешили, влюблённые парочки исправно прогуливались. Всюду выгибались арки, пестрели розами палисадники… «Фрею» не зря хвалят за красоту.

Перед площадью кучер остановил лошадь:

— Дальше ехать нельзя — высочайший запрет самог***о*** лорда Л***а***уда, верховного эрмлина королевства!

Я понял, что моя догадка верна — хотя лучше было бы ошибиться. На всякий случай спросил:

— А пеших–то туда пускают?

— Пеших пускают… — угрюмо доложил кучер (а я оценил труд тех, кто создал его мимику с интонациями — они были на высоте). — Но кто его знает — может, не сегодня–завтра и перестанут…

Покинув повозку, я одолел остальной путь пешком.

Огромную площадь, как и всю улицу, освещали фонари. В её центре стоял пирамидальный помост высотой полсотни метров — та самая пирамида из белого камня, где растёт яблоня; по сценарию игры, пирамиду построили из башни мага, разрушенной во время войны, а самого мага убило обломками. Но после того, как из них возвели помост (то бишь усечённую пирамиду), там взошла яблоня. На яблоне зреет единственный плод — к слову, зреет он вечно, — вобравший силу погибшего мага. Этот плод защищает город от врагов, притягивая к его границам волшебных существ: рядом с Эргендсом живут кентавры, минотавры, великаны и бог знает, кто ещё. На город они не нападают, путешественников не трогают, но неприятеля, если таковой вдруг объявится, вмиг атакуют.

В общем, полезное выросло яблочко…

Взойти на помост может только король, да и то лишь раз в год, в день основания королевства: встав под яблоней, он мучает

подданных пафосной речью и отбывает обратно в замок — а помост опять пустует, охраняемый день и ночь. На площадь горожан пускают, но пирамиду все вынуждены обходить стороной.

Однако то, что я увидел на подходе к площади, простым словом «охраняемый» уже никто бы не назвал.

Дрессированные грифоны летали в небе кругами — и не двадцать, как обычно, а, наверное, полсотни! Будь сейчас день, по площади скользили бы тени. На многих грифонах сидели маги, другие летали без седока, но менее опасными их это не делало: напротив — такая «птичка» спикирует камнем, не боясь сбросить всадника. А вокруг пирамиды выстроились кольца оцепления; уж не знаю, сколько именно (отчётливо был виден лишь передний ряд, где стояли арбалетчики), но уж точно не одно… Видимо, сюда согнали половину городской стражи! Но главное, помост и стражники находились в прозрачном куполе, отражавшем десятки фонарных огней: это была магическая защита — самая мощная из всех, с какими я сталкивался. Такую и таран не пробьёт… Даже думать было страшно, сколько неписей её удерживали.

— Идиот, — сказал я самому себе.

Иначе ведь и быть не могло: с заданием Рябова не справились уже трое — и кто–то из них подобрался к яблоку. Украсть не украл, но эрмлинов всполошил. А неписи во «Фрее» умные (хотя в ВИРТУСе это норма): они подготовились к новой попытке кражи.

Вот блин!..

До меня теперь дошло, почему никто не ответил на объявление: любая авантюра в столице обречена на провал. Никто не рискнёт устроить кипеж с ордой волшебников под боком.

Но тут словно в знак протеста тихо звякнул колокольчик — признак входящего письма.

— Открыть почту! — растерянно скомандовал я.

Возник интерфейс в серебряной рамке. Слева вверху мигал жёлтый конверт.

Я со смутной надеждой ткнул в него пальцем (хотя мог и голосовую команду отдать).

Письмо пришло от некой Джаль: её заинтересовало моё предложение. Правда, уровень у неё был всего сорок первый, но…

«*Вы вряд ли найдёте кого–то другого,* — прочитал я. — *Конечно, можете попробовать, но с учётом сложившейся в Эргендсе ситуации на это уйдёт несколько дней. Если согласны рассмотреть мою кандидатуру, то можем счатиться. Я буду во «Фрее» до 23:00*».

Потом я взглянул на её аватар — и с чувством присвистнул.

Это лицо я уже видел в переданных Лоцким файлах: оно

принадлежало Инге Смирновой. Той самой Смирновой, которая работала с погибшей дочерью Рябова.

Письмо меня озадачило.

Каким ветром во «Фрею» занесло коллегу Кэсс (теперь уже бывшую), да ещё и столь «удачно», что она вышла на меня — ментора, находящегося тут из–за смерти её напарницы?

Совпадение? Вот уж вряд ли.

Я с минуту размышлял.

Эта Джаль, она же Инга, зашла сюда не случайно. Может, что–то её связывает с гибелью Кэсс? Или ей от скуки вздумалось побыть детективом, расследующем гибель подруги?

Но мне так или иначе надо было решать, как быть с письмом: либо его проигнорировать, либо попытаться выяснить, что всё это значит.

Я выбрал второе.

«*Готов рассмотреть вашу кандидатуру*», — ответил я, кривя душой. Ничего я не собирался рассматривать — хотел просто встретиться с этой Смирновой и послушать, что она скажет.

Войдя в чат, мы стали выбирать место встречи. Девушка написала, что она сейчас у порта, ну а я — что нахожусь на Южной площади. Открыв карту, мы нашли ближайший к нам обоим трактир. Оказалось, это «Оленьи рога».

К заставленной столиками трактирной террасе мы подошли одновременно, хоть и с разных сторон.

— Здравствуйте, — сдержанно сказала Смирнова. — Я Инга.

— Клим, — представился я в ответ.

Меня удивило, что она вместо ника назвала имя — обычно так делают менторы. Да и внешность девушка менять не стала; во всех выбиралках есть функция «сохранить лицо игрока», но включают её редко — почти все играют с чужими физиономиями (либо с уже готовыми, либо с созданными в ВИРТУС-конструкторе). Но Инга Смирнова предпочла остаться собой… Будто подчёркивала, что всё происходящее для неё не игра.

Я мельком отметил, что лицо её сочетает подростковость и женственность: надутые губы, припухлые щёки, лёгкий вызов в глазах. Такой тип лица называют детским (с возрастом это не проходит), и многие его обладательницы свой облик не любят. Но есть и те, кто им пользуется. Так что лёгкая наивность в изучавшем меня взгляде могла обернуться капканом.

А вот вкус у девчонки точно имелся… во всяком случае, наряд она выбрала удачно: белая блуза под пиратским корсетом, чёрные штаны в обтяжку, сапоги. Стильно, просто и удобно.

Мы сели за свободный столик. Сунув два ирллинга

официанту, я попросил его нас не беспокоить и следующих клиентов усадить где–нибудь в стороне.

— Вы — ментор, — сказала Инга, когда официант ушёл.

Не спросила, а констатировала факт.

— А вы — не просто геймер, — сказал я.

Несколько мгновений мы буравили друг друга взглядами.

— Я работала с Кэсс, — призналась Инга.

— Правда? — с безразличием спросил я.

Стиль общения мне пришлось выбирать на ходу, будучи уверенным лишь в одном: её нужно разговорить. Но подтверждать, что меня наняли из–за Кэсс, я не спешил.

Инга вздохнула:

— Вы уже не первый ментор, с которым я говорю. До вас были другие.

— Ну это не удивительно, — невинно заметил я, — многие обращаются за помощью к менторам…

— Не валяйте дурака, — перебила меня Инга. — Я знаю, что вам платят родители Кэсс. Видимо, её отец… Или вам заплатил Лоцкий.

Я молчал, гадая про себя, откуда ей это известно.

— Мы с Кэсс дружили, — сказала Инга. — Всего год как познакомились, но уже стали как сёстры. Когда Кэсс погибла, я места себе не находила… а первые два дня даже не верила, что её нет. Мне ещё не доводилось никого терять, а тут… — она вдруг умолкла и уставилась в сторону. Это могло быть лицедейством, но я всё–таки позвал официанта и попросил:

— Принеси девушке воды.

— Не надо воду, — Инга взглянула на официанта: — Коктейль «Вирландия» — без гвоздики и побольше лимона. Ещё ваш фирменный салат, — тут она перевела взгляд на меня — и беззастенчиво добавила: — Только я на мели, так что пл***а***тите вы.

Я деликатно потёр бровь, пока не очень понимая, чего в её словах больше: нахальства или обаяния.

Официант удалился, а Инга продолжила:

— Из–за гибели Кэсс я сначала была в ступоре, но после стала шевелить мозгами… Ну и вспомнила, как Кэсс под текстурами оказалась. То есть я помнила это и раньше, но с её смертью не связывала — думала, несчастный случай. А потом меня осенило: Кэсс ведь сбили после того, как она под текстуры попала… То есть буквально через час. Причём никто так и не понял, из–за чего случился баг: проверили всё — коды, полигональные сетки, даже всех тестировщиков запустили в то же место, чтобы сервер по максимуму нагрузить. Но под текстуры никого из них не забросило. И выходит, что ошибка, которой и

быть–то не должно было, предшествовала гибели тестировщицы. Вот я и подумала, что одно может быть связано с другим.

Сделав паузу, девушка перевела дух. Я по–прежнему молчал. Причин ей не верить у меня не было, но и повод для доверия не усматривался.

— Кэсс в тот день говорила, — продолжила Инга, — что увидела под текстурами мальчика. Тот мальчик успел ей что–то сказать. Кэсс решила, что это пустяк… не придала этому значения. Но я-то знала её как облупленную. Может, она пугать меня не хотела или саму себя убеждала, что ничего не случилось, но она была встревожена. Слова того мальчика Кэсс написала на стикере: думала, что я не вижу, как она их записывает, но я увидела. И мне удалось выяснить, чт***о*** она там писала.

— Как? — спросил я (было глупо и дальше играть в непонятки — девушка отлично знала, кто я и что меня сюда привело).

— Благодаря камерам. У нас же везде камеры… в смысле, в «Нулане». Это политика компании: типа вся наша деятельность в рабочее время должна служить интересам работодателя — вот они камеры и понаставили, чтобы нас контролировать. А у меня знакомый есть, Макс — он из службы безопасности, один из тех, кто за камерами следит. По–моему, он на меня запал… — тут Инга дёрнула плечом, словно бы говоря: «Ну запал и запал — я же не виновата». — Короче, я попросила его проверить запись с той камеры, что снимала Кэсс и меня. Назвала дату и время. Макс проверил, нашёл кадры, где Кэсс что–то пишет, увеличил и — вот…

По команде Инги открылся текстовый редактор. Я не мог его видеть, пока Инга не изменила настройки конфиденциальности (для меня это выглядело так, будто она тычет пальцами в пустоту). После её манипуляций над столом вспыхнул знакомый текст:

Чтобы завершить начатое, соверши три деяния: сорви плод раздора на белом камне, забери глаза у бога войны и на бывшем болоте отыщи фею без ног.

Официант принёс заказ. Закрыв редактор, Инга взялась за салат и заговорила с набитым ртом:

— Я сначала не знала, что с этим делать. Думала идти в полицию, но потом поняла, что это дохлый номер — они только посмеются… Вместо них пошла к Рябову, отцу Кэсс: поначалу не хотела к нему идти — у него ведь инсульт был, а потом всё же решила, что он должен увидеть стикер. Но оказалось, он его уже

видел и с помощью ментора решил выяснить, чт***о*** это значит. Только я тоже не сидела сложа руки. Пришлось потратить уйму времени, но в конце концов я всё поняла: плод раздора — это яблоко во «Фрее», глаза бога войны — бинокль в «Адреуме», а фея без ног — кукла в «Дворге».

Вновь умолкнув, Инга взяла бокал. Про себя я отметил, что работу она проделала аховую: опытный ментор с такой загадкой справится быстро, а ей — тестировщице — пришлось корпеть не один день. С учётом её рабочей смены — не одну ночь.

Свой бокал девушка осушила за пару глотков и хмыкнула, заметив мою тревогу:

— Не бойтесь, я не опьянею — в моём гейм–кресле периферийки нет. А «Вирландию» я пью только потому, что вкус нравится.

— Ааа… — глупо протянул я.

Под «периферийкой» подразумевался впрыскиватель — на редкость экзотичная штука. Представляет собой манжету, надеваемую на плечо. В манжете скрыт миниинъектор с набором игл; если вы пьёте в игре алкоголь, одна из иголок (немногим толще комариного хоботка), кольнув вас в плечо, впрыснет психотропный препарат — относительно безвредный и не вызывающий привыкания. Из–за него вы опьянеете (насколько сильно, зависит от объёма выпитого) — но с гейм–кресла встанете трезвым: на нервную систему препарат влияет лишь до тех пор, пока вы в ВИРТУСе. Кстати, очень удобно; многие пьют теперь только здесь, чтобы в реале иметь ясную голову.

Обдумав сказанное Ингой, я подытожил:

— Значит, вы ввязались в расследование? Тратите время, разгадываете загадки… И всё только из–за подруги?

— А по–вашему, ввязаться во что–то можно лишь из–за денег? — Ингу явно задел мой скепсис. — Фактор дружбы — не в счёт?

— Обычно не в счёт, — беспощадно ответил я. — Дружба пропорциональна удаче: если жизнь лупит тебя по башке, друзья трансформируются в приятелей.

— Глупости, — бросила Инга. — И мне жаль вас, если вы и правда так думаете.

Я лишь мысленно хмыкнул: в конце концов, она почти вдвое меня младше. Ей положено быть немного идеалисткой.

— Ладно, — снисходительно сказал я, — допустим, я верю в ваши мотивы. Но почему вы решили действовать сами, а не ждёте вердикта полиции?

— Они его уже вынесли, — холодно заметила Инга. — Несчастный случай. А того, кто был за рулём, они не найдут.

Отец Кэсс тоже так думает — иначе он не нанял бы менторов. И вас в том числе.

— Ну тогда подождите, пока я выполню работу, — пожал я плечами. — Зачем вам влезать в это самой?

— А я не верю, что вы её выполните, — дерзко призналась Инга. — До вас пытались уже трое. И все они начали с того же, с чего и вы.

— С объявления на столбах? — глупо спросил я.

Инга кивнула.

— Стоп… — до меня стало доходить, как она узнала о моём задании. — Значит все, кого нанял Рябов, объявляли о наборе дрессировщиков с магами, и когда я дал похожее объявление, вы поняли, зачем я здесь?

Инга снова кивнула.

Я похолодел.

У меня и мысли не было, что каждый из моих предшественников начал с «Фреи»: кто–то ведь мог отправиться в «Адреум», а кто–то — в «Дворг». Но они друг за другом ломанулись сюда и пытались украсть яблоко. Потому его так рьяно и охраняют: попытка кражи была не одна — их уже было три!

Я с огромным трудом сохранил невозмутимость. Ещё час назад задание Рябова казалось мне просто сложным. Когда я побывал на площади, оно стало ***о***чень сложным. Но теперь оно переквалифицировалось в невыполнимое.

Подавив вздох, я спросил:

— Вам известно, что ***и***менно делали мои предшественники?

— Хотите знать, как они пытались украсть яблоко? — Инга вдруг ослепительно улыбнулась: — Скажу, если возьмёте меня в помощники!

Вот теперь мой тяжкий вздох прорвался наружу. А с другой стороны — приятно быть правым: наивность в её взгляде обернулась капканом. Я уже знал, что угодил в него по уши, но всё–таки попробовал воспротивиться:

— Считаете себя ценным источником информации? Я ведь могу открыть логи игры…

— Не можете, — беззаботно возразила Инга. — Вы что, правил конфиденциальности не читали? Просмотр действий игроков разрешён только админам. Даже если вы и получите доступ к системам статистики, у вас уйдёт уйма времени на расшифровку лог–файлов — а я могу рассказать всё здесь и сейчас. Простым доступным языком.

Несколько мгновений я колебался.

— Неужели моя кандидатура вас так смущает? — Ингу это,

похоже, развеселило. — Скажите, что во мне ужасного, и я поработаю над собой.

Игнорируя её тон, я велел:

— Покажите ваш чарлист.

Инга выполнила просьбу. Я бегло просмотрел статы: сила — середнячок, ловкость — середнячок, удача — середнячок… В общем, почти всё средненькое. Но мастерство подчинения хищников и призыва волшебных существ прокачаны изрядно. Для заклинателя–дрессировщика это большой плюс.

Но вслух я сказал другое:

— Могло бы быть и получше.

— Могло бы, — признала Инга. — Но вам ведь нужен заклинатель — а заклинатель я первоклассный: могу хоть сейчас призвать гигантского горного орла. Хотите покажу?

— Гигантский орёл? — повторил я. — Их же в королевстве всего несколько штук… И где вы его возьмёте в городе?

— Долго же вы не играли во «Фрею»… — вздохнула Инга. — Мастерство вызова зверей, прокачанное до тридцати, даёт возможность телепортации призванного существа.

Я уязвлённо промолчал. И правда, неплохо бы освежить память…

— Ну так как? — спросила Инга. — Согласны на сделку?

Я медлил с ответом. Мой жизненный опыт велел опасаться напористых женщин. Кроме того, я ведь не знал, правдива ли её история. С одной стороны, она достаточно молода, чтобы ввязаться в авантюру из–за погибшей подруги и даже в какой–то степени рисковать, а с другой — только ли в подруге дело?..

Но мне также было ясно, что яблоко на пирамиде — самое защищённое во «Фрее» место: возможно, даже короля охраняют сейчас меньшими силами. И любой, кто откликнется на моё объявление (если таковые найдутся), убежит сломя голову, едва узнав, что я намерен украсть. На это пойдут лишь те, кому не жалко аватара, потому что он не прокачанный, — ну так и мне такие помощники не нужны.

— Если мы станем сотрудничать, — произнёс я после паузы, — то вы будете подчиняться мне. Я говорю — вы делаете. Без «почему» и «зачем».

— Согласна, — кивнула Инга.

— И мне всё равно, какой у вас рабочий график: когда я скажу вам быть во «Фрее» — вы должны быть во «Фрее».

— У меня отпуск, — сказала Инга. — Я должна была уйти в него в летом, но не ушла из–за Кэсс: мы вместе собирались… А одна я не захотела…

Мрачно кивнув, я заключил:

— Тогда пусть будет сделка. Рассказывайте, как действовали предыдущие менторы.

Глава 4

— Первым ментором был Жаров, — сказала Инга.

— Макс Жаров? — уточнил я.

— Вы его знаете?

Я кивнул. Макс парень неплохой, но горячий — часто лезет на рожон. Спешит и рискует, когда лучше выждать. Но дело своё знает; торчит в ВИРТУСе день и ночь, изучает персонажей, находит пасхалки. Ментор он классный, но в топовые геймеры ни в одном сегменте не выбился, — а всё из–за любви к риску… Хотя Макс в топы и не рвётся.

— Во «Фрею» он вошёл месяц назад, — сказала Инга, — как раз когда я разгадала строчку на стикере. Как и вы, он дал объявление на столбе. Я сразу поняла, что он тут из–за Кэсс — Рябов ведь говорил, что наймёт ментора. Ну я нашла этого Жарова, попросилась к нему в отряд… — Инга допила коктейль и недовольно признала: — Я же отлично понимаю, что в одиночку мне яблоко не достать.

По досаде в её голосе я догадался:

— Жаров не взял вас?

— Не взял… заявил, что ему дрессировщики не нужны — хватит одних магов.

Я удивлённо вскинул бровь. Инга кивнула:

— Это и мне показалось странным. Но он и правда одних магов собрал, зато целую кучу… видимо, со всего Эргендса. А что было дальше, я узнала из разговоров — неписи до сих пор болтают об этом в трактирах. Во «Фрее», если слушать сплетни, можно так*о*е выведать…

Инга выдержала паузу, подчеркнув сказанное. В мыслях я с ней согласился. Полдня сидения в таверне принесли мне однажды бесценную информацию: граф изменил жене с кухаркой, графиня соблазнилась сокольничим, у их сына шуры–муры с развратником–эльфом (ориентация отпрыска графине с графом была неведома), а их знатное семейство потихоньку обкрадывал мажордом — собственно, он всё это и выдал за бутылкой разбавленного ромом глинтвейна. Я поступил с информацией мудро, взяв деньги со всех — естественно, за молчание: вначале с протрезвевшего мажордома, а потом с графа, графини и их сына, встретившись с каждым тет–а–тет. Обобрав семейство неписей, я оставил их в покое: они ведут прежнюю «жизнь», умело заширмленную недомолвками… Как и половина семей в реале.

А Инга после паузы сообщила:

— Маги, которых нанял Жаров, переоделись в простолюдинов

и пошли к площади с разных сторон. Потом они одновременно применили какое–то заклинание; говорят, все грифоны, летавшие над пирамидой, рухнули замертво. А другое заклинание подняло Жарова в воздух, чтобы он смог попасть на помост: там ведь нет лестницы — её воздвигают в день выступления короля, а потом убирают. Но когда Жаров взлетел, пирамиду накрыло защитной сферой: если к ней прикоснёшься, угробишь половину здоровья. Ну а Жаров в неё врезался со всего маху… От его аватара один пепел остался.

— Сфера возникла из–за упавших грифонов? — смекнул я.

— Этого я не знаю, — призналась Инга, — но по–видимому, да — ведь несколько трупов упали на пирамиду. Наверное, поэтому и включилась защита…

Я мысленно посочувствовал Жарову. Впрочем, он виноват сам: пора бы перестать спешить. Горячность до добра не доводит.

— Вторым ментором был Гай, — сказала Инга, — его вы тоже должны знать.

Мои губы скривились в мрачной усмешке: да уж, знакомый персонаж… Фамилию свою скрывает, да и Гай — имя явно не настоящее: он определённо русский, а многие ли у нас носят такие имена? Но в Гае меня раздражала не скрытность, а мелочность: он собачился с менторами из–за заказов хуже любой торговки. Гая даже уличали в использовании другого ника, под которым он обливал грязью коллег (и за это он чуть не лишился лицензии). Мало кто из менторов пожмёт ему руку — разве что те, кто не знает о его «подвигах».

Ну а Инга продолжала:

— Во «Фрее» Гай пользовался аватаром того же класса, что и у меня — заклинатель–дрессировщик. А на столбе он написал, что ему нужны маги и воины, причём воинов требовалось больше, чем магов. Он набирал кого угодно: арбалетчиков, мечников… даже на уровень не смотрел. Собрал целую орду, а сам зачем–то отправился на юг королевства — и через сутки вернулся на драконе.

Я присвистнул: приручать драконов умеют единицы. Для заклинателя это высший пилотаж. Какой же у Гая уровень?.. Должно быть, не ниже пятидесятого.

— Как потом стало ясно, — продолжила Инга, — Гай хотел устроить в Эргендсе беспорядки. Для этого он воинов и нанимал: вся стража отвлеклась бы из–за погромов, а Гай прилетел бы к яблоне на драконе. Нанятые им маги должны были пробить сферу, в которую врезался Жаров — конечно, если она опять возникнет. А грифонов можно было не опасаться, потому что…

— …потому что во «Фрее» они боятся драконов, — сказал я за

Ингу. — Гай спокойно сорвал бы яблоко, и ни один грифон не стал бы ему мешать. Но яблоко он не сорвал… — тут я подумал и смекнул: — Великаны?..

— Ага, — хмыкнула Инга. — Рядом с Эргендсом ведь куча волшебных существ, защищающих столицу. Среди них есть великаны… а у великанов есть пращи. Гай видно рассчитывал их облететь, да только не вышло: его дракону пробили валуном череп. До города он дотянул, но потом рухнул на дома. До сих пор там лежит. А про Гая во «Фрее» теперь не слышно.

— Ясно… — проронил я. — Ну а третьим–то кто был?

— Моррисон, американец, — Инга почему–то поморщилась. — Рябов, наверное, сексист — нанимал одних мужиков. В объявлении на столбе Моррисон написал почти то же, что и вы: нужны маги и дрессировщик. Я хотела к нему наняться, как до этого пыталась наняться к Жарову, но Моррисона не устроил мой уровень. Теперь–то я рада, что не попала к нему в отряд: площадь стали усиленно охранять, и Моррисон с помощниками пробирались к ней под землёй — у них была карта городских катакомб. Думаю, они хотели добраться до корней яблони — она вроде растёт сквозь пирамиду, а корни находятся под площадью. Уж не знаю, какое заклинание хотел применить Моррисон, но он видимо надеялся расшатать яблоню: помост бы развалился, а всё дерево провалилось под землю. Только корни у яблони оказались не простыми: они стали отбиваться. Говорят, их даже файерболы не брали. Ну а эрмлины на площади просекли, что внизу идёт бой, и телепортировались в катакомбы — да ещё и стражников прихватили… В отряде Моррисона не выжил ни один аватар.

Инга замолчала, выжидательно глядя на меня — будто ждала каких–то идей. Но идей у меня не было. После трёх провальных попыток кражи идея могла быть лишь одна: оставить яблоню в покое и не косплеить Адама с Евой.

Но тут кое–какая мысль у меня и впрямь возникла… пока смутная, но лучше, чем ничего. Под взглядом Инги я спросил:

— Где именно упал дракон?

— Что?.. — не поняла она.

— Дракон, — повторил я. — Тот, на котором летел Гай. Вы знаете, где он упал?

— Конечно, знаю, — удивилась Инга, — он теперь местная достопримечательность…

— Отлично, — я встал из–за стола. — Хочу увидеть его труп.

Мёртвый дракон лежал на окраине Эргендса, серебрясь под неправдоподобно яркой луной.

Как и говорила Инга, он упал на дома, — а точнее, на лачуги,

ютившиеся на отшибе; тут и смотреть–то было не на что, пока рухнувший исполин не «украсил» пейзаж (хотя не думаю, что неписи из местных трущоб радовались такому соседству).

— Днём здесь полно мальчишек, — сказала Инга, когда мы подошли к дракону. — Они скатываются с него, как с горки.

Я посмотрел на драконье крыло. Оно накрыло склон холма и, судя по сломанным веткам, разворошило сухостой. Крыло было больше туловища раза в два — мне пришлось повернуть голову, чтобы окинуть его взглядом.

Остальная часть дракона распласталась на домах. Картина, честно говоря, завораживала: огромное тело лежит на развалинах, щетинящихся обломками. Лап я не разглядел, зато морда гротескно торчала из–под руин. Всюду выпирали балки, а кое–где печные трубы. Там, где крошево штукатурки не зас**ы**пало чешую, угадывался блеск — но не везде, а лишь местами: видимо, народ повадился отковыривать чешуйки, чтобы их продавать.

— Он тут уже недели три, — заметила Инга и с облегчением добавила: — Хорошо, что во «Фрее» драконы не разлагаются…

Рассеянно кивнув, я полез по обломкам на спину гиганта. Под моими ногами что–то хрустело и осып**а**лось. Достигнув наконец хребта, я встал между двумя шипами, на одном из которых висело платье. «Недоработка, — подумал я, взирая на предмет гардероба. — Платье–то вечернее, дорогое… Откуда бы ему взяться у обитателей трущоб?»

Я сверху оглядел угловатые крылья. Перепонки на них различались отчётливо, дыр нигде не было. И никаких признаков окаменелости (их–то я и искал — точнее, опасался найти): ни на крыльях, ни на хвосте, ни на шипах.

— Что вы там высматриваете? — полюбопытствовала Инга.

— То, чего тут к счастью нет, — сказал я.

Инга не поняла. Я слез с чудовища и пояснил:

— Драконы во «Фрее» и правда не разлагаются, но начинают каменеть через двадцать–тридцать дней после смерти. Если бы этот красавец окаменел, я не смог бы его использовать.

— А теперь разве сможете? Он же…

— Мёртвый, я знаю.

Тут Инга сообразила:

— Вы надеетесь нанять некроманта? Бросьте, ничего не выйдет — в Эргендсе некромантов не осталось. Их всех давным–давно казнили. Уж вы–то как ментор должны знать…

— Угу… — неопределённо буркнул я. Потом подумал и спросил: — Вы бывали в трактире «Исток»?

Я почти не сомневался, что ответом будет «нет»: женщины таких мест сторонятся. Но Инга меня удивила:

— Я там резалась в карты. Разок выиграла по–крупному, а потом… — она смущённо умолкла.

— Понятно, — сказал я, бегло смекнув, почему Инга на мели. — Значит, мне не нужно объяснять, где это.

— Хотите, чтобы я туда пошла?

— Причём немедленно. Найдите хозяина трактира, ***О***кто Ферз***ю***бря. Скажите, что Хьюнг приготовил ему подарок. Пусть Окто пошлёт с вами своих головорезов — желательно арбалетчиков… и пускай они смажут свои стрелы сонным зельем.

— Сонным зельем?.. — удивилась Инга.

— Именно, — подтвердил я. — Вы приведёте их на южный берег реки Стр***а***тер, за игорным домом Ц***о***лфи. Знаете, где это?

Инга кивнула. Не слышать про Цолфи она не могла; и про Ферзюбря, и про Цолфи слышали даже те, кто ни разу не посещал «Фрею». Эти неписи — особенные: адаптивные и способные к саморазвитию. Фактически это ИИ нового поколения, взаимодействующий с геймерами почти на равных. С ним нескучно общаться, а ответы его настолько вариативны, что диалоговое дерево тут уже не построишь — скорее, получится «диалоговый лес».

— Отлично, — подытожил я. — Будьте там не позже полуночи.

— Южный берег реки Стратер, за игорным домом Цолфи, — размеренно сказала Инга. — Быть там не позже полуночи вместе с арбалетчиками Ферзюбря… Ладно.

Я слегка удивился такой исполнительности. Инга с вызовом напомнила:

— Вы же сами сказали — без «почему» и «зачем». Как видите, я следую правилам. Остаётся лишь узнать, настолько ли вы хороши, чтобы их устанавливать.

«Скоро узнаем», — подумал я.

Из разрушенных трущоб мы с Ингой пошли в разные стороны: она — исполнять моё поручение, я — подтверждать своё право устанавливать правила.

— Сны, покупайте сны! — доносилось из парка. — Сладостные, возбуждающие, вещие — на любой вкус! Лучшие сны во всем Эргендсе! Сны, покупайте сны!..

Я поднялся со скамьи и направился туда, откуда доносился голос.

Парк почти в точности копировал тот, где я оказался после входа во «Фрею»: программисты использовали схожий код. Звенели фонтаны, пестрели в свете фонарей цветники. Жимолость тоже была в наличии.

Продавца снов я заметил сразу. Толстый низенький мужичок с небритой физиономией никак не соответствовал образу того, кто торговал волшебством. По замыслу разработчиков ему было всё равно, что продавать — дешёвые сувениры или чужие сны.

Поравнявшись со мной, он вкрадчиво произнёс:

— Сдаётся мне, уважаемый, ты в этом парке неспроста.

Тянуть я не стал — сразу достал горсть монет:

— Мне нужен сон ребёнка.

— Сон ребёнка? Дороговато будет… Детские сны безмятежны, чисты, как первый снег в конце ноября…

— Давай без прелюдий, — жёстко перебил я. — Сколько?

Маска добродушного волшебника вмиг слетела с лица торговца.

— Есть печальные сны, есть радостные, — деловито сообщил он. — Тебе какой?

— Конечно, радостный. Чем радостнее, тем лучше.

— Десять ирллингов. Хороший, радостный сон… К тому же настоящий, а не какая–нибудь подделка. Целых три мага трудились над тем, чтобы скопировать его через Астрал.

Я отсчитал нужную сумму и высыпал монеты в ладонь торговца. Тот, порывшись в кармане, вынул пробирку с искрящимся сонным эликсиром.

— Ты бы этим не увлекался, — предостерёг меня торговец, когда я, взяв эликсир, уже собрался идти дальше. — Детские сны расслабляют, притупляют бдительность… В один прекрасный день и сам не заметишь, как смотришь на мир глазами ребёнка. А это опасно.

— Чем же? — спросил я, хотя знал ответ: создавшие торговца программисты схалтурили — он «не помнил», что этот странный диалог мы ведём не впервой.

Торговец улыбнулся — зло, цинично. Сказал, обращаясь уже не ко мне, а в пустоту:

— Нельзя терять бдительность в мире, где продаются сны.

И зашагал прочь.

«Да ты сам часть моего сна, — подумал я. — Человечество купило себе сон под названием ВИРТУС — и полюбило его больше, чем явь».

Но вслух я ничего не сказал — торговец всё равно ни черта бы не понял.

Я свернул на другую аллею и пошёл вперед, мысленно считая шаги. На тридцать пятом шаге остановился, раздвинул кусты и вышел на безлюдную, окружённую вязами поляну.

Торговец снами среди геймеров прослыл жуликом: выпитый эликсир ничего не даёт. Но фишка в том, что эликсир не нужно

пить самому.

Встав между вязами, я нашёл место, где тень была гуще обычной и к тому же слегка дымилась: хотя дымом не пахло, его кольца вздымались в свете единственного фонаря (кстати, именно фонарь и навёл меня однажды на мысль, что с этой поляной не всё гладко: я бродил тогда по парку, увидел фонарь и задался вопросом, зачем его здесь поставили — в стороне от аллеи?).

— Выходи, Страж, — сказал я. — У меня есть для тебя сон.

Тень всколыхнулась, вздыбилась, обрела очертания. Перестала быть тенью и шагнула ко мне:

— Это ты, вор?

— Я, я… — сказал я. — Соскучился по твоей дымчатой роже.

Энписи засмеялся густым басом. В отличии от торговца, «амнезией» он не страдал.

В нашу первую встречу Страж заговорил со мной сам: пока я глядел на дым, откуда–то прозвучал шёпот, жалобно вопрошавший, не могу ли я помочь несчастному обездоленному созданию. Я, само собой, спросил, о каком создании речь и чего оно хочет; «создание» сообщило, что когда–то его прокляли, и теперь оно влачит жалкое существование, будучи не в силах покинуть эту поляну. «У меня, — сказало «создание», — не осталось никаких развлечений — я даже не могу заснуть и увидеть сны».

Вот тогда–то я и понял, зачем нужен торговец снами, докучающий геймерам на соседней аллее.

Отсмеявшийся Страж с надеждой спросил:

— У тебя правда есть сон?..

— Я тебе когда–нибудь врал? — покривил я душой.

— Врал, когда хотел проверить, отличу ли я эликсир сна от подделки.

— Было дело… — признал я. — Не бойся, эликсир подлинный.

Призрачная, состоящая из дыма фигура будто бы приосанилась — полагаю, в предвкушении. По словам Стража, свой нынешний облик он получил в наказание за злодейства, совершённые так давно, что о них мало кто помнит. А Стражем он звался потому, что прозябал в парке лишь до полуночи, а ночью отправлялся в ад, где сторожил терзаемые муками души… Из–за этого–то я сюда и пришёл.

Я помахал перед ним пробиркой, где золотился эликсир. Страж протянул руку, но я мотнул головой:

— Ты получишь напиток в обмен на услугу.

— На какую? — пробасил Страж.

— Мне нужно, чтобы ты привёл из ада трёх некромантов.

— Нет, не могу… — Страж отступил. — Даже если бы и мог… в аду ведь такая навороченная система охраны…

Мысленно хваля «Фрею» за юмор (уже не в первый раз за вечер), я притворно вздохнул:

— Что ж, выходит, сон ребёнка тебе не нужен… Ладно, продам кому–нибудь другому.

— Сон ребёнка? — оживился Страж.

— Ага. Радостный, светлый. Ты давно таких не видел.

Страж горестно простонал. Уже зная, что он у меня на крючке, я уточнил:

— Некроманты должны прийти в Эргендс к завтрашнему полудню. Отправь их в трущобы и вели оживить дракона. Сможешь это провернуть?

Страж для приличия помялся, но я знал, что провернуть он может и не такое. Игроки, которым повезло его обнаружить (и кому хватило ума грамотно использовать его помощь), поднимали свой уровень до небес.

— Ладно, — в конце концов ответил Страж, — думаю, я договорюсь с некромантами. Когда должен ожить дракон?

— В полдень, когда на ратуши пробьют часы. И пусть он летит на запад, к пирамиде, возведённой на Южной площади города. Запомнил?

Страж повторил услышанное. Кивнув в знак одобрения, я ещё раз озвучил условия сделки — чтобы не попасть впросак:

— Итак, я даю тебе сон ребёнка, а взамен ты приводишь в Эргендс троих некромантов. Они совместными усилиями оживляют дракона, который лежит в трущобах: завтра в полдень он должен взлететь и направиться…

Страж слушал и кивал. Когда я закончил, он согласился на сделку. Это было всё равно, что подписать договор: своё слово Страж нарушить не мог.

Я вложил пробирку в его ладонь, и та исчезла: чтобы воспользоваться эликсиром, Стражу не нужно его пить. И в этом ещё одно достоинство «Фреи» — простота.

Игорный дом Цолфи стоит у обрыва, с виду напоминая простой особняк. Растительность вокруг дома только усиливает это впечатление. Правда, радующие глаз цветочки здесь вовсе не для красоты, — если, конечно, хозяин особняка не настолько спятил, чтобы засадить «сотку» земли плотоядными растениями из сугубо эстетических побуждений.

Южные окна дома выходят на бурлящую внизу реку Стратер. Здесь неписям–садоводам работы мало — от дома до обрыва

всего метров двадцать. Зато с севера, запада и востока особняк окружает пёстрое море цветов, проборождённое узкими аллейками. По этим аллейкам можно ходить, сколько хочешь, но стоит чуточку свернуть, и с виду обычные сорта гвоздики, роз или лаванды ощетинятся зубами, а их стебли превратятся в клешни.

Не хотел бы я ухаживать за таким вот садиком… Не только в реале, но и в ВИРТУСе.

Подобраться к особняку с юга оказалось делом непростым, — да и стоило ли ждать чего–то иного, если склон тут местами отвесный, а зацепками для рук служат редкие кустики?

Стоя внизу, на топком берегу, я открыл инвентарь и выбрал слот с ледорубом. Если честно, сомневаюсь, что в реале он сгодился бы для склонов вроде этого — ведь тут вместо льда только глина и камни. Но «Фрея» — всего лишь игра, пусть и очень красивая. А игра, когда дело доходит до тонкостей, остаётся игрой.

Затем я наклонился, потянул за торчащие из сапог (будем считать, что моя виртуальная обувь всё–таки звалась сапогами) кожаные ремешки. В ответ на это подошвы ощетинились десятком шипов.

Орудуя ледорубом, цепляясь за стебли и впиваясь в склон металлическими шипами, я одолел подъём за четверть часа. До полуночи оставалось минут пятнадцать, когда я вышел на аллею с южной стороны дома.

По аллее я шёл пригибаясь, чтобы не попасть в поле зрение охраны. Охранниками здесь служили оборотни; угрюмые типы в невзрачных плащах внешне не отличались от людей, но завсегдатаям «Фреи» их истинная сущность известна — как и их слабость: обоняние. У оборотней чуткий нюх, но ароматы цветов его притупляют (если бы не это обстоятельство, они бы меня учуяли). Хозяин игорного дома просчитался, положившись на зубы плотоядных растений… Впрочем, не «хозяин», а «хозяйка».

Дойдя до стены, я вновь открыл инвентарь. В этот раз я достал меч. Посмотрел по сторонам, убедился, что рядом нет оборотней — и кинул меч в гущу цветов.

«Плотоядные» не шелохнулись. Умеют, гады, отличать мясо от металла…

Причина моих приготовлений (как и лазанья по склону) была проста: пройти в игорный дом с мечом я не мог, а инвентарь там не открыть — пронести что–то за порог можно лишь на себе. Но мне вскоре предстояло сигать из окна, так что меч я оставил рядом с местом своего будущего падения. И поскольку посетителей тут обыскивает охрана, я вынул из карманов отмычки и вложил их в пустые слоты — мало ли, ещё найдут…

Достав из другого слота Кольцо удачи, я надел его на палец и зашагал к парадным дверям.

Опасался я зря: обыскивали меня неумело. Видимо, здешних неписей давно не тревожили звоном мечей. А им, как и настоящим секьюрити, длительное спокойствие вредит.

Ну ничего, сегодня оно прервётся.

Изнутри игорный дом выглядел затейливее, чем снаружи: резной потолок, шикарные люстры, лепнина. Окна занавешивали портьеры, стены золотились сукном. Лестницу на второй этаж стерегли статуи львов, вытесанные из белого мрамора. Сновали лакеи в зелёных ливреях, толпились у столиков игроки, услужливые дилеры разъясняли правила новичкам.

К очередному посетителю (то бишь мне) хозяйка вышла сама: мы знакомы давно, так что я не удивился. Неписи её уровня — это вам не торговец снами.

— Глазам своим не верю! — Цолфи приветственно дёрнула крыльями; они были чёрными, с густым оперением — на зависть всем остальным гарпиям. — Какой неожиданный визит! Надеюсь, знаменитый вор не собирается нас ограбить?

— Непременно ограблю, — пообещал я, — только вот в рулетку сыграю.

Цолфи звонко засмеялась, демонстрируя клыки. Её облик был исполнен демоническим шармом, в движениях угадывалась пластичность. Ну не зря же эту даму внесли в тройку самых неординарных злодеев «Фреи».

Сейчас на ней было вечернее платье — чёрное, как и её крылья. Рыжие волосы блестели, ледяной взгляд завораживал. В общем–то, Цолфи была бы красавицей, если бы не её руки: от запястий до ногтей они походили на птичьи лапы.

— Кстати, о рулетке… — сказал я, глядя на неё. — Я желаю сыграть в «Рулетку Судьбы». Ставить буду на число.

Рядом присвистнули, а затем стало тихо — и я знал, что все уставились на меня (в этой части зала уж точно).

Цолфи словно окаменела, демонстрируя вполне живые эмоции.

— Ты что, решил надо мной посмеяться?

— Ни в коей мере, — честно ответил я.

— Тогда может ты пьян?.. — прищурилась гарпия.

— Ну что ты, Цолфи — разве посмел бы я прийти пьяным в столь непорочное место…

Судя по сдержанным смешкам, мой сарказм оценили.

— Тогда я не понимаю… — Цолфи сверлила меня взглядом. — Ты ведь вроде не из этих… Или просто притворялся?

Я предпочёл не отвечать, хотя знал, чт***о*** она имеет в виду.

«Рулетка Судьбы» на первый взгляд неотличима от обычной игры в рулетку: красные и чёрные сектора, всего тридцать шесть плюс зеро. Но ставят тут не деньги, а характеристики персонажа. При обычной ставке (на красное или чёрное, чёт или нечет) выигравший игрок получает сто тысяч ирллингов, а проигравший снижает поставленную характеристику до трёх единиц; то есть если игрок ставит силу, прокачанную до тридцати, то при проигрыше она снизится до трёх, а потерянные двадцать семь единиц станут собственностью Цолфи и пойдут на продажу другим игрокам: свои статы во «Фрее» можно не только развивать, но и купить — хотя это мало кому по карману.

Но самое «весёлое» ждёт экстремалов, ставящих на число. Им сулят выигрыш в миллион, но шанс выиграть ничтожен, а аватар проигравшего угодит к Цолфи в рабство — точнее, в *сексуальное* рабство… прямиком в её темницу с БДСМ-атрибутами. Кстати, это прибыльная лазейка для мазохистов из стран, где запретили порно–сегменты ВИРТУСа: скажем, из Туркменистана, Индии или Египта не войдёшь ни в «Порнов***и***рт», ни в «Х-виртуал», — но можно попасть во «Фрею» и, проиграв там в рулетку, стать жертвой бэдээсэмщицы (а для не нуждающихся в экзотике всё куда проще — в той же «Фрее» полно борделей, просто они иначе зовутся). Моралисты в итоге довольны запретом, остальные спокойно его обходят… И волки сыты, и овцы целы.

— Вот уж не думала, что у тебя такие наклонности, — с сомнением сказала Цолфи. — Ну что ж, валяй — в моей коллекции всегда есть место для нового экземпляра.

Она кивнула на лестницу, приглашая меня в приватную комнату. Я направился за ней, игнорируя звучавшие мне вслед колкости. Оставалось лишь вздыхать… Ну почему, когда не надо, вокруг столько живых игроков?..

Одолев лестницу, Цолфи остановилась:

— Ты ведь часом не собираешься смухлевать? — она взглянула на кольцо, надетое на мой палец. — Или ты думал, я не замечу? Толку от него не будет: в «Рулетке Судьбы» оно не действует.

— Я в курсе, — бросил я небрежно и свернул в коридор с драпированными красным бархатом стенами.

Цолфи неожиданно меня обогнала:

— О, Хьюнг!.. Так ты и правда желаешь стать моим рабом?

Сдержав смех, я подтвердил:

— Конечно — мне с детства хотелось, чтобы меня мучили. Я долго этому противился, но в конце концов понял, что против природы не попрёшь. Умоляю тебя, Цолфи, будь моей госпожой.

От её хищной улыбки мне стало не по себе. Ну вот чт***о*** было в

мозгах у людей, создавших этого персонажа?.. Хотя думаю, они просто прикалывались.

— Потерпи, милый, — проворковала Цолфи, — нужно лишь сыграть в рулетку, и тогда я за всё тебя накажу…

— Жду с нетерпением, — сообщил я.

Мы дошли до приватной комнаты, обставленной в том же стиле, что и зал — разве что вместо люстр были настенные канделябры. Посередине стоял стол с вращающимся барабаном. Ожидавший нас дилер (он всегда тут стоял) готов был к игре.

«Прости, старик, — подумал я, — сегодня работы для тебя не предвидится…»

Впрочем, это не означало, что ему придётся скучать.

Глянув на Цолфи, я для проформы спросил:

— А когда я проиграю, что со мной будет? Меня закуют в кандалы или просто телепортируют в твою темницу?

— Ну что ты, красавчик, — обиделась гарпия, — никакой телепортации: у нас всё реалистично. Сначала все твои характеристики снизят до трёх, чтобы ты не мог сопротивляться. Потом я отведу тебя в особое место, где ты будешь раздет и клеймён. Потом…

— Клеймён? — повторил я, пытаясь припомнить, какой во «Фрее» уровень боли. Вроде восьмой — самый низкий. Значит, клеймо жжёт не сильнее крапивы, — хотя выглядит всё наверняка жутко (да и уровень боли можно повысить)… Рай для садомазохистов.

Но ликбез о местных буднях пора было прерывать — и делать то, зачем я пришёл. Так что я развернулся к гарпии и спросил:

— Слушай, Цолфи… а нельзя ли сделать так, чтобы меня мучили твои сёстры?

Произнося эти слова, я шагнул ближе к окну.

— А они–то тут при чём? — нахмурилась гарпия.

— Ну как… всё–таки они моложе, да и руки у них не такие страшные, как у тебя…

Цолфи переменилась в лице. Крупье, стоявший истуканом, в ужасе закрыл рот ладонью: над убедительностью его гримас поработали не хуже, чем над обликом самой Цолфи.

Ну а я продолжал:

— Я бы предпочёл, чтобы это была Элайна: она совсем юная и без морщин, а у тебя… нет, ты тоже симпатичная, но всё–таки возраст… Ну и Электра хороша: такая кожа, такая грудь… Если они захотят меня мучить, то я буду счастлив. А ты сможешь наблюдать и…

Шипение Цолфи оборвало мой трёп. Гарпия в считанные мгновения покраснела.

Я мысленно возликовал — мой нехитрый план сработал.

Одна из сильных сторон «Фреи» — это неписи (а глупый торговец снами — лишь редкая недоделка): они ссорятся, мирятся, создают семьи. В их иллюзорных головах есть свои тараканы, пусть и созданные программистами. Это всё можно использовать, если вникнуть в историю персонажа — что я обычно и делаю… А иначе не быть мне хорошим ментором.

Цолфи ненавидит своих сестёр. У неё их целых шесть, и она среди них старшая. Эта семёрка вечно враждует, вовлекая в свои распри других неписей с игроками. А главное, у Цолфи скверный характер — настолько, что о нём ходят легенды. Свой гнев она не контролирует. От слова «совсем».

— И ещё мне нравится ваша младшенькая, Селена, — невинно сообщил я. — Ей ведь вроде девятнадцать — вдвое меньше, чем тебе. По сравнению с тобой она просто…

— Убью!.. — выкрикнула Цолфи — и прыгнула на меня через стол.

Моему аватару пришёл бы конец, если бы не Кольцо удачи. Дилетанты считают, что полезно оно лишь в азартных играх, но в описании артефакта ведь ясно написано: «Приносит везение в игорных домах». Пусть кольцо и не спасло бы меня, играй я в «Рулетку Судьбы» (слишком уж мал шанс выиграть), но от прочих угроз оно своего обладателя защитит, пока тот в игорном доме… А взбешённая гарпия — это угроза.

Вот поэтому Цолфи, стукнувшись макушкой о потолок, карикатурно рухнула на пол.

Ну а я прыгнул в окно.

Со звоном брызнули осколки. Сидевший на карнизе дрозд (и откуда он тут взялся?) ошалело вспорхнул. По моей щеке резанула ветка растущего за окном дерева.

Именно это и не дало мне перевернуться в воздухе так, чтобы упасть на ноги, — вместо этого я упал на спину.

Случись такое в реале, я бы стал инвалидом, но тут я лишь слегка ушибся: кустарники и цветы смягчили падение. Однако схватить оставленный под окном меч сразу, как я планировал, у меня не получилось.

А изголодавшиеся по мясу цветочки ждать не собирались.

Какой–то стебель обхватил меня сзади за шею. Слева послышалось рычание, смешанное с предвкушающим чавканьем. Я рванулся в сторону, а рядом клацнули зубы; розы, гвоздики, орхидеи — каждый цветок превращался в монстра, раскрывая небольшие, но вполне себе грозные пасти.

Нащупав рукоять меча, я наугад рассёк им стебель у себя за спиной и, поморщившись от вопля (стебелёк орал так, что хоть

уши затыкай), ударил ещё раз. Обнаглевшая орхидея, метнувшись ко мне, успела отпрянуть.

Я помчался по аллее, рубя мечом распоясавшиеся дары флоры. Отсечённые бутоны летели в разные стороны, из разбитого окна вопила Цолфи, вылезавшая на карниз (я это понял по звону осколков). Слева и справа неслись оборотни, на ходу превращаясь в пантер: они бежали на четвереньках, а в их лицах не осталось ничего человеческого.

Но я успел достичь обрыва и прыгнуть.

Это только со стороны река Стратер кажется красивой — пока не плюхнешься в неё с тридцати метров.

Разумеется, Цолфи погналась за мной.

— Убью!.. — у меня над макушкой захлопали крылья. — Четвертую!.. Разорву в клочья!..

Она обещала мне что–то ещё, но я не прислушивался: ни одну из угроз Цолфи исполнить не доведётся.

Подныривая, чтобы спастись от когтей, я переплыл реку (та в этом месте неширокая) и, вцепившись в камыш, вылез на берег. Цолфи пыталась схватить меня, но промахивалась: у гарпий плохо с координацией — пока они в воздухе, им трудно что–либо взять. Из–за таких вот деталей я советую клиентам читать описание расы, но те ленятся… Впрочем, оно и к лучшему: пока геймеры ленивы, у менторов есть работа.

А ещё я советую выяснять, с кем враждуют значимые в игре неписи — мало ли, вдруг пригодится…

Едва Цолфи приземлилась, как просвистевшая стрела воткнулась в её бедро. Гарпия изумлённо опустила глаза и без чувств рухнула на траву.

— Зря ты пересекла Стратер, — донеслось из–за деревьев.

Потом из леса вышли трое.

Слева шёл лысый старик, справа — хмурый бородач. Между ними, но чуть сзади шагала Инга.

— Отличный выстрел, — оценил я.

Старик усмехнулся и взмахнул арбалетом.

— Она нарушила границу, — сказал бородач. — Уговор был простой: всё, что к северу от Стратера, контролирует Цолфи, всё, что к югу — Ферзюбрь. Реку никто не пересекает. А Цолфи пересекла. Мы были в своём праве.

Он сказал это не мне, а вышедшим на другой берег оборотням. Те секунду подумали (если это слово применимо к неписям) — и пошли прочь. Обеих пантер поглотил полумрак.

Старик с арбалетом обратился ко мне:

— Благодарю за подарок. Полагаю, ты хочешь получить награду?

— Хочу, — подтвердил я. — Отведи меня к Ферзюбрю.

— Нас обоих, — встряла Инга и требовательно на меня глянула: мол, я выполнила поручение, так что даже не мечтайте от меня отвязаться.

Пожав плечами, я вздохнул:

— Ладно, нас обоих… Веди нас к своему хозяину.

Старик коротко кивнул, бородач дал нам знак идти за ними, а из леса вышли ещё двое и, подняв Цолфи, куда–то её понесли. Под действием зелья та сладко похрапывала.

Когда я поравнялся с Ингой, она заметила:

— Вы только что нарушили перемирие между самыми влиятельными гангстерскими кланами «Фреи».

— То ли ещё будет, — мрачно пообещал я.

Глава 5

Как гневливая Цолфи никогда не покидала игорный дом (по крайней мере, до нашего сегодняшнего «рандеву»), так и Окто Ферзюбрь безвылазно сидел в трактире.

Правда, «Исток» — это не совсем трактир: тут пять этажей, и под трактир отведён только первый (второй — под бордель, деликатно именуемый клубом знакомств, третий — под купальни, а последние два — под апартаменты Ферзюбря).

К моему удивлению, меня пригласили на третий этаж, а Инге пришлось ждать на первом.

— У босса водные процедуры, — пояснил энписи с обезображенным лицом (шрам тянулся от брови до подбородка. Глянешь — сразу ясно: гангстер). — Он придёт ко второму бассейну. Вы тоже можете искупаться.

Я даже замер: о как!.. Главарь виртуальных головорезов и один из умнейших энписи зовёт меня в свой бассейн. Что ж, грех не воспользоваться… тем более после холодного Стратера.

— Постойте, — Инга придержала меня за рукав. Осмотрелась, будто ища взглядом живых игроков, и полушёпотом спросила: — Может, скажете наконец, что вы задумали?

— Потом, — сухо ответил я. — Вы пока отдохните… выпейте виски — он тут односолодовый десятилетней выдержки. Вряд ли вы пили такой в реале.

— А вы, я вижу, разбираетесь, — съязвила Инга.

Я дёрнул плечом. Да, я в этом разбирался. И ещё как.

— Я ведь вам говорила — у меня нет периферийки, — напомнила Инга.

— И ещё вы на мели, — дополнил я. — Ну тогда пейте содовую — она бесплатная.

Инга поджала губы, явно злясь из–за того, что я ничего ей не объясняю. Вздохнув, я нехотя сказал:

— «Исток» не годится для важных бесед. Позже мы зайдём в приват–зону и там поговорим, — а пока просто ждите.

— Без «почему» и «зачем»? — дерзко уточнила Инга.

Но я уже пошёл к лестнице: не люблю загодя раскрывать свои планы… А то, не ровен час, сорвутся.

Купальни Ферзюбря представляют собой несколько залов со схожим интерьером: колонны, бассейн, статуи в нишах. Роспись на потолках, мраморные фонтаны, лианы на стенах. В воде отражён мягкий свет круглых ламп, золотящихся между витражными окнами.

Раздевшись, я залез в бассейн — если можно назвать так

неглубокий водоём, предназначенный скорее для лежания, чем для плавания. Вода была тёплой, как в термальном источнике. Над ней клубился густой пар — видимо, для антуража, потому что дышалось легко, будто никакого пара и не было.

Я закрыл глаза и расслабился.

Увы, спокойно полежать мне удалось лишь минуту — пока не скрипнула дверь.

— Отдыхаешь после бурного вечера? — пробасили с порога. — Кстати, спасибо за Цолфи.

— Ты же знаешь, Окто — я всегда рад помочь.

Открыв глаза, я увидел Ферзюбря.

Окто Ферзюбрь — классический орк: он огромен, мускулист, но обманчиво приземист, если глядеть издалека (из–за мощных плеч и короткой шеи). Его лысый череп похож на валун, уменьшенный раз эдак в десять, но оставшийся несуразно громоздким. Из нижней челюсти, как колья, торчат вверх два клыка, свирепая морда (ну не могу я назвать её лицом!) изрыта морщинами, вполне уместными на тёмно–зелёной коже. Но зато его одежда вызывает улыбку: сорочка, камзол, короткие бриджи и туфли с чулками… Прямо как у дворянина восемнадцатого века!..

— Микки сказал, ты хотел со мной встретиться, — Ферзюбрь встал у бассейна. — Я тебя слушаю, человек.

Я развернулся, чтобы лучше его видеть. Сказал, имея в виду Цолфи:

— Твой враг пленён благодаря мне. У тебя теперь есть власть по обе стороны Стратера.

— Не совсем, — оскалился орк. — У Цолфи много сестёр.

— Перегрызутся, — уверенно бросил я. — Но даже если и нет, Кодекс Чести Орк'анг'дорма велит тебе меня наградить.

Ферзюбрь торжественно кивнул:

— Чего ты хочешь, человек?

— У тебя вроде имеется Браслет Покорности: подчиняет любого, на кого он надет.

— Вроде имеется… — подтвердил орк. — Но его я никому не отдам. Даже тебе.

— А взаймы?

Ферзюбрь задумчиво потёр клык. Выглядело это жутко, если вспомнить, что он — непись. Ну как их сделали такими умными?! Саморазвивающаяся система, новый уровень машинного обучения… Раньше игровой ИИ уступал классическому, а теперь — наоборот.

Я вдруг осознал, что устроил сегодня локальный кризис: временно вывел из игры Цолфи — непись с астрономическим бюджетом и сверхразвитым интеллектом. Именно «временно»,

потому что её вернут: держу пари, админы «Фреи» уже этим занялись. Не знаю, что они предпримут (может, переведут Ферзюбря на прямое управление, дабы тот отпустил пленённую гарпию), но Цолфи они не потеряют. И сделают так, чтобы мою выходку никто не смог повторить.

А это означало, что свой план я должен срочно осуществлять — ведь он основывался на гарпии; мне нужно действовать, пока та у Ферзюбря. В плену ей томиться двенадцать часов — срок невмешательства админов в нестандартную ситуацию, не препятствующую игровому процессу, — но затем они вмешаются. А двенадцать часов истекут завтра… Минут через десять после полудня.

— Если ты хочешь меня наградить, — размеренно произнёс я, — то надень на Цолфи Браслет Покорности и отдай ей три приказа.

— Что за приказы? — спросил Ферзюбрь.

— Первое: завтра в полдень она должна быть у Южной площади. Браслет заставит её к тебе вернуться, и делай с ней потом, что хочешь, — но с двенадцати ноль–ноль до десяти минут первого она мне нужна. Пускай ждёт в проулке между цирюльней и таверной.

Ферзюбрь не ответил — лишь вновь потёр клык. Я продолжал:

— Второе: как только я ей прикажу, она должна будет поднять меня и лететь, куда мне надо.

— Не выйдет, — перебил Ферзюбрь, — ты для неё слишком тяжёлый.

— У меня есть зелье против ранений, пригодное для человеческой расы. Знаешь, как оно действует на гарпий?

— Делает их сильнее, — мрачно бросил Ферзюбрь.

Я кивнул и закончил:

— Третье: она не вправе навредить мне и по моему приказу должна будет приземлиться. Это всё.

Орк с минуту молчал. Мне пришлось себе напомнить, что он — всего лишь программа. Умная, навороченная, — но программа.

— Ты хочешь украсть яблоко, — сказал наконец Ферзюбрь.

— Хочу, — признал я.

— Плохая идея, — орк угрожающе на меня глянул. — Мои дела идут в гору, пока в Эргендсе спокойно, а спокойно тут до тех пор, пока есть яблоко. Не будет яблока — уйдут и те, кто охраняет столицу: кентавры, минотавры, огры… Нет, мне это ни к чему.

— А ты смотри шире, — посоветовал я. — Кто ты сейчас — процветающий гангстер? А кем ты будешь, если Эргендс лишится

внешней защиты? Чтобы уберечь город, властям понадобятся люди… или орки. И ты предложишь свои услуги — под тобой ведь все шайки, что орудуют в горах и грабят торговые караваны. Чем не солдаты?

Ферзюбрь с сомнением возразил:

— Нет, король не пойдёт на такое — не станет он с орками якшаться…

— Станет, если не будет выбора, — а его и не будет. Все рекруты служат в приграничных районах. Отозвать их оттуда? Соседи только спасибо скажут. Месяца не пройдёт, как какой–нибудь хан вспомнит былые обиды.

Я умолк, наблюдая за реакцией орка: он неведомым для меня образом размышлял. Оценивал политическую ситуацию «Фреи», где неписи–правители интригуют, неписи–рекруты идут на смерть, а неписи–бандиты грабят неписей–купцов. Они не столь умные, как Ферзюбрь, — но даже Цолфи и его хватит, чтобы сказать: революция в развитии энписи уже случилась. Слава богу, для них «Фрея» — единственно реальный мир, и если мне вздумается обсудить с Окто наводнение в Перу, он «зависнет» — будет просто молчать… Потому что не знает, что такое «Перу» (точнее, об этом не знает искин, управляющий его поведением). Но всегда ли он будет об этом не знать?.. Может, правы паникёры, считающие, что энписи через годик–другой станут свободно гулять по ВИРТУСу, влияя через Сеть на реал, — а значит, людям пора бить тревогу?..

Отогнав эту мысль, я добавил:

— От тебя будет зависеть безопасность столицы: ты из бандита превратишься в почётного гражданина, вхожего во дворец. Разве это не заманчиво?

Взгляд Ферзюбря изменился — в нём возник интерес. Но вслух он сказал:

— Учти, человек: если я во что–нибудь из–за тебя влипну…

— Не влипнешь, — пообещал я. — Даже если что–то пойдёт не так, на площади увидят только нас с Цолфи. А ты не при делах.

Хмурясь, Ферзюбрь уставился в стену. Потом шумно выдохнул. Опять потёр клык.

— Кодекс Чести Орк'анг'дорма, Окто, — напомнил я.

Ферзюбрь гневно фыркнул, но затем сдался:

— Хрен с тобой — получишь ты свою гарпию… и Браслет на ней будет… Но всё это только на десять минут.

Я мысленно возликовал — мне большего и не требовалось.

— А теперь выметайся из бассейна, — проворчал орк.

Я вылез из воды, обмотавшись на ходу полотенцем. Где–то

щёлкнула заглушка (Ферзюбрь дёрнул за рычаг в стене) — и, пока я одевался, вода всасывалась в сток. Нажим на рычаг, новый щелчок. Бассейн стал наполняться чистой водой.

Покосившись на орка, я осторожно спросил:

— Ты брезгуешь лезть в воду, где лежал человек?

Ферзюбрь вроде бы смутился, что выглядело совсем уж дико. Затем снял камзол, глянул на меня и велел:

— Отвернись.

— Что?..

— Отвернись, говорю — я стесняюсь…

Если честно, в ту минуту мне стало страшно.

Спустившись в трактир, я нашёл Ингу за стойкой, перед опустевшим стаканом: она вняла моему совету и взяла содовую.

Упреждая вопросы, я произнёс:

— Приват–зона, код КЛ–два–ноль-два–два.

«КЛ» — это Клим Ларин, а 2022-год моего рождения.

Рядом с нами возникла дверь.

Приват–зона сравнима с коробкой внутри коробки: её можно открыть в любом ВИРТУС-сегменте. Правда, доступна она не всегда: при контактах с энписи — будь то драка или простой разговор — в неё не попасть. Думаю, это правильно… Ну согласитесь, что шептать в бою «приват–зона» и сбегать от атакующего вас эльфа не комильфо, да и в диалоге это смотрелось бы странно; встреча с тем же Ферзюбрем пошла бы насмарку, если бы в разгар беседы я вдруг взял и свалил.

— Клим Ларин, почта, — сказал я.

Возник интерфейс мессенджера. Открыв письмо Инги (то, где она ответила на моё объявление), я коснулся иконки с её аватаром, затем — своей двери:

— Разрешаю доступ… Базовое условие: в моём сопровождении.

В ответ на мой шёпот дверь (её я уже гостеприимно открыл) стала видимой для Инги. Молча кивнув, она встала со стула. Я пропустил её вперёд и вошёл сам.

Пока Инга осматривалась, я сел в кресло, за заваленный бумагами стол.

Моя приват–зона стилизована под офис частного детектива: шкаф–картотека, два кожаных кресла, диван. Дверь, через которую мы вошли, наполовину застеклена, жалюзи на ней опущены. На доске для заметок висят исписанные листки, под потолком лениво крутится вентилятор.

— Надо же… — Инга крутанула диск на чёрном блестящем телефоне. Потом глянула в окно — и вскинула бровь при виде

Тынского храма: — Прага?.. А почему, к примеру, не Бруклин? По антуражу было б самое то, — на миг умолкнув, она мечтательно закончила: — Логово частного сыщика где–нибудь у Бруклинского моста…

— Я не был в Бруклине, — признался я с неохотой. — Не люблю посещать в ВИРТУСе места, где не бывал в реале.

— А в Праге, выходит, бывали?

— С женой. Медовый месяц.

— Так вы женаты?

— Был женат.

Инга кивнула и больше не стала ни о чём спрашивать. Молодец. Это лучшее, что она могла сделать.

Я указал ей на кресло, а сам голосовой командой вновь открыл интерфейс — в этот раз своего персонажа.

— А вы не очень–то джентльмен, — заметила Инга, усаживаясь напротив меня. Пылившиеся в кресле газеты ей пришлось убирать самой.

— Это точно, — буркнул я. — Манерничать с дамами у меня не выходит. Цолфи вам подтвердит.

Мою глупую шутку Инга не оценила.

Беглый просмотр характеристик дал ожидаемый результат — я потерял немного здоровья: очевидно, после прыжка из окна. Для таких казусов есть система оповещений (голосовая или визуальная — на выбор), но я её отключил. Вообще–то так делают почти все, хотя раньше — в эпоху приставок — это было немыслимо: системные сообщения возникали чаще баннеров, всплывающих на ютьюбе. Тебя ранили? — лови циферки… даже если это просто укус пчелы («Вас жалит пчела! Получено 1 единиц урона! Ваша жизнь 49/50»). А отыскав новый предмет, ты вмиг узнавал всю его подноготную — даже про нож было написано, что это нож (ну а вдруг кто–то примет его за грабли?) и что сделан он из железа. Был даже литературный жанр – LitRPG, немыслимый без подобных оповещений. Но когда с книжных страниц виртуальность перекочевала в квартиры, оказалось, что все эти цифры излишни: они только мешают, вспыхивая в пылу схватки. Ладно ещё, если бьёшься с волшебником (без цифр не оценишь урон от магии), но где магии нет, всё ясно и так: будешь терять кровь — ослабнешь, сломаешь ногу — не сможешь на неё ступить, а если тебя долбанут по башке, то упадёшь и не встанешь… Короче, при серьёзной травме тебе так поплохеет, что всё поймёшь и без цифр. Ну а то, что «нож железный», «палка деревянная», а «унитаз фаянсовый», подскажут собственные глаза.

В общем, товарищей фантастов обошла стороной очевидная мысль: погружение в игру — оно на то и погружение, чтобы быть

самодостаточным, и ни один набор цифр не скажет вам то, что говорит тело.

— Зачем вы так поступили с Цолфи? — спросила Инга. — Она что, поможет нам завладеть яблоком?

— Нам?.. — уточнил я.

— Ну вы же взяли меня в помощницы. Значит — нам.

Я медлил с ответом. Что–то в Инге меня настораживало. Её ум (а она определённо умна)? Настойчивость? Не по возрасту броская харизма? Я и сам не мог понять, но, наверное, всё вместе.

Тут её взгляд устремился куда–то вверх, за моё левое плечо:

— Надо же… — Инга привстала с кресла. — Вы её сами скопировали?

Я сначала не понял, куда она смотрит, но затем догадался, что на картину: та висела сзади меня. В общем–то ясно, почему Инга её заметила: в антураж офиса картина не вписывалась — слишком уж странная… На первый взгляд она простая — мужик с собакой на ночной улице, — но и улица, и мужик, и собака какие–то деформированные, будто состоят из фрагментов (словно картина была написана на стекле, а потом его разбили — и осколки кое–как склеили).

— Нет, не сам, — признался я. — Один мой клиент художник, а заодно игроман. В свой последний визит он достал из слотов картину и с какого–то перепугу решил украсить ею мой офис, — почему–то смутившись, я добавил: — А удалять её неудобно: он ведь часто тут бывает. Увидит, что картины нет… Зачем обижать человека?

— И клиента терять, — безжалостно добавила Инга.

— Не без этого, — признал я.

Инга кивнула и вдруг спросила:

— А художника случайно не Вячеславом зовут?

Я удивился:

— Откуда вы знаете?

— Он вообще–то знаменитость, — укоризненно сказала Инга. — Вячеслав Зотов, известный авангардист. Пишет в стиле кубофутуризма… видите, у него все объекты геометризированы?

— Чего?.. — тупо спросил я.

Инга вздохнула:

— Это такой метод живописи. Изобразительные формы упрощаются через выделение их геометрической структуры. Всё предстаёт как бы раздробленным на фрагменты.

— В разобранном виде, что ли?..

— Не совсем… Хотя некоторые говорят, что кубофутуристы изображают мир как раз таким — разобранным на куски.

Я неопределённо пожал плечами. Инга отвела наконец взгляд

от картины и уточнила:

— Вам такое не нравится?

— Слишком надуманно, — честно ответил я. — По–моему, это псевдоинтеллектуальная чушь.

— А вот критики бы с вами не согласились, — ревностно заметила Инга.

— Они видят смыслы, которых нет, — беспощадно парировал я. — Сами их придумывают, а потом хвалят художника.

— А в жизни разве не так? — туманно спросила Инга. — Мы сами придумываем свои смыслы. А кто не умеет, тому грош цена.

Я не нашёл, что на это ответить, — да и чёрт её знает, что она имела в виду…

И тут меня словно облили водой.

Я чуть не вскочил с кресла. Думаю, мой рот открылся, а глаза стали больше стандартных размеров (раза эдак в полтора).

— Что с вами?.. — встревожилась Инга.

Я вместо ответа захохотал.

В те секунды я чувствовал себя идиотом, но не смеяться не мог. Так лихо меня ещё не обманывали.

— Кубофутуристы… Геометрическая структура… Неплохо же вы разбираетесь в живописи.

В глазах Инги мелькнул испуг — и запоздалое осознание своей ошибки.

— У вас во «Фрее» нет ни ирллинга — вы на мели, потому что играли в карты… — я покачал головой, злясь на собственную тупость. — Случайно не в покер?

Инга молчала, поджав губы.

— И периферийки у вас нет, — сказал я. — А знаете, почему? Потому что в больницах нельзя их использовать: психотропные препараты, имитирующие виртуальный алкоголь, запрещены для пациентов с тяжёлыми травмами — например, тех, кого недавно сбила машина.

Инга не издавала ни звука.

— Поздравляю с воскрешением из мёртвых, Инга, — язвительно сказал я. — Или мне всё–таки называть вас Кэсс?

Глава 6

Не люблю, когда меня водят за нос — даже за очень большие деньги.

Рябов с Лоцким держат меня за кретина. Дочь Рябова не погибла. Возможно, она сильно травмирована, и её отец, боясь новых покушений, скрыл её от окружающих (с его–то связями провернуть можно и не такое), но она — жива. И сидит прямо передо мной.

Встав из–за стола, я пошёл к двери.

— Подождите… — прошептала Кэсс.

— Всего доброго.

— Подождите… пожалуйста.

— Нет, Кэсс. Я так не играю. Не люблю, когда меня…

— Я не Кэсс.

— А я — Санта–Клаус.

— Говорю вам, я не Кэсс! — девушка вдруг сорвалась на крик — и совсем уже сумбурно добавила: — Но я — Кэсс…

— Отлично. У меня есть знакомый психиатр, могу вас свести.

— Да посмотрите вы на меня! — она тоже вскочила. — Я не Кэсс, я её копия… Копия, понимаете?

Стоя у двери, я развернулся.

— Меня скопировали, — прошептала Кэсс, которая была не Кэсс. — Меня скопировали в тот день, когда я попала под текстуры.

Наступила тишина.

Если по правде, я не сразу просёк, о чём она говорит. А Кэсс, которая не Кэсс, продолжала:

— Я появилась на свет в ВИРТУСе три месяца назад — сразу после гибели Кэсс. Там, под текстурами, кто–то скопировал её сознание. И когда её не стало, появилась я.

Тут я рассмеялся второй раз за минуту:

— Слушайте, это уже чересчур. Не знаю, зачем вы всё это несёте, но…

Однако девушка меня будто не слышала:

— Я ожила в теле Бедуина: это последний аватар, которого использовала Кэсс… тот самый, в чьём облике её забросило под текстуры. Но сейчас я могу стать любым её аватаром — каждым, кем она была в ВИРТУСе. А Ингу я сконструировала, чтобы напроситься к вам в помощницы.

— Хватит, — я открыл дверь. — Можете выложить свой бред в соцсетях и получить титул «Фантазёр года». Всего хоро…

Поразившись увиденному, я осёкся на полуслове.

Она стала меняться: только что была Ингой — но превратилась в вампира с бледным лицом. Ещё через миг его сменила эльфийка, затем — некто в термооптическом камуфляже (очевидно, из космооперы), потом — колдунья в чёрном платье… Аватары сменялись один за другим, словно бегло просматриваемые фотографии.

Я глазам своим не верил. В ВИРТУСе можно сменить персонажа, не выходя из сегмента, — надо лишь особую программу установить. Но для этого требуется открыть меню, потом выбрать нужный пункт, сохранить изменения… Тут не то что секундой — половиной минуты не отделаешься!

А моя новоявленная партнёрша менялась быстрее, чем я моргал.

Но я всё равно не верил, — да и кто бы поверил на моём месте?

— Это какой–то чит–код, — прошептал я. — Простое жульничество…

— А вот это — тоже жульничество? — уточнила Инга/Кэсс — и под звяканье колокольчика добавила: — Проверьте свой инвентарь — я взяла ваш ледоруб. Это одна из моих способностей, которых нет у простых геймеров: умение влезать в чужие инвентари.

Я сделал, как она сказала. Ледоруба и правда не было. Его место в ячейке занимал апельсин с нарисованным смайликом.

— Ваш ледоруб в моих слотах, — добавила Инга/Кэсс (а впрочем, в те секунды она была Ингой). — Кстати, мне нет нужды открывать их, чтобы что–то оттуда взять. Вот, смотрите…

И мой ледоруб появился в её руке.

Мне стало нехорошо.

А она вновь сменила облик: губы сделались чуть менее надутыми, исчезла припухлость щёк, изменились причёска и цвет волос — они стали темнее. Теперь это была Кэсс — якобы мёртвая (или действительно мёртвая?), которую я видел в переданных Лоцким файлах. Только взгляд остался прежним, с намёком на вызов.

— Вы не против, если я оставлю себе эту внешность? — услышал я. — Раз уж вы меня раскусили, то я лучше буду собой. Мне так привычнее.

Я вдруг понял, что держусь за дверной косяк.

— Чушь… Ерунда… Обычное читерство…

— Всё ещё не верите? — копия Кэсс (или кем она там была) вздохнула. — Ладно… Тогда вот что: год назад мне… то есть Кэсс удалили родинки на половых губах: был риск, что они спровоцируют онкологию. И ещё у Кэсс были нестабильные

месячные — предрасположенность передалась от матери. Всё это есть в электронной копии её медкарты, так что можете проверить, — она упрямо поймала мой взгляд. — Ну откуда, скажите на милость, я могу это знать?

Я на миг закрыл глаза. Сделал вдох. Сказал на удивление ровным голосом:

— Подождите…

И шагнул из приват–зоны обратно в трактир.

Нет, я не собирался выходить в Сеть, связываться с Лоцким и проверять её медкарту — мне лишь требовалось успокоиться.

Я прошёл между столами, открыл дверь туалета, подошёл к раковине и, пустив воду, сунул под неё голову.

Секунд через двадцать мои мысли обрели связность.

«*Я появилась на свет в ВИРТУСе три месяца назад — сразу после гибели Кэсс. Там, под текстурами, кто–то скопировал её сознание*».

«Бред, — упрямо думал я. — Быть такого не может».

Или может?..

Но как?..

Как можно говорить о загрузке сознания, если мы даже точно не знаем, что это такое?

Хотя… если мозг — это программно–аппаратный комплекс, то логично представить, что его содержимое можно перенести с одного комплекса на другой.

Нейробиологи ведь спорят об этом уже лет семьдесят, а эксперименты по компьютерному моделированию мозга проводятся во всех развитых странах. В них вложены миллиарды. Из таких семян рано или поздно что–то должно было взойти.

Я сделал несколько глубоких вдохов.

Возможно ли?.. Неужели данные с мозга можно скопировать в ВИРТУСе — и там же создать новую личность?..

Но кто стал бы это делать столь странным способом — маскируя открытие века текстурным багом?..

Тут я поймал себя на том, что почти поверил… В конце концов, лет сто назад, услышав о пересадке сердца, люди тоже сказали бы «невозможно».

От этих мыслей мне стало ещё страшнее.

Я вытер голову полотенцем (в ВИРТУСе глупо брезговать, что им вытирались до меня) и вернулся в приват–зону.

— Вы в порядке? — спросила Кэсс (теперь я мысленно называл её так).

— Нет, — сказал я. — Нет, не в порядке.

Она молчала. Я тоже.

Я сел в своё кресло, и она тоже села.

— Извините меня… — виновато сказала Кэсс. — Я не хотела вас пугать. Если бы вы не догадались… Если бы не поняли, что я — это Кэсс… — в её взгляде внезапно мелькнула надежда: — Но вы же мне верите?

— Не знаю, — честно сказал я.

— Но вы уже начали мне верить.

— Копирование личности… — я помотал головой. — Человек ведь нечто большее, чем умный компьютер…

— А в чём отличие?

Я хотел сказать «в чувствах», но осёкся. Этот ответ устарел. Взять продвинутых неписей вроде Ферзюбря: у них есть память, есть восприятие. Они мыслят… по–своему, но мыслят. А со временем даже формируют привычки, не заложенные в них разработчиком. Дошло до того, что им неловко раздеться н*а* людях!

Так кто может поручиться, что в глубинах их разума, который давно уже нечто большее, чем совокупность алгоритмов и заданных кодами инструкций, не зародилось подобие чувств?..

Прогресс никто ведь не отменял. Мы создали биочипы, создали ВИРТУС… Создали неписей, пугающе похожих на нас — потому что научились имитировать процессы, происходящие в мозге, и воссоздавать их в Сети. А от имитации сознания и сотворения высокоразвитого игрового интеллекта до копирования сознания человека — один шаг.

Я глянул на Кэсс; выходит, передо мной — свидетельство того, что этот шаг уже сделан? Воплощение нового этапа в развитии цивилизации?

Мне опять стало страшно.

— Так настоящая Кэсс и правда погибла?.. — растерянно спросил я.

— Умерла на пути в больницу, — подтвердила собеседница. Из–за слова «настоящая» она не обиделась и даже добавила: — Наверное, будь Кэсс жива, я бы и не появилась.

Она умолкла, следя за моей реакцией — словно опасалась, что я вновь уйду… или что я её боюсь. Со вторым домыслом она попала бы в точку.

Но я всё–таки остался, и она продолжила:

— После аварии я ничего не понимала: помнила, как меня сбила машина, а дальше — пустота… И вот я оказываюсь в комнате, где собраны мои аватары… все до единого!.. Каждый, кем я была в ВИРТУСе! Естественно, я запаниковала… Потом поняла, что я в теле Бедуина, а у одного из аватаров — моя внешность; видимо, так получилось, потому что я часто входила в Сеть в своём облике. Ну я его и выбрала… захотела стать собой —

и стала. Не пришлось даже трогать аватар пальцем, как в выбиралке.

Кэсс — точнее, её копия — сделала паузу. Когда вновь заговорила, её голос дрогнул:

— Я хотела выйти в реал… Зашла в ВИРТУС-меню, а опции «покинуть ВИРТУС» там нет. И опции «помощь» тоже нет. Можно было лишь выбрать другой сегмент. И я стала по ним блуждать — выбирала сегменты один за другим… а из каждого снова заходила в меню, надеясь, что появится выход. Но он так и не появился, и…

Она осеклась и отвернулась. Из её глаз брызнули слёзы. Потом она вдруг прошептала, словно ощутив мой взгляд:

— Не смотрите на меня так…

— Как?.. — проронил я.

— Как будто не знаете, надо ли меня утешать.

Я смущённо заёрзал в кресле — я ведь и правда не знал… Не знал, как с ней себя вести.

Как с хитроумной программой? Как с живой хрупкой девушкой?

От этих мыслей мне стало стыдно.

— Простите… — тихо сказал я.

Растерев слёзы, она продолжила:

— Я стала просить помощи у игроков: подходила к ним и говорила, что не могу выйти в реал. Надо мной сперва смеялись — кончай, мол, прикалываться… А потом один парень взял меня в своё ВИРТУС-меню. Там показал на пустое место и говорит: «Ну вот моя дверь — выходи». А я смотрю — нет там никакой двери… стена сплошная. И тут–то я поняла, что двери нет для меня, а для него она есть…

Ну а после… после я в кафе пошла, где мы с одногруппниками тусуемся — решила найти кого–нибудь из знакомых. Там действительно были трое наших. Они на меня уставились, как на призрака; я даже рта не успела открыть, а Ленка Викторова, подруга моя, вдруг как заорёт: «Ты кто такая?! Как ты посмела взять внешность Кэсс? Думаешь, это смешно?» И разревелась. Я стою, ничего не понимаю. Говорю ей: «Лен, ты чего? Я же и есть Кэсс…» И тут Лёшка Петров на меня надвигается, будто ударить хочет. Я попятилась. А он мне: «Тело Кэсс ещё не остыло, а ты шутки шутишь?» Ну до меня и дошло, что я — это уже не я… не совсем я… и что та машина меня сбила насмерть, — за этим последовал мрачный смешок. — Ну как вам — потянет на титул «Фантазёр года»? Вручайте, если не передумали.

Я молчал.

За моим фальшивым окном зазвенел фальшивый колокол в фальшивой церкви — как на пасху, когда я был в Праге. Фальшивые прохожие шли по своим фальшивым делам. А напротив сидела девушка… фальшивая — или всё–таки настоящая?

Но интуиция подсказывала, что никакая она не фальшивка. Она не такая, как Цолфи с Ферзюбрем.

Она — человек.

— Зачем?.. — чуть слышно спросил я. — Если вы мне не солгали, то кому и зачем понадобилось копировать вашу личность?

Кэсс мотнула головой:

— Я не знаю.

— И почему процесс копирования выглядел как простой баг?

— Я не знаю.

— А тот мальчик… яблоко, бинокль, кукла — это–то тут при чём?..

— Я не знаю.

Мне оставалось лишь откинуться в несуществующем кресле.

— Но я зато знаю, — добавила Кэсс, — что все те предметы, о которых сказал мальчик, я должна получить: и куклу, и яблоко, и бинокль. В них что–то скрыто, и я чувствую, что они мне нужны. Они должны быть у меня. Пусть это звучит безумно, но без них я как будто… незавершённая. Недоделанная… словно во мне нет чего–то важного, — она вдруг упёрлась ладонями в стол, резко подаваясь вперёд: — Вы же поможете мне, Клим Ларин? Ты ведь поможешь мне… разве нет?..

«Вот блин…» — обречённо подумал я.

Наверное, мне следовало выйти в реал. Плюнуть на договор с Рябовым, позвонить в СБВ (Службу безопасности ВИРТУСа), а уж там пусть разбираются. С меня–то что взять? Я — простой ментор.

— Пожалуйста, помогите мне, — Кэсс вновь перешла на «вы». — В конце концов, мой отец для этого вас и нанял — чтобы вы нашли те предметы. Просто забудьте, что я — копия Кэсс.

В глазах её были настойчивость и мольба. Опасное сочетание… Особенно если умеешь им пользоваться.

Я постучал пальцами по столу. Вздохнул и нехотя сказал:

— Два вопроса. Первое: как вы вообще узнали, что ваш отец кого–то нанял, если не можете выйти из ВИРТУСа? И второе: зачем сконструировали внешность подруги, когда могли напроситься ко мне в напарницы с любым другим аватаром?

Кэсс с готовностью кивнула:

— Я объясню…

И она стала объяснять.

Осознав, что в реале её нет в живых, Кэсс уже не пыталась покинуть ВИРТУС: поняла, что это невозможно. Остаток того дня (а точнее, вечер и ночь — ведь машина её сбила в седьмом часу вечера) Кэсс провела там, где очнулась — в комнате с её аватарами. Она не знала, что ей делать, и не могла даже взять в толк, кто она теперь такая; она просто легла на пол, мечтая вновь умереть, — и пролежала до утра.

Но утром ей стало легче.

Это случилось, когда Кэсс вышла на улицу: ей ничего не оставалось, кроме как выйти и бродить, либо отправиться в иной сегмент ВИРТУСа — не вечно же лежать на полу? Вот она и бродила… Слушала трёп прохожих–неписей, ощущала на лице ветерок, вдыхала запахи, неотличимые от настоящих. И в какой–то момент задалась вдруг вопросом: а чт***о*** она, собственно, потеряла?

Первый ответ был очевиден: семью.

Но в этом ответе было меньше трагизма, чем казалось поначалу. Вот успей она выйти замуж и родить, стоило бы убиваться, а так… У неё лишь отец и мать, в упор её не замечавшие. Отец с головой в бизнесе, мать — в своих картинах, а дочь они отдали на милость нянь и пансиона, который Кэсс ненавидела все годы учёбы (к слову, на днях она удивилась, подслушав знакомых геймеров: те обсуждали её отца, перенёсшего инсульт после гибели дочери. Эта новость у Кэсс вызвала боль, но ей всё же вспомнилась пословица: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем»).

В общем, семьи как таковой у неё давно нет, а значит, и потеря невелика.

Второй ответ был схож с первым — она утратила возможность обзавестись собственной семьёй. Ни женой, ни матерью ей не стать.

Но так ли это на самом деле?

Ей и впрямь не стать матерью, но построить отношения можно и в ВИРТУСе. Тут полно семейных пар, выходящих в реал всего дважды в день: в туалет/ванную да на кухню. Они даже спят в виртуальности, хотя врачи советуют так не делать. И у неё много шансов встретить того, кто согласится на исключительно виртуальные отношения… К примеру, так живут люди с инвалидностью (не у всех хватит денег на биопротез, а бионические глаза и вовсе доступны единицам). Значит, личную жизнь она худо–бедно устроит… Во всяком случае, Кэсс этой мыслью утешалась.

Ну а остальные её потери — друзья? Карьера? Элементарная

возможность жить в реале?

Друзей она и ВИРТУСе заведёт — да и с прежними друзьями подружится заново, но уже в виртуальности и под чужой внешностью. Про карьеру и говорить смешно. Она училась в МИВРе на геймдизайнера, а тут… да тут перед ней целые миры! Её вузовская специализация «дизайн ВИРТУС-объектов» просто ничто по сравнению с работой мага! А надоест колдовать — добро пожаловать в политику: з*а*мки, короли, заговоры. Планетарные войны и вершение судеб. Крестовые походы и нашествие монголо–татар. Занимайся, чем хочешь, в любую эпоху!

А возможность жить в реале… так ли уж она ценна?.. Миллионы людей сменили бы реал на ВИРТУС, будь у них такой шанс. Бюрократия, болезни, жизнь от зарплаты до зарплаты… Опостылевший короб тесной «однушки»… Дорогая еда, от которой толстеешь, лысеешь и мрёшь на пороге заветной пенсии… Да к чёрту всё это!

Ну а главное — бессмертие. Кэсс Рябова мертва в реале, но умрёт ли она в ВИРТУСе? Кэсс полагала, что нет. Даже если её убьют или она начнёт стареть (в последнее Кэсс не верила, но вдруг?..), то она окажется в другом теле, попросту сменив аватара — их же у неё полно. И она может создать новых. Десятки, сотни аватаров… Сотни запасных тел!..

И вот Кэсс, идя по улице, трезво всё это взвесила — и чаша весов с гирькой «реал» беспомощно взмыла вверх. А чаша, где лежал ВИРТУС, сломала своим весом рычаг.

Но в виртуальной бочке мёда имелась и ложка дёгтя. Этой ложкой зачерпнулидвадцать пять слов: странное предложение, прозвучавшее под текстурами «Китежа».

Чтобы завершить начатое, соверши три деяния: сорви плод раздора на белом камне, забери глаза у бога войны и на бывшем болоте отыщи фею без ног.

У Кэсс это не выходило из головы; мальчик, сказавший эти слова, словно их туда впечатал… Бессовестно врезал невидимым штампом по скопищу клеток в её бедном мозгу.

А кроме того, Кэсс откуда–то знала, что как раз под текстурами её и скопировали: она–нынешняя не существовала бы, если бы перед смертью не оказалась на облаке в тестируемой игре. Кэсс понятия не имела, связано ли это с её гибелью, но что копирование состоялось именно там — в «Китеже», не сомневалась ни на миг. Будто кто–то вложил в неё это знание с ведомой лишь ему целью.

Самым же худшим было то, что Кэсс жутко хотелось исполнить сказанное мальчиком (и непонятно, почему — просто

хотелось). Она сама себе казалась пустой, словно в ней не хватало важнейшей детали. А исправить это можно было лишь одним способом: выполнив инструкции загадочного мальчишки.

И Кэсс взялась за дело.

Она выяснила, о каких предметах он говорил (с «плодом раздора» было просто — Кэсс быстро смекнула, что это яблоко во «Фрее», но над остальным пришлось ломать голову), — а затем стала думать, как их получить. Яблоко, бинокль и кукла… Три вещи в трёх ВИРТУС-сегментах. И к каждой чертовски тяжело подобраться.

Неизвестно, как бы Кэсс поступила, если бы не одно открытие.

Во всех ВИРТУС-сегментах есть видеопроверка — то есть функция просмотра изображения с домашних камер; некоторым геймерам нужно знать, что творится у них дома, пока их разум бродит в ВИРТУСе (кто–то боится, что папаша–алкаш опять забуянит, у кого–то милый пёс самозабвенно грызёт мебель, пока хозяин не реагирует на проказы, а кому–то просто страшно оставлять без присмотра своё бренное тело). Так вот, Кэсс однажды решила узнать, действует ли её старый аккаунт и сможет ли она увидеть свою квартиру… в смысле, не совсем свою, а ту, которую она снимала в реале (Кэсс с семнадцати лет жила одна). И вот она запустила программу — и обнаружила, что вместо старого аккаунта у неё новый: загадочный спешл–аккаунт, дающий массу возможностей. А логин с паролем уже кто–то ввёл.

Её это потрясло.

Но куда больше потрясло её то, что ей оказались доступны трансляции с каждой из подключённых к ВИРТУСу камер!

Поначалу Кэсс трудно было в это поверить, но затем она вспомнила, что тот же Microsoft обвиняли в помощи спецслужбам: мол, те следят за пользователями Skype. До сих пор непонятно, сколько тут правды, но ведь дыма без огня не бывает. А уж ВИРТУС для разведки — как мёд для медведя… и кто знает, глубоко ли она влезла в дупло?..

Только вот с какой стати вездесущим спецслужбам разделять свою мощь с виртуальной Кэсс Рябовой?!

Кэсс ломала над этим голову, пока не плюнула и не воспользовалась видеопроверкой; да, подглядывать некрасиво, но соблазн оказался уж слишком велик. А кроме того, она по реалу скучала. Пусть он и хуже ВИРТУСа (Кэсс повторяла себе это как мантру), но не грустить о нём она не могла.

Сначала она «заглянула» к родителям; какими бы ни были их отношения, Кэсс хотела увидеть отца и мать. Затем подключилась к камерам в отцовском офисе. Ей даже айпи–адрес оказался не

нужен — достаточно было ввести просто адрес. Её невесть кем сотворённый аккаунт низвёл до нуля все постулаты о неприкосновенности частной жизни.

Вот тогда–то — при виде офиса — Кэсс и узнала о нанятых отцом менторах.

К отцу как раз пришёл Макс Жаров. Камера не передавала звук, но Кэсс поняла, кто он и зачем его позвали: ведь отец показал ему стикер, где Кэсс записала слова мальчишки. Замысел отца был ясен: нанять ментора, чтобы он разгадал послание, а затем раздобыл перечисленные там предметы. Отец хотел как лучше… хотел разобраться в случившемся.

Но если ментор получит яблоко, бинокль и куклу, то они не достанутся Кэсс, а ей такой расклад внушал ужас: инстинкты подсказывали, что нельзя этого допустить. Возможно, её виртуальная жизнь зависела от этих вещей!

Кэсс запаниковала.

У неё даже была мысль, а не прийти ли опять в кафе, где тусуются одногруппники; убедить их, что она — это Кэсс Рябова. Пусть бы связались с её отцом, чтобы тот отозвал ментора.

Но в кафе Кэсс не пошла: если мир о ней узнает, то ей покоя не дадут — может, даже запрут в какой–нибудь виртуальной лаборатории в качестве подопытного кролика… Пардон, подопытной крольчихи.

Нет, так рисковать нельзя.

И Кэсс придумала план.

Ей надо собрать команду, чтобы опередить ментора. Правда, членам команды нужно платить, а денег у неё нет — но разве это проблема? Она ж может взламывать чужой инвентарь!

Однако вскоре обнаружилось, что из чужих слотов Кэсс может брать вещи, но не деньги. А продать украденное она не могла: попыталась разок сбыть сворованный меч, но тот исчез, стоило покупателю его взять. То же самое случилось при продаже украденного зелья. В общем, всё то, что Кэсс брала из чужих инвентарей, могло служить ей — и никому больше.

И тогда Кэсс рассудила: раз ментора не опередить, значит, она его обманет — станет частью его команды и будет ему якобы помогать. А когда нужные ей вещи попадут в его инвентарь, она их оттуда возьмёт. Для неё это, быть может, вопрос выживания, а для ментора — лишь работа.

Однако и тут возникла проблема.

У Кэсс было полно аватаров, один из которых годился для «Фреи», но в «Адреуме» и «Дворге» её уровень низок: аватаров, прокачанных для тех сегментов, у неё нет. Значит, напроситься в помощницы к ментору она сможет во «Фрее», но когда тот

отправится в другие сегменты — за биноклем и куклой, она станет бесполезной. А на прокачку аватаров уйдут месяцы. И как же ей быть?

Но на помощь пришли хитрость и женское обаяние.

Кэсс изменила аватара, прокачанного для «Фреи»; это была дрессировщица Джаль, но после переделки она стала Ингой Смирновой — подругой и коллегой Кэсс (причём Кэсс это не стоило особых трудов: они с Ингой разок прикололись, притворившись друг другом в ВИРТУСе, и у Инги с тех пор имелся аватар «Кэсс», а у «Кэсс» — аватар «Инга». Кэсс всего–то и надо было, что скопировать лицо того аватара и заменить им лицо Джаль).

Притворившись Смирновой, Кэсс пошла к Жарову, уже давшему объявление на столбе, и солгала, что ищет виновных в смерти подруги, — но тот и слушать не стал: ему нужны маги, а не дрессировщики. Удручённая Кэсс ушла ни с чем.

Однако грустила она недолго: вскоре Жаров попробовал украсть яблоко и потерпел неудачу.

О новых менторах Кэсс тоже узнала благодаря камерам в офисе отца: сначала Гай, потом Моррисон. Стать напарницей Гая она не пыталась — ведь его объявление ясно гласило: нужны воины с магами. Ну а Моррисон оказался ещё тем привередой: сорок первый уровень — это любители, а ему подавай профессионалов!.. Впрочем, Кэсс не сомневалась, что его постигнет фиаско, как и Жарова с Гаем. И оказалась права.

Но зато с четвёртым ментором Кэсс повезло.

Он клюнул на её историю, а про уровень и не заикнулся. Он готов был с ней работать. Правда, был слегка спесив (мол, подчиняйтесь без «почему» и «зачем»), ну так ведь ментор — что с них взять?..

Глава 7

Во «Фрее» есть место под названием «Остров».

Это и в самом деле остров — а точнее, островок в озере. То озеро зовут Сияющим из–за растущих на его дне цветов: по ночам они светятся, и с берега кажется, будто сотня фонарей зажглась под водой — хотя фонарей тут и на набережной полно. Смотрится это не только эффектно, но и романтично… Не зря же Остров и набережная стали излюбленным местом для свиданий.

Но я привёз сюда Кэсс вовсе не из–за этого.

Наёмный экипаж остановился у пристани, и я ступил на вымощенный плитами берег. Кэсс вышла за мной. Кучер щёлкнул вожжами, экипаж поехал дальше.

— Красиво, — оценила Кэсс, окидывая взглядом пейзаж. — Надо же… А я ни разу тут не была.

Это были её первые слова с той минуты, как мы покинули приват–зону — Кэсс даже не спросила, куда мы едем.

Я повернулся к ней и сказал:

— Хочу кое–что уточнить.

— Я слушаю, — откликнулась Кэсс.

— Меня нанял ваш отец. Платит мне он, а не вы. И я всё ещё сомневаюсь, что вы та, за кого себя выдаёте.

Кэсс понурилась. Я беспощадно продолжал:

— Зато ваше умение лгать сомнений не вызывает, так что я ничего вам не обещаю. Когда мы раздобудем яблоко, бинокль и куклу, я передам их не вам, а тому, кого пришлёт ваш отец.

Кэсс внезапно улыбнулась — чему именно, я поначалу не понял. Но её улыбка очаровывала. Невольно ею залюбовавшись, я проворчал с куда меньшим недовольством, чем хотел:

— Чему вы радуетесь?

— Вы забыли — я же могу в ваш инвентарь влезть… И взять всё, что захочу.

— Это мы ещё посмотрим, — буркнул я. — Против любого вора отыщется прочный сейф.

Конечно, я блефовал: нет таких «сейфов», что уберегут инвентарь — как и нет тех «отмычек», что его вскроют. Я не мог и представить, как Кэсс его взламывает.

А она уже глядела на остров:

— Что там?

— Ключ от хранилища дядюшки Скруджа, — сказал я — и под удивлённым взглядом Кэсс уточнил: — Там находится самый простой способ отключить купол, возведённый вокруг пирамиды с яблоней.

Кэсс явно усомнилась в моих словах. Я усмехнулся:

— Про дуэль на острове не слышали?

Кэсс покачала головой.

— Это случилось шесть лет назад, — начал объяснять я. — На острове дрались два мага… назовём их условно Синий и Красный. Синий был опытным и прокачанным: он потратил целый год, чтобы достичь своего уровня. Ну а Красный во «Фрее» был новичком — в честном бою Синий бы мокрого места от него не оставил. Но бой, увы, был нечестным: Красный смог пронести во «Фрею» вирус и использовал его против Синего. Аватар Синего погиб, Красный победил.

Я замолчал, а Кэсс всмотрелась в моё лицо:

— Синим были вы?

— Нет, — угрюмо бросил я. — Я был Красным. Я был тем, кто использовал вирус.

Видимо, Кэсс не нашла, что сказать. Дёрнув плечом, я пояснил:

— Мне надо было победить любой ценой. Со мной был ребёнок… маленький мальчик. И мы непременно должны были играть. Мальчик должен был увидеть, что будет дальше.

— Почему? — озадачилась Кэсс.

— Потому что та игра была для него последней.

Кэсс ещё больше удивилась, но я уже сменил тему:

— Насколько вы дорожите своим аватаром?

— Что?.. — растерялась она.

— Вы сказали, у вас полно аватаров, и если вас вдруг убьют, вы окажетесь в теле одного из них. Вы точно это знаете?

— Наверняка.

— Откуда? — настойчиво спросил я, поскольку это было важно. — Вы ведь ещё не умирали в ВИРТУСе… в смысле, после того, как…

— Как начала тут новую жизнь, — кивнула Кэсс. — Я поняла, что вы имеете в виду. Но можете не волноваться: мне точно известно, что после смерти я перекочую в одно из своих виртуальных тел. А почему вы спрашиваете?

Я поймал её взгляд:

— Потому что вам придётся умереть. Пожертвовать одним из аватаров. Вы к этому готовы?

— Если это позволит нам раздобыть яблоко? — уточнила Кэсс. — Безусловно. Хоть сейчас.

— Сейчас не надо… Завтра в полдень.

Кэсс молча ждала объяснений.

— Вирус, который я использовал, остался на острове, — я кивнул на островок, темнеющий среди огней. — Там есть что–то

вроде сада: лилии, розы, фиалки… и одна из фиалок отличается от других: цвет вроде тот же, но она фосфоресцирует. И ещё у неё необычные лепестки — тоньше, чем у бабочки крылья. Такие очень легко сорвать.

— Это и есть ваш вирус? — догадалась Кэсс.

— Он самый, — подтвердил я. — Из–за него на меня наложили штраф и после недельного разбирательства закрыли мне доступ во «Фрею» — правда, всего на год. Но с вирусом так до конца и не разобрались. Решили, что это чит–программа, дающая перевес в бою, — тут я не смог сдержать гордость: — А моя игрушка сложнее… и может использоваться повторно.

Кэсс уважительно кивнула, наведя меня на мысль, что она и сама не без греха: наверняка читерила разок–другой.

— Ваш вирус взламывает магическую защиту? — предположила Кэсс. — Или он как–то связан с пирамидой и яблоней?

— Ничего он не взламывает. А с важными игровыми объектами не может быть связан в принципе.

И вновь я заставил Кэсс удивиться.

— Вирус многофункционален, — продолжил я. — В ситуации боя он нанесёт врагу смертельный урон, в ситуации пожара вызовет воду из подземных источников. Ещё он провоцирует землетрясение — очень мощное… Примерно в семь с половиной баллов.

— Я не понимаю… — начала Кэсс — и осеклась. Затем медленно сказала: — Любая стихия отвлечёт магов–неписей и заставит телепортироваться к эпицентру, чтобы остановить разрушения… А большинство столичных магов сейчас заняты тем, что поддерживают купол вокруг пирамиды…

— Посменно, — уточнил я. — «Фрея» стремится к реалистичности, так что неписям надо спать. Ну а в остальном вы правы: рядом с площадью есть банк, в банке — подвал, а в подвале — большой зал, где дежурят маги. Их задача — не дать куполу исчезнуть. Но в случае землетрясения им придётся реагировать и на две–три минуты отбыть сюда.

— На две–три минуты?.. — повторила Кэсс. — И вы думаете, купол исчезнет? На площади ведь полно эрмлинов — они смогут его удерживать. Конечно, их надолго не хватит, но уж на пару минут…

— Вряд ли, — перебил я. — Поверьте, у них будут другие заботы.

Кэсс подумала, потом кивнула:

— Ладно. Мне всё равно ничего не остаётся, кроме как вам довериться. Что я должна делать?

— Будьте на острове завтра к полудню. Найдите цветок, о котором я говорил. Долго искать не придётся: как увидите грядку с розовыми фиалками — сразу его заметите.

Кэсс снова кивнула. Я продолжал:

— С острова будет слышно, как на ратуши пробьют часы; после первого удара ждите где–то полминуты и срывайте лепестки — один за другим, с интервалом в пять–шесть секунд. Начните с того, где чёрные точки, а затем двигайтесь по часовой стрелке… но сам цветок срывать нельзя.

— И что будет, когда лепестков не останется? — уточнила Кэсс (хотя по тону было ясно, что она уже это поняла).

— Вы лишитесь аватара, — сказал я. — Он просто исчезнет. А землю сильно тряхнёт. Думаю, озеро выйдет из берегов.

— Жалко… — проронила Кэсс.

— Аватара?

Она скорбно на меня глянула:

— Озеро жалко… Красиво ведь.

Я пожал плечами. Куда больше я сожалел о том, что после завтрашних фокусов мне запретят вход во «Фрею» пожизненно.

Кэсс неожиданно развернулась ко мне:

— Вы правда сумеете добыть яблоко?

Вместо ответа я вызвал интерфейс почты. Введя семь символов, отправил их Кэсс.

— Это адрес моей приват–зоны. Стучитесь завтра в двенадцать пятнадцать.

— Я ведь уже у вас была, — напомнила Кэсс, — адрес есть в моих контактах. Вы даже код при мне сказали.

— Код недействителен, если его назовёт кто–то кроме меня. И в ваших контактах адреса нет: у меня максимальный уровень защиты. Адрес узнает только тот, кому я его пошлю.

Кэсс удивлённо уточнила:

— То есть вы начинаете мне доверять, раз послали свой адрес?

— Я никому не доверяю. Но нам так будет проще работать.

Кэсс вновь ответила кивком — мне показалось, одобрительным. Затем вдруг сменила тему:

— У меня к вам одна просьба… Это насчёт моего отца.

Почему–то я напрягся.

— Я слушаю.

— Когда снова с ним свяжетесь, не говорите ему обо мне. Ни ему, ни его помощнику, Лоцкому. Вообще никому про меня не говорите, ладно?

— Я и не собирался, — искренне сказал я.

Больно мне это надо — доводить старика Рябова до второго

инсульта. И раз уж Кэсс сама решила остаться виртуальным инкогнито (к слову, исходя из вполне здравых соображений), то кто я такой, чтобы мешать ей?

Но она, кажется, не поверила:

— Обещаете?

Я едва не улыбнулся её ребяческому вопросу.

— Дайте слово, — настаивала Кэсс.

— Зачем? Его ведь можно и нарушить.

— Можно. Но вы не нарушите.

Мне это слегка польстило, хотя я и понимал, что она, в сущности, ребёнок. Зря она думает, что разбирается в людях. Мы и сами порой не знаем, на какую гадость способны.

— Даю, если вам от этого легче, — сказал я.

— Спасибо, — с явным облегчением произнесла Кэсс. — Ну тогда до завтра?

— Вы точно запомнили, что надо делать?

К моему удивлению, она чуть ли не дословно повторила мои инструкции. Потом с гордостью добавила:

— У меня память хорошая.

И улыбнулась знакомой уже улыбкой, способной растопить лёд. Видимо, стоило ей улыбнуться, и сам Амур садился ей на плечо, чтобы оттуда вести обстрел.

— До завтра, — машинально ответил я.

* * *

Когда я вышел в реал, была уже глубокая ночь.

Порядок моих действий не изменился: пошевелить руками, повернуть голову. Медленно встать, сделать пару упражнений. Потом включить телик… Всё как всегда.

— Канал новостей.

Вспыхнул экран, затараторил диктор — тот же, что и в прошлый раз.

В туалет хотелось жутко; каждый мой уход в ВИРТУС становился стресс–тестом для мочевого пузыря. И как он, бедный, выдерживает?..

Из туалета я вернулся в гостиную и плюхнулся на заваленный тряпьём диван.

«*Я появилась на свет в ВИРТУСе три месяца назад*…»

«Поздравляю, старик, — шепнул внутренний голос. — Ты полночи общался с девушкой, которой уже нет в живых».

Я встал с дивана, включил монитор. Открыл один из файлов

Лоцкого, кликнул по фотографии Кэсс.

И всё–таки она чертовски красивая…

С этой мыслью я начал ходить по комнате, выглядевшей в сто раз хуже, чем любая из соседских квартир.

В виртуальности я крут. Там я способен сдвинуть горы (иногда — в прямом смысле); я профи, ас и корифей. Я числюсь в списке лучших менторов — и полагаю, что по праву.

И я с лёгкостью спускаю свои гонорары на дорогущие утилиты, вирусы и чит–программы. Иногда — на алкоголь (если надоест пьянствовать в виртуальности и одолеет мазохистская ностальгия по похмелью).

В ВИРТУСе я виртуоз, а здесь — просто неудачник, прозябающий среди неглаженых шмоток.

Лицо диктора в телике сменил репортаж. Демонстрировали новый протез: бионическую руку, неотличимую от настоящей. Я мысленно усмехнулся: теперь это выглядело архаикой… Старьём из позапрошлой эпохи.

Какие к чёрту протезы, если мы уже копируем самих себя — пусть даже и в виртуальности!..

Почти всё производство автоматизировано. Мой сосед копит на генную терапию, чтобы дожить до ста лет. В моей кухне нет прибора, где отсутствовал бы микропроцессор, а если я подхвачу COVID-59, то биочип забьёт тревогу через смартфон. Мы давно окружили себя технологиями — возможно, в большей степени, чем следовало, и теперь переходим на новый этап: создание виртуальных людей. Сотворение собственного виртуального бессмертия.

А Кэсс — лишь первый экземпляр… Виртуальная Ева, которой приспичило сорвать яблоко.

Но почему именно она?..

И кто мог это провернуть — спецслужбы?.. Создатели ВИРТУСа?.. Какая–нибудь корпорация?..

Впрочем, создатель ВИРТУСа уже мёртв — точнее, мертва.

Диана Кнежик — программист, биоинженер и соучредитель компании «ВИРТУС Корпорэйшн», а впоследствии её технический директор, — подарившая миру ВИРТУС, погибла около года назад. Её смерть СМИ назвали безмерной утратой, явив редкий пример уместного пафоса: вклад Кнежик в развитие виртуальности и впрямь безмерен, и её бы несомненно ждал ещё вагон свершений, не уйди она из жизни в пятьдесят восемь лет. Виртуальность возникла ещё до Кнежик, но вот ВИРТУС появился благодаря ей — а точнее, её успехам в биокомпьютеринге: ведь биочипы — её детище. Именно Кнежик сделала так, что «умные шарики» в наших телах идеально взаимодействуют с клетками. А

внедрённые Кнежик нейропроцессоры с биокомпонентами стали прорывом в IT-сфере: компьютеры «думают» почти как мы, а неписи ведут себя словно живые. И если вскрыть моё гейм–кресло, то среди привычных схем обнаружится блок с «паутиной», видимой лишь под микроскопом и состоящей из тысяч сверхпроводящих бактерий; это тоже заслуга Кнежик.

Но после всех её открытий случилась беда: обычный день, обычный сад, самый обычный выходной… хотя какой он обычный, если у Дианы Кнежик выходных почти не было? Однако в ту субботу она отдыхала. Она отправилась в сарай, взяла сучкорез и пошла к яблоне, чтобы подрезать крону; садовник этого не делал, хорошо зная, что с яблоней хозяйка любит возиться сама. Поскольку яблоня вымахала за три метра, учёной пришлось встать на стул, с которого она и упала — затылком на комбинированный рыхлитель; упомянутый садовник, в том же месяце справивший семьдесят пятый день рожденья, забыл рыхлитель в траве — и вместо почвы его зубья пробили череп величайшего изобретателя современности. Кнежик умерла мгновенно, а обстоятельства её смерти — точнее, их вопиющая нелепость — породили слух об убийстве, но были свидетельства в пользу несчастного случая: соседи Кнежик, завтракавшие в тот день на балконе (сад учёной оттуда просматривался идеально), заявили в один голос — она потеряла равновесие, закричала и упала со стула. Если верить таблоидам, кто–то из них даже добавил: «Что же она ещё собиралась изобрести, раз Господь таким способом убрал её из нашего мира?»

«*Что же она ещё собиралась изобрести?..*»

Может быть, виртуальную копию человека?..

Убив эту мысль снотворным, я провалился в сон.

* * *

Днём во «Фрее» кипит жизнь.

При свете солнца тут так же красиво, как и ночью, но эта красота иная — наполненная динамизмом. Звучат всюду голоса, трясутся и скрипят повозки, распахиваются и захлопываются двери. Из харчевен выходят пьяницы, из лавок — служанки с набитыми сумками, из цирюлен — подстриженные клиенты. И все они куда–то спешат: даже маги в своих разноцветных плащах будто становятся суетливее.

Но в этой суете есть фальшь: если долго стоять на месте, то можно заметить, что среди повозок попадаются одинаковые,

алкаши из харчевен вываливаются каждые четверть часа (и пьяницы–неписи заходят с той же периодичностью), а из сумок служанок часто торчит одно и то же. Но кто станет приглядываться? ВИРТУС создан не затем, чтобы искать в нём изъяны… Мы охотно их прощаем нашей виртуальной сказке, лишь бы заменить ею быль.

Когда я подошёл к проулку, там уже ждала Цолфи; как и обещал Ферзюбрь, на ней был Браслет Покорности, глупо смотревшийся на «птичьем» запястье. Снять его гарпия не могла, так что мы стали союзниками — пусть и против её воли… Жалко, что ненадолго.

— Скотина! — выкрикнула Цолфи. — Гад! Лживая сволочь!

— И без пяти минут алкаш, — охотно добавил я. — Да, всё верно, я такой.

Гарпия с рыком шагнула ко мне, но резко отпрянула, будто от удара хлыста.

— Ты меня обманул!.. Сказал, что пришёл играть в «Рулетку Судьбы», а сам помог орку меня схватить! — Цолфи занесла кулак, хоть и знала, что ударить не сможет. Это добавило ей злости: — За каким чёртом я тебе нужна?!

— Брось, Цолфи, — я кивнул на площадь, к которой примыкал проулок: — Ты же не слепая… Должна была догадаться.

Поглядев на пирамиду, Цолфи явила чуждое простым неписям остроумие:

— Хочешь испечь яблочный штрудель? Ну так использовал бы грифонов — меня–то зачем вовлекать?

— Ты сама вовлеклась, — парировал я. — Незачем было перелетать реку.

Конечно, это была чушь — свобода воли энписи имеет чёткие границы. Гарпию сделали вспыльчивой — и она вела себя в соответствии с установками. А я этим воспользовался.

Цолфи хотела в меня плюнуть, но Браслет ей не позволил. Саданув по нему когтем, она процедила:

— Если с меня его снимут, я выколю тебе глаза!

— Замётано, — я извлёк из кармана пузатый флакон. — А пока что будь душкой, прими лекарство.

— Это что ещё за дрянь? — напряглась Цолфи.

— Зелье против ранений. На гарпий действует как допинг.

Цолфи обнажила клыки:

— А Ферзюбрь мне не приказывал ничего пить.

— Не приказывал, — кивнул я. — Он велел тебе поднять меня в воздух и лететь, куда я скажу. Но поскольку поднять ты меня не сможешь, придётся пить зелье, — помахав флаконом, я жёстко

добавил: — А не выполнишь приказ Окто, Браслет причинит тебе боль.

Цолфи вновь зарычала, но взяла у меня флакон и залпом его осушила. Рядом с нами была урна, но гарпия, бросив флакон в лужу, забрызгала мою обувь: вопреки чарам Браслета она нашла–таки способ мне насолить.

— Что теперь? — рыкнула Цолфи.

— Теперь ждём, — сказал я.

И мы стали ждать.

Из проулка вся площадь была как на ладони, а пирамида и вовсе белела напротив нас — я даже видел лица стражников внутри купола. По брусчатке кругами скользили тени, словно кто–то её спутал с детской кроваткой и пристегнул к небу огромный мобиль — но на нём вместо игрушек «висели» грифоны; вздымая крылья, они описывали над площадью круг за кругом. Из интереса я попробовал сосчитать эрмлинов, охранявших помост с воздуха: получалось не меньше двадцати. Плащи магов мелькали и в потоке прохожих — в основном, зелёные с алыми (низкоранговых серых почти не было).

Через минуту–другую раздался звон: на ратуше в километре от нас пробили часы.

— Полдень… — проронил я.

Цолфи неприязненно на меня глянула:

— Ну так мне поднимать тебя или как?..

Судя по тону, она смирилась с неизбежным: вспыльчивость не помешала ей оценить ситуацию и признать поражение, исходя лишь из логики, — а энписи обычно этим и руководствуются… Может, и хорошо, что люди часто нелогичны в своих поступках?..

— Пока рано, — сказал я.

И стал мысленно считать.

Некроманты, приведённые в город Стражем, уже оживили дракона, и тот взлетел. Секунд через сорок он будет здесь. А Кэсс в разгар паники сорвёт лепестки с цветка.

Подождём.

Первые крики раздались очень скоро. Отдалённые, разрозненные, они быстрослились в гул. Где–то что–то зазвенело, а из хора голосов выбилось слово «дракон».

«Мёртвый дракон», — добавил я про себя.

Многоголосье достигло проулка, и нас с Цолфи накрыла тень. Гарпия задрала голову, да и сам я не удержался — разок глянул вверх… Как раз в тот миг, когда чёрное чудовище пролетело над нами.

Цолфи оторопела в точности как живой геймер, а вот паника прохожих была наигранной — очень уж резво все кинулись

врассыпную; в реале народ бы сначала застыл. У меня даже вырвался вздох облегчения: из–за Цолфи с Ферзюбрем я как–то забыл, что нельзя требовать от неписей слишком многого.

А тем временем дракон, спикировав к пирамиде, стал разворачиваться. Он не рычал и вообще не издавал звуков — в отличие от галдевших грифонов: те разлетались, хотя маги пытались их успокоить. Два грифона даже столкнулись клювами; всадники, не удержавшись, с воплями рухнули на купол — и тот за секунду сжёг их дотла. На брусчатку оба мага ос**ы**пались пеплом.

Стражники у помоста вскинули арбалеты, а затем пропал купол, пропуская рой стрел. Через секунду купол вновь засверкал, а стрелы со свистом вонзились в дракона — в лапы, в грудь, в перепончатые крылья… Но мёртвому монстру до них не было дела — сладить с ним могла лишь магия. А эрмлинам на площади было не до неё: какое там колдовство, когда горожане сбивают их с ног!..

Хвост дракона задел одного из грифонов, и тот упал на прохожих. Другой грифон, перепугавшись, столкнулся с собратом. Оба в итоге рухнули: первый просто упал, а второй, косо спикировав, пробил витрину мастерской и влетел внутрь под звон стекла.

Кто–то из магов всё–таки бросил файербол, но промахнулся: пламя, не задев дракона, упало в толпу. Несколько неписей полыхнули как факелы.

«А вот это перебор, — машинально подумал я. — Ну с чего бы им так вспыхнуть? Будто в бензине искупались…»

Этой мысли сопутствовал подземный толчок; где–то что–то зазвенело, залязгало, загрохотало. Стену слева от меня рассекла трещина.

— Твою мать!.. — вскрикнула Цолфи, рухнувшая в кучу мусора. Я и сам чуть не упал, хоть и ждал землетрясения.

Землю тряхнуло ещё трижды, крики с визгами стали громче. В окнах задрожали стёкла. Большинство энписи, метавшихся у помоста, оказались сбитыми с ног.

Оценив масштаб паники, я глянул на Цолфи:

— Вот теперь пора. Взлетаем!

Поднявшись, она зашла мне за спину и подхватила меня под мышки. В тот же миг исчез купол: как я и планировал, магов отвлекло стихийное бедствие.

— Давай, Цолфи, — поторопил я гарпию, — поднимай меня в воздух!

Браслет заставил её подчиниться, и мне в уши ударило хлопанье крыльев. Мы секунды за три вознеслись метров на

двадцать.

Я повис в руках Цолфи, болтая ногами. Должно быть, выглядел я жалко — было бы куда эффектней оседлать того же дракона. Но им пришлось бы управлять, что не так уж и легко (особенно с непривычки), а с Цолфи мои руки свободны — и я легко сорву яблоко. Главное ведь не зрелищность, а результат.

— Ещё выше! — крикнул я. — Нужно пролететь над помостом!

Не отвечая, гарпия понесла меня к площади.

У меня захватило дух, подмышки пронзила боль — Цолфи обхватила их сильнее, чем следовало. Но направление она выбрала верное, так что я её похвалил:

— Да, отлично… Только нужно набрать высоту!

Цолфи как–то странно дёрнулась, но затем устремилась к вершине помоста, где угадывалась яблоня.

Меня обдало лёгким жаром: это три файербола пронеслись мимо нас. Просвистевшая стрела чуть не воткнулась мне в ногу. Но если бы и воткнулась — что с того? Потеря здоровья уже не важна, поскольку во «Фрее» я больше не появлюсь: мне не только доступ сюда закроют, но и штрафанут из–за вируса.

— Выше, Цолфи! — крикнул я. — Надо медленно пролететь мимо кроны!

Она вновь дёрнулась, будто в судорогах. Я хотел спросить, в чём дело, но тут дракон, разинув пасть, дохнул огнём в стражников. Ослепительное пламя сожгло с десяток энписи.

Я вдруг обнаружил, что файерболы до нас уже не долетают и с жужжанием проносятся где–то внизу. А Цолфи всё набирала высоту: вверх, ещё вверх, ещё…

— Достаточно, — крикнул я, — выше не надо!

Но она продолжала взмывать над площадью, быстро уменьшающейся в размерах.

— Стоп, Цолфи! — заорал я. — Не надо выше! Снижайся к помосту!

Однако гарпия упорно воспаряла над городом.

— Цолфи, какого чёрта?! — я сорвался на хрип. — Ты обязана подчиняться! На тебе Браслет!

Но я уже понимал, что что–то пошло не так: Браслет не дал бы ей вытворять такие фокусы. Он либо не действует, либо…

И тут Цолфи запела — негромко и пугающе беззаботно.

Я оцепенел от ужаса — но даже не потому, что площадь под нами стала не больше ковра; не потому, что сам я висел в когтях чокнутой гарпии; не потому, что внизу бесновался дракон и свистели посылаемые в него стрелы.

Мой ужас вызвала песня, которую Цолфи вдруг вздумалось

напевать.

Это было «Чёрное солнце» группы «Би-2». Песня очень старой группы, которую я люблю. Я вообще люблю старый рок.

И последним, что я слушал как раз на днях, было «Чёрное солнце».

Оборвав пение, гарпия заговорила… но не своим, а чужим голосом. Вероятно, изменённым — и пугающе мягким:

— Какая досадная неожиданность… Правда, ментор?

В мою спину будто ткнули ледяным пальцем.

Ну а Цолфи продолжала — точнее, продолжал тот, кто её взломал:

— Думаешь, ты хорош? Что ж, может быть… Ты и правда хорош, но лишь в играх. А это не игра, ментор. Ты встрял в то, что тебе не по зубам.

Цолфи взмыла ещё выше, будто возомнив себя ангелом.

— Некоторые яблоки лучше оставлять на деревьях, — сказал обладатель изменённого голоса. — А иначе всё в этой жизни перевернётся **[1]** .

И Цолфи меня отпустила.

Свист в ушах.

Мой долгий вопль.

Хлопанье крыльев.

Не успел я удивиться (чьи это крылья, если дракон остался ниже, а Цолфи — выше?), как чьи–то когти меня вновь подхватили.

— Дракон Гая — просто жуть! — весело крикнула Кэсс. — Потом скажете, где вы нашли некромантов?

— Какого… — начал было я — и умолк.

Кто сказал, что обрывать листья фиалки Кэсс будет сама?

Она была не на мели — просто откладывала деньги. Вряд ли накопила много, но и этого хватило, чтобы нанять какого–нибудь дурачка. Он задействовал мой вирус и лишился аватара, а Кэсс в это время была у площади. Она дождалась дракона и подземных толчков; дождалась, пока Цолфи меня поднимет… Дождалась сотворённого мною хаоса — и ловко им воспользовалась.

Дракон и мы с гарпией стали мишенями, а Кэсс прибегла к способностям дрессировщицы.

«*…могу хоть сейчас призвать гигантского горного орла. Хотите покажу?*»

Вот она и показала: меня нёс гигантский орёл.

Рискуя вывернуть шею, я глянул вниз и назад. С высоты нашего полёта яблони не было видно, но мне было уже ясно, что яблока там больше нет.

[1] «Если взорвётся чёрное солнце, всё в этой жизни перевернётся. Привычный мир никогда не вернётся, он не вернётся». «Би-2», «Чёрное солнце».

Глава 8

Прыгать метров с трёх на крышу мне, конечно, не хотелось, — но орёл меня не спрашивал, чего я хочу: он меня просто отпустил.

Кое–как сгруппировавшись, я упал у дымохода. Орёл грациозно приземлился на кровлю — бурый, с жёлто–серым клювом. В общем–то орёл как орёл, только раз в десять больше.

Кэсс спрыгнула с его спины и (вот уж чего я не ждал!) подбежала ко мне:

— Простите, что он отпустил вас так рано — я высоту не рассчитала, — Кэсс протянула мне ладонь: — Я помогу вам…

Но я и сам уже поднялся, хоть и не без труда: ныло левое колено. Не отключи я уведомления, видел бы цифры, знаменующие потерю здоровья.

Кэсс опустила протянутую мне руку:

— Яблоко у меня… В инвентаре.

Я уязвлённо промолчал. В *её* инвентаре — не в моём.

Орёл, чистивший перья позади Кэсс, вдруг пропал. На миг обернувшись, она пояснила:

— Его можно призвать всего на пару минут — хорошо хоть до крыши дотянули… Я же не думала, что вас придётся спасать.

— Я тоже не думал, что Цолфи взломают.

Глаза у Кэсс округлились, но я упредил её вопросы:

— Приват–зона, код КЛ–два–ноль-два–два.

Оставаться на крыше было нельзя: если сюда сбежится стража, в приват–зону уже не войдёшь. Кстати, в большинстве сегментов мы и сейчас бы туда не вошли — пришлось бы скрываться до отмены тревоги. Но «Фрея» в этом смысле даёт поблажки — видимо, из–за отсутствия воскрешений.

Я вошёл в возникшую рядом дверь. Шагнув за мной, Кэсс быстро заговорила:

— Знаю, вы на меня злитесь…

— С чего бы? — с сарказмом оборвал её я. — Вы мне солгали всего–то дважды за сутки. Не три раза, не пять — всего дважды.

Насупившись, Кэсс заметила:

— Не только солгала, но и спасла…

— Чтобы задобрить. Без меня вам не добраться до куклы с биноклем.

Кэсс умолкла и не стала отрицать очевидное.

— Кажется, мне теперь ясно, почему вы любите карты, — я смотрел на неё в упор. — Нравится выстраивать комбинации?

Она уставилась на свои ноги.

— Перестаньте притворяться, — поморщился я. — Вы сконфужены не больше, чем стриптизёрша у шеста!

Кэсс от такого сравнения вздрогнула, но глаза подняла.

— Ладно, притворяться не буду, — она с вызовом поймала мой взгляд. — Мне нужны эти предметы: кукла, яблоко, бинокль. Чувствую, что нужны — но не знаю, зачем. И я на всё пойду, чтобы их получить.

— А тот, кто хочет помешать вам, тоже пойдёт на всё?

— Что?..

— Цолфи кто–то взломал, пытаясь не дать мне добраться до яблока… или пытаясь не дать в*а*м до него добраться. Просто он всё внимание сосредоточил на мне, а ваша выходка с орлом для него стала сюрпризом.

Кэсс замотала головой:

— Я не знаю, кто это был.

— И не знали, что Цолфи могут взломать?

— Нет. Клянусь вам, не знала!

Я усмехнулся — мне ли верить её клятвам? Она уже дважды обвела меня вокруг пальца.

Усевшись за стол, я попытался упорядочить мысли.

Взлом энписи уровня Цолфи (не говоря уже о преодолении защиты «Фреи») по силам лишь асу; не просто хакеру, а гению. Хотя было ли это взломом? Может, действовал не хакер, а всего лишь админ?.. Ведь их доступ позволяет следить за игрой; достаточно было прослушать наш с Ферзюбрем разговор — и стало бы ясно, что в кражу яблока я вовлеку гарпию.

Но тут я вспомнил, как Цолфи пела — точнее, *что* она пела: «Чёрное солнце». То, что я слушал совсем недавно.

И не в реале слушал, а в ВИРТУСе.

Значит, всё–таки хакер — причём взломавший не только Цолфи, но и меня… Хотя что–то мне подсказывало, что для него я — мелочёвка: спец такого уровня взломает и серверы АНБ. А потом взломает снова, чтобы не заскучать.

И я решил в мыслях называть его Взломщиком — для простоты.

Пока я думал, Кэсс заняла то же кресло, откуда убрала вчера газеты. Затем открыла инвентарь, дала мне визуальный доступ — и я увидел ячейки. В одной из них — между копьём и мечом — было яблоко.

Я хмуро глядел на фрукт, который пытались заполучить уже три ментора… а со мной — четыре. Кто–то ради него взломал Цолфи. А значит, в виртуальном яблоке скрыт вполне реальный секрет.

— Ну и что в нём особенного? — отстранённо спросил я.

На ответ я не рассчитывал, но Кэсс решила, что вопрос адресован ей:

— Я правда не знаю… и не понимаю, что с ним делать. Но оно точно должно быть у меня, — помедлив, она добавила: — Сорвав его с яблони, я ощутила что–то такое, чего и не объяснишь… Как в «Тетрисе», когда фигурку в нужное место кладёшь.

— И теперь вам нужны ещё две фигурки? — уточнил я. — Бинокль с куклой?

Кэсс кивнула, с трепетом глядя на яблоко.

Наверное, я должен был счесть её сумасшедшей, но таких мыслей у меня не было: я ведь толком не понимал, кто она. Я вообще мало что понимал.

Но одно было предельно ясно.

Я встал из–за стола:

— Идёмте.

— Куда? — удивилась Кэсс.

— В ВИРТУСе за мной следили — или следили за вами. Нельзя, чтобы это повторилось. А остальное обсудим позже.

Сегменты ВИРТУСа делятся на множество видов, но главных среди них два: игровые и неигровые.

В игровых — ясное дело — играют: проходят квесты, сражаются, создают гильдии. Летают с гарпиями, интригуют с орками, крадут волшебные яблоки. В общем, валяют дурака.

А в неигровых сегментах шутеры с квестами заменяются забавами иного рода — например, шопингом.

Мы с Кэсс стояли у магазина игрушек. Вокруг было оживлённо, причём даже без неписей: их тут не наблюдалось. Зато хватало покупателей.

При виде вывески («Friendly Toys») Кэсс на меня глянула и сострила:

— Вы хотите купить здесь игрушечный пистолет?

— Игрушечный?.. — я усмехнулся с мыслью о Взломщике. — Боюсь, мне скоро понадобится настоящий.

Из магазина вышло счастливое семейство: мама, папа и две дочки. В руках у дочек были куклы: виртуальные копии тех кукол, которых дроны скоро доставят к ним домой. Не исключено, что к той минуте, когда девчонки выйдут из ВИРТУСа, они с новыми куклами наиграются — и покупки останутся нераспакованными.

У меня это вызвало тоску.

Мы всё привыкли делать в ВИРТУСе: тусоваться с друзьями, пьянствовать и даже заниматься сексом — без нужды предохраняться. А теперь наши дети расчёсывают здесь

виртуальных Барби.

— Так зачем мы сюда пришли?

Голос Кэсс вывел меня из раздумий. Я указал ей на забор, примыкавший к магазину:

— Вообще–то нам туда. Но надо дождаться, пока будет мало прохожих.

Мы пошли вдоль ограды, за которой был сквер (сама ограда была кованой, с вьющемся поверху узором). Один из прутьев выгибался. Заметить это было сложно, если не знать, куда смотреть, — но я знал.

Остановившись, я взялся за выгнутый прут и кивком предложил Кэсс сделать то же самое.

— Шпионские страсти какие–то… — бормотнула она, однако за прут взялась.

Я глянул по сторонам — и удручённо пропел:

Споёмте же песню под громы ударов…

У Кэсс вытянулось лицо.

— Марш анархистов, — пояснил я.

— Что за… — до Кэсс запоздало дошло, что мы стоим уже не на улице, а в затенённом дворе. Прут, за который мы держались, «повис» в воздухе без ограды. — Мы что, телепортировались?..

— Вроде того. Чувствуйте себя как дома.

Кэсс растерянно осматривалась, хотя глядеть было не на что: серые пятиэтажки, серое небо, серый асфальт. Правда, этот самый асфальт едва проглядывал под нацарапанными мелом лозунгами: «Буржуев — на нары!», «Свобода или смерть!», «Рабы создают рабов»… В самом центре выделялось «Анархия — мать порядка».

Прочитав пару надписей, Кэсс удивилась ещё больше.

— Что это за место?

— Всего лишь буферная зона, — я выискивал среди лозунгов самый длинный. — Отсюда можно попасть к Затворнику.

— К какому ещё Затворнику?..

— К специалисту по обнаружению шпионских программ.

— Вообще–то этим занимаются легальные компании…

— Серьёзно? — хмыкнул я. — А как насчёт программ, разработанных государством?

Кэсс пожала плечами. Ей вряд ли доводилось об этом задумываться.

Блуждая по лозунгам, я сообщил:

— Затворник — из тех чудиков, что помешаны на конспирологии и в каждой тени видят Большого Брата.

— Типа правительство за нами следит? — уточнила Кэсс.

— Правительство, корпорации… Не удивлюсь, если Затворник внёс в этот список и марсиан.

— То есть он ненормальный?

— С его точки зрения ненормальные — это девять с половиной миллиардов человек. А он — единственный здоровый.

Мои слова заставили Кэсс поморщиться:

— Все сумасшедшие так думают…

— Верно. Но не все они мастера своего дела, — я наконец нашёл, что искал, и, зашагав через двор, добавил: — Если в ВИРТУСе за нами следят, Затворник это узнает.

— И сумеет прекратить?

— Даже не сомневайтесь.

Остановившись, я прочёл про себя надпись, состоящую из двух предложений (лозунгом я бы её не назвал, но протеста в ней было хоть отбавляй): «Отчисления с ваших зарплат превратятся в снаряды и автоматы. Не забывайте об этом, когда платите налоги».

Я мысленно усмехнулся. Интересно, что сказал бы автор надписи о налогах, бесплатно записываясь к врачу?

Сев на корточки, я поочерёдно коснулся указательным пальцем буквы «з» в слове «зарплат», буквы «а» в слове «ваших», «т» — в слове «автоматы», «в» — в слове «превратятся»…

Кэсс, наблюдая за мной, поняла:

— Затворник?..

— Ага… Это выглядит ребячеством, но я же говорю — он помешан на конспирологии.

Кэсс скептически кивнула. Ей ещё предстояло узнать, что конспирология — не единственное, на чём Затворник помешан…

Я коснулся последней буквы («к» в слове «когда»), и в воздухе возник ряд цифр.

— Затворник создаёт собственные локации по всему ВИРТУСу, — сообщил я в ответ на удивлённый взгляд Кэсс. — Он в своём роде параноик: встретившись с клиентом в определённой локации, Затворник в ней месяц не появляется. Прямо сейчас я введу код одной из таких локаций. Говоря проще — постучусь в дверь.

— И он откроет? — уточнила Кэсс.

— Если не занят в другой локации с другим клиентом. И если не спит. И если будет в настроении.

— И если панды в Китае начнут линять… — буркнула Кэсс.

Я хмыкнул в ответ на её скепсис.

Впрочем, она была права: от сумасбродов вроде Затворника ждать можно чего угодно. В первую же нашу встречу он стал грузить меня идеями анархизма: отсутствие принуждения,

равенство/братство и всё такое. Я послушал и вроде бы даже поспорил (а кое в чём и согласился), но затем дал понять, что пришёл не за диспутом. Затворник отстал, но в мой новый визит повторил всё с прежним пылом — и в следующий раз тоже… Я в итоге смирился: дело–то он своё знал, а его болтовню можно и потерпеть.

Придвинувшись к вспыхнувшим в воздухе цифрам, я ввёл семизначный код, который помнил наизусть. Такой код легко взломать, но программы для взлома здесь «тормозят»: даже лучшим из них нужна будет минута на подбор комбинации, — а ввести код надо за семь секунд. Причём его нельзя записывать: если Затворник увидит, что я куда–то подглядываю, тыкая пальцами в его чёртовы цифры (а я не исключал, что он уже на нас смотрит), то встреча сорвётся — и больше он общаться со мной не станет.

Ненавижу Затворника за эти коды!..

После третьей комбинации цифры исчезли; вместо них над асфальтом возникла дыра. Не дверь, не круглый зев портала, а просто рваная дыра с непроглядным густым мраком.

Обернувшись, я посмотрел на Кэсс:

— Надеюсь, вы темноты не боитесь?

— Глупо задавать этот вопрос тестировщице, — она меня обошла и шагнула во тьму. — Я вообще–то хорроры тестировала. А ещё я разок умерла…

Дипломатично не ответив, я вошёл следом. Темень сомкнулась капканом. В сундуке у Кощея — и то светлее.

Всё–таки Затворник псих… Ну ведь мог хотя бы лампу создать!..

— И долго нам тут идти? — спросила Кэсс.

Судя по звукам, она продвигалась вперёд.

— Пока не пройдём верификацию, — бросил я. — Мы внутри программы–сканнера: она определит, кто мы и сколько в нас вирусов. После этого Затворник их усыпит.

— Усыпит?..

— Образно выражаясь. Обезвредит на время… Не знаю, как он это делает, но в его локацию мы войдём относительно чистыми: шпионские программы там не действуют.

— А он нас встретит и нейтрализует их окончательно? — смекнула Кэсс.

— Можно и так сказа…

— Клим Ларин! — прервал меня раздавшийся во тьме голос. — Наконец–то бывший мент почтил визитом старого анархиста! Неужели осознал всю бессмысленность власти человека над человеком и проникся идеями революции?

— Извини, Затворник, — мрачно отозвался я, — мне просто нужны твои услуги. Нас с дамой, кажется, пасут.

— Жаль… — вздохнули в темноте. — А что «пасут», вижу и сам. Пастухи, кстати, талантливые… По крайней мере, один.

— А что, есть и второй? — встревожился я.

— Полагаю, что есть.

Я даже замедлил шаг. Вот так сюрприз: за нами с Кэсс следят двое!.. Первый наверняка Взломщик — то есть тот, кто Цолфи взломал… А второй–то кто?..

Кэсс вдруг остановилась (я понял это по звуку) и прошептала:

— У меня мерзкое чувство, будто по мне чем–то елозят. Или даже облапывают.

Я не удивился, хотя сам ничего не ощутил. Но я-то могу из ВИРТУСа выйти, а Кэсс — не может: она с ним «сроднилась»… И наверняка чувствует то, что недоступно другим — например, «прикосновения» сканирующих программ.

Голос Затворника вновь донёсся из тьмы:

— С показателями твоей спутницы что–то не то… Почему нет сигнала с её гейм–кресла?

Кэсс застыла на месте, и я в неё врезался.

— Она использует «Гриффина», — солгал я. — Слышал про анонимайзер нового поколения? Тот, что назвали в честь…

— …в честь человека–невидимки, — перебил меня Затворник. — Знаю, я читал Уэллса. За каким тогда чёртом ты её ко мне привёл?

— Чтобы ты просканировал её аватара. А за девушку я ручаюсь. Может, ты уже нас впустишь?

Я остался без ответа, но мрак рассеялся. Мы с Кэсс увидели беседку — деревянную, наподобие перголы. Внутри стояли стулья и стол, на столе — два бокала с бутылкой виски. И всё это находилось на вершине скалы — круглой и гладкой, словно бы отшлифованной. Видимо, Кэсс и меня перенесло сюда в тот миг, когда стало светло.

— Боже… — вырвалось у Кэсс.

Она глядела на водопад, льющийся с неба — или с того, что его заменяло: вместо неба была сетка из квадратиков и линий, серебрящихся так, что больно было смотреть. Такая же сетка мерцала внизу, но там ещё и проглядывали «картинки»: магистраль с автомобилями, гребни волн, бездна космоса… Это были обрывки других ВИРТУС-сегментов — и я мог лишь гадать, как они тут оказались.

— Простите, что я так одет, — донеслось откуда–то сверху. — Вы меня выдернули из спальной локации — можно сказать, с постели подняли…

Задрав голову, я увидел Затворника: он спускался по воздуху, будто по невидимой лестнице. Его тучная фигура, облачённая в пижаму, напоминала Гомера Симпсона (нескладная, с пивным пузом), а лицо — Мистера Бина (столь же чудаковатое). Чёрт его знает, каков он в реале, но в ВИРТУСе Затворник выглядит так, словно при выборе аватара был пьян.

— Вы что, спите в виртуальности? — удивилась Кэсс.

— Уже восьмой год, — сухо бросил Затворник. — Между ВИРТУСом и реалом я давно выбрал ВИРТУС.

Он лихо спикировал, словно кичась своей властью над созданным им сегментом. Я покосился на его босые ступни:

— Ты бы хоть тапки надел… И зачем ты включил опцию роста ногтей?

— Затем, что без нужды их стричь — а также бегать в туалет и принимать душ — виртуальность останется суррогатом.

Я не стал оспаривать эту глупость — от Затворника услышишь и не такое.

— Позвольте представиться, — он приземлился перед Кэсс. — Противник всех видов государственного принуждения, разработчик антишпионских программ, приверженец полиаморных отношений и…

— Затворник, — перебил я (а иначе бы это растянулось надолго), — давай сегодня без прелюдий. Просто сделай свою работу… И желательно быстро.

Он вмиг посерьёзнел — когда надо, Затворник это умеет.

— Что, из–за слежки уже были проблемы?

— Ещё какие.

— Ладно… Тогда прошу к столу.

Кэсс удивлённо посмотрела на виски:

— А к столу–то зачем?.. Мы сюда что, пить пришли?

— Это деинсталлятор программ–шпионов, — я кивнул на бутылку. — Затворник загружает его в алкоголь.

— В хор***о***ший алкоголь, — уточнил Затворник. — Лично я предпочитаю в***и***на, но большинству моих клиентов нравится виски. Надеюсь, дама не против?

— Не против, — буркнула Кэсс — и повернулась ко мне (а Затворник уже шёл к беседке): — Помните, я говорила, что у меня нет периферийки?

Само собой, я это помнил:

— Вы ещё сказали, что из–за этого не пьянеете.

— И вы решили, что в реале я лежу в больнице.

Я кивнул.

— Ну так вот, — шепнула Кэсс, — я и правда не пьянею, но не знаю, почему. Такого ведь не должно быть… в смысле, я же в

остальном как прежняя. Но раньше я захмелела бы от двух рюмок, а теперь могу выпить бутылку — и ничего.

От этих слов я содрогнулся:

— Вы что, проверяли?..

— Естественно, проверяла… Не потому, что хотела напиться, а потому что это странно.

«Действительно, странно, — подумалось мне. — Ещё одна загадка… Как будто их мало».

Мы подошли к столу. Отодвинув стул для Кэсс, Затворник попросил:

— Можете пока повременить с виски? — он окинул взглядом стулья: — Это сканнеры, похожие на тот, где вы шли. Если посидите на них минуту, я смогу точно определить, какие программы вас отслеживали.

— Валяй, — бросил я.

— Отлично… — дождавшись, пока мы сядем, Затворник посмотрел на часы: — Итак, время пошло… Кстати, — он взглянул на Кэсс, — раз уж у нас есть минута, то могу я спросить: вы когда–нибудь задумывались об обществе без власти?

Я вздохнул: началось…

— Это как? — спросила Кэсс.

Затворник воодушевился:

— Я говорю про общество, где все люди свободно сотрудничают между собой.

— А разве сейчас они не сотрудничают? — удивилась Кэсс.

— Исключительно в той мере, в какой им это дозволено, — фыркнул Затворник. — А всё потому, что граждане не могут управлять своей жизнью сами.

Кэсс уточнила:

— Сами — это без государства?

— Ну разумеется! Госструктуры можно заменить самоуправлением. Жители всех городов станут объединяться в общины: сельскохозяйственные, производственные… какие угодно!..

— А потом одни общины сожрут других? — мрачно предрекла Кэсс. — И возникнет новая иерархия власти?

Затворник явно удивился: он–то счёл Кэсс лёгкой мишенью для своих сладких речей.

Спохватившись, он возразил:

— Это вовсе не факт. И между прочим, есть масса примеров, когда рабочие коллективы управляли…

— Затворник, — простонал я, — нам сейчас правда не до этого.

— Так ведь тридцать секунд ещё… — подняв руку, он ткнул

пальцем в часы. — Знаю, вам моя болтовня кажется чушью, но на самом–то деле вы просто не видите, к какому обществу мы пришли.

— И к какому же? — осведомилась Кэсс.

— Да к тому самому, о котором предупреждали фантасты. Есть прослойка толстосумов, контролирующих ресурсы — и есть остальные, не замечающие мира вокруг себя: плохой экологии, чудовищного неравенства, собственной деградации… А зачем им всё это замечать? У них же есть ВИРТУС.

— И это говорит тот, кто здесь спит… — вставил я.

— Но мой выбор был осознанным, — с нажимом произнёс Затворник, — а большинство не задумывалось над ним ни минуты: им дали пилюлю — и они её проглотили. Простой рабочий раньше вкалывал, чтобы семью прокормить — а теперь для того, чтобы после смены купить своему аватару броню!

Я не без цинизма заметил:

— Так у толпы всегда была погремушка. Для кого–то ею служил алкоголь, для кого–то — телевизор. А сейчас им на смену пришла виртуальность.

— Это уже не погремушка, — мрачно процедил Затворник, — а затычки для ушей! Мы с такой скоростью бежим от реала, что смирились с его уродством… Смирились с тем, что в реале мы превратились в рабов. По–вашему, это лишь слова? — голос Затворника зазвучал с горечью. — Знаете, до чего додумались в крупных компаниях? Датчики в одежде сотрудника сканируют его эмоции: радость, грусть, страх… И если он часто нервничает, то датчик решает, что работник он плохой и нормальной должности не получит. Как вам такое новшество? — Затворник кисло усмехнулся. — Добро пожаловать в новый мир… В мир, где вашу судьбу вершат микрочипы в лацканах пиджаков.

Мы с Кэсс переглянулись.

— А умная реклама? — продолжил Затворник. — Я-то уже немолодой — помню, как это начиналось: запостил видео с котом — жди контентную рекламу с кошачьим кормом. А сейчас щиты на улицах знают, чт***о*** вы едите и пьёте. Родители загружают детям в смартфоны список их шопинговых предпочтений… Шопинговых предпочтений для семилетних детей! Из нас сделали кукол… Живых мертвецов с трудоспособностью роботов и потребительским инстинктом вместо мозгов.

Затворник умолк. Мы с Кэсс тоже молчали. Не скажу, что мы услышали что–то новое, но грустно всё–таки стало.

После паузы Кэсс с интересом спросила:

— Но как это связано с анархизмом? Думаете, если рухнет пирамида власти, общество откажется от ВИРТУСа? Но это же

чушь!

— ВИРТУС — лишь следствие проблемы, а не её корень, — буркнул Затворник. — Очередной способ эскапизма, хоть и чертовски действенный. И конечно, мы ни за что от него не откажемся… разве может наркоман отказаться от дозы? Но всем известно, чем этот наркоман кончит, если дозу не отнять.

— А отнимать–то кто будет? — спросил я. — Ты же вроде выступаешь за отсутствие власти — по крайней мере, в её нынешнем виде?

Затворник пожал плечами:

— Конечно, власть как таковая в одночасье не исчезнет: кто–то должен будет взять на себя регулятивную функцию. И первое, что придётся сделать — это заставить людей отказаться от ВИРТУСа, поскольку иначе…

Я, не дослушав, захохотал.

— Браво, Затворник! Свобода через принуждение. Родные грабли, на которые сто раз наступали.

— Да хоть тысячу раз! А какова альтернатива? Смириться с жизнью овец в одурманенном виртуальностью стаде?

— По–моему, — неожиданно вставила Кэсс, — вы видите лишь плохое. ВИРТУС — это не только развлечения: это ещё и образование, наука, новые виды искусства… Десятки способов раскрыть человеческие таланты.

— Но большинство сюда является не за этим, — проворчал Затворник.

Я усмехнулся:

— А большинство всегда хуже — ты разве не знал эту банальность? И вообще, давай завязывать с дебатами. Минута давно прошла.

Затворник уныло махнул рукой:

— Да я её и не засекал… Ладно, чёрт с вами. Завязывать так завязывать…

Он ещё что–то бормотнул, но, к моему облегчению, открыл текстовый редактор (я это понял, поскольку Затворник стал вглядываться в пустоту). Досада на его лице сменилась сосредоточенностью: Затворник настроился на рабочий лад. Что ж, лучше поздно, чем никогда…

— Ну и что там? — спросил я, пока он читал невидимые мне строки. — Много на нас заразы?

— До хрена.

— Приятно слышать…

— И она вся на тебе, — Затворник мельком на меня глянул. — Самое безобидное, что ты словил — это ВИРТУС-шпион, осуществляющий мониторинг твоих действий в каждом сегменте.

Отдельной папки у него нет и он не привязан ни к одному аватару… думаю, встроился сразу в операционку.

Я пал духом:

— Придётся переустанавливать?..

— Пришлось бы, если бы ты ко мне не пришёл. А ещё ты подцепил вот это…

Текстовый редактор стал видимым: Затворник открыл мне визуальный доступ. При виде возникшего в воздухе списка я присвистнул.

«Сменить все пароли… — метнулось в мозгу. — Запустить диагностику аватаров, удалить лишние приложения… хотя какие приложения, если я их уже месяц не загружал?»

— Затворник, — произнёс я, — можешь сказать, откуда это взялось?

— Шутишь? — буркнул он. — Это ведь не родительский контроль, который детишки легко удаляют с гейм–кресел. Нет, друг мой — тут всё серьёзней… Потому я и решил, что за тобой следят двое: шпион, о котором я сказал ранее — это программа среднего уровня… Гадость, конечно, но гадость стандартная. А вот это, — Затворник кивнул на список, — дело рук профи. Вот я и подумал: зачем один и тот же хакер стал бы цеплять к тебе шпиона при наличии подобного арсенала?

— Для отвода глаз? — предположил я.

— Мне так не кажется. Моё мнение — тут работали два хакера, не связанные между собой: виртуоз и любитель.

Умолкнув, Затворник дал мне это обдумать. Затем посмотрел на Кэсс:

— Что касается вас, то я ничего опасного не увидел — хотя кое–что меня беспокоит.

— И что же?.. — уточнила Кэсс.

— Ваш инвентарь.

Кэсс замерла (да и я тоже). Сверля её взглядом, Затворник добавил:

— У вас в инвентаре есть зашифрованный файл, обозначенный как «Apple». На нём ВИРТУС-защита категории «Z». Сказать, где я видел такое последний раз? В аккаунте психа, хакнувшего Министерство обороны.

Мне стало холодно.

— Даже думать боюсь, что там, — признался Затворник. — Коды управления ядерным арсеналом? Пароли вип–клиентов ведущих банков? Электронная медкарта Президента Российской Федерации?

Кэсс сидела ни живая ни мёртвая… хотя она такой и была. Лицо её стало бледным. В тот момент я подумал, что она похожа

на призрака.

Потом я взял бокал виски — и залпом его осушил.

Глава 9

Все беседы с Затворником кончаются телепортацией.

Вот уж не знаю, зачем он так делает… Ведь любой его клиент мог бы открыть ВИРТУС-меню и решить самостоятельно, куда отправиться дальше — но нет: в меню Затворник выйти не даст. Оно не откроется ни в одной его локации (и потому всегда есть риск застрять у Затворника на три часа — пока в гейм–кресле не сработает тайм–контроль… конечно, если тот включён). По причине сумасбродства — а Затворник уверяет, что из соображений секретности — он сам выбирает, куда отправить вас после встречи: в пустыню, в лес, на склон горы… в любой сегмент, куда может попасть ваш аватар. Однажды меня «выбросило» в шутер, где шла перестрелка — прямо на линию огня. В итоге я лишился половины здоровья, а Затворнику, должно быть, изрядно икнулось после моих эпитетов в его адрес.

Но нам с Кэсс повезло — нас он телепортировал в музей.

Мы очутились посреди зала и не сразу поняли, где находимся: прямо в воздухе застыли ракушки, кораллы, морские ежи и керамика — очевидно, поднятая со дна моря. Вокруг прохаживались посетители, чуть дальше вздымались мачты фрегата.

— Музей океанографии, — догадалась Кэсс. — Это «Арк***а***нус», неигровой сегмент… Здесь только музеи и театры.

Я кивнул, глядя на экспонаты; в реале они лежали бы за стеклом, а тут «висели» на высоте метра полтора — их можно было потрогать и даже взять в руки. Зеленоватый свет создавал ассоциации с подводным миром и атмосферу, приводящую мысли в порядок — в чём я, кстати, и нуждался… Видно, поэтому Затворник нас сюда и отправил.

Заметив скамью, Кэсс предложила сесть. Я согласился.

Не знаю, как ей, а мне тут понравилось. Кроме того, после бокала виски, выпитого у Затворника, я налил себе второй (содержимое бутылки всё равно не убывало), а потом ещё два. Затворник урезонить меня не пытался: он давно знал, что мне нет дела до нотаций и, если рядом спиртное, то трезвым я не уйду (да и чего бы его нотации стоили, раз уж он сам загрузил антивирус в виски?). Так что да, мне хотелось сесть. Но ещё мне хотелось пораскинуть мозгами.

Со вчерашнего дня события развивались так быстро, что я за ними не поспевал. Я словно был мышью, запрыгнувшей в колесо — и вдруг обнаружившей, что оно стало шаром: выпрыгнуть уже нельзя, можно только бежать… Бежать и надеяться, что шар

остановится.

Кэсс будто мысли мои прочла:

— Жалеете, что во всё это влезли?

— Дайте–ка подумать, — с сарказмом ответил я (язык заплетался, но зато прибавилось красноречия). — Ваш отец меня нанял, чтобы я нашёл в ВИРТУСе три предмета, которые, как он думал, прольют свет на вашу гибель. Но тут выясняется, что вы воскресли… пардон, ожили в виртуальности. Затем взламывают Цолфи, чтобы я не украл яблоко, и в итоге его крадёте вы. Вдобавок меня хакнули какие–то умники, а Затворник заявил, что на яблоке защита как у гостайны. Как по–вашему — жалеть мне о том, что я во всё это вляпался?

— Вы пьяны, — сказала Кэсс.

— Зато дьявольски разговорчив, — парировал я. — Ничто так не обогащает речь, как «Джек Дэниэлс».

— «Джонни Уокер», — буркнула Кэсс.

— Что?..

— Вы пили не «Джек Дэниэлс», а «Джонни Уокер».

— А… Ну да.

— Почему вы пьёте?

— Не понял?..

— Вы же алкоголик, верно?

— С чего вы взяли?

— А разве нет?

Я дёрнул плечом.

— Так почему? Просто так или есть причина?

— Не ваше дело.

— Не моё так не моё…

Кэсс отвернулась. Удивительно, но мне понравилось, как она это сделала. Она не только была красива — она ещё и умела красиво отворачиваться.

Мимо нас прошла парочка, тихо беседуя. Какой–то подросток взял в руки окаменелость, пользуясь тем, что музей виртуальный (хотя бывал ли он в другом?). Мальчишка помладше залез на фрегат.

Отведя от него взгляд, я пожалел, что не напился вдрызг.

— А может, и хорошо, что я во всё это влип, — вдруг вырвалось у меня. — В кое–то веки вмешался во что–то важное… Лучше уж корчить из себя детектива, чем помогать недоумкам пройти локацию.

Кэсс опять повернулась ко мне:

— Я думала, вам нравится ваша работа.

— Иногда нравится, — искренне сказал я. — Да и гонорары хорошие. Но ментором я стал не поэтому.

В глазах Кэсс возник вопрос (а тогда почему же?) — и я на него ответил:

— Просто я ненавижу реал.

Кэсс понимающе кивнула.

Мальчуган на фрегате повис на снастях. Я невольно усмехнулся. В настоящем музее его бы турнули, а здесь он творил, что хотел. Интересно, следит ли тут кто–то за экспонатами? Если да, то легче работы не найти: не нужно тревожиться о климат–контроле, влажности или защите от пыли. Хотя о чём это я?.. Какой к чёрту климат–контроль, когда тут и новый зал можно за минуту создать — исходный код ведь уже есть…

Стоило об этом вспомнить, и экспонаты показались мне обесцененными. ВИРТУС был бы идеален, если бы мы забыли, что он — фальшивка.

— Думаете, это спецслужбы? — внезапно спросила Кэсс.

— Вы про Взломщика? — уточнил я. — Про того, кто взломал Цолфи?

— И про тех, кто прицепил к вам шпионские вирусы.

— Нет, не думаю, — я медленно покачал головой. — Даже если это сделали разные хакеры, службистов — во всяком случае, действующих — среди них нет.

— Уверены?..

— Процентов на девяносто, — во мне не ко времени проснулся сарказм: — Исхожу из того, что я всё ещё не в «Лефортово». И, как вы заметили, не на кладбище.

Тут я чуть себя не стукнул. Идиот!..

— Извините… — бормотнул я. — Это вырвалось спьяну…

— Ничего, — бросила Кэсс. — Я к своей новой жизни уже привыкла.

От её последней фразы мне стало не по себе: к новой жизни…

А Кэсс уже другим тоном произнесла:

— Я отправляюсь за биноклем в «Адреум»: он лежит в дирижабле, упавшем в каньон. Тот каньон называют Ямой дьявола.

— Знаю, — буркнул я.

— Вы со мной?..

— Сначала выйду в реал. Протрезветь надо.

— А потом?

— Что — потом?..

Кэсс нахмурилась, справедливо полагая, что я понял вопрос. Затем вновь заговорила:

— Я понимаю, мой отец велел вам достать эти предметы, а яблоко теперь в моём инвентаре, и…

— …и вы думаете, я из–за этого откажусь от задания?

Кэсс кивнула.

— Ну во–первых, — снисходительно сказал я, — вашему отцу плевать и на яблоко, и на куклу, и на бинокль: если я выясню, кто стоял за вашей гибелью, мне в любом случае заплатят.

— А вы намерены это выяснить?

— Ещё недавно я такого намерения не имел, — про себя я удивился изящности своей речи; видимо, ещё бокал — и я стал бы оратором. — Но Взломщик изменил расклад.

— Каким образом? — не поняла Кэсс.

— Есть шанс, что выйдя на него, мы выйдем и на вашего убийцу, — пояснил я. — Конечно, если это и правда было убийство, а не простое ДТП.

— А чтобы выйти на Взломщика, — смекнула Кэсс, — нам надо получить то, что он пытается от нас уберечь? Яблоко, бинокль и куклу?

Я кивнул. Кэсс воодушевилась:

— То есть вы всё–таки отправитесь в «Адреум» и «Дворг»?

— Отправлюсь, — сказал я. — Выйду в реал, перекушу, а потом заселюсь в «Грин Хаус» — это…

— …отель в «Адреуме», — вставила Кэсс. — Знаю, я там была.

По глазам её я понял, что ей не терпится заполучить бинокль: это была не блажь, а потребность, пусть и не имеющая объяснений. Но ведь и копирование чьей–то личности, замаскированное под баг, объяснению тоже не поддаётся…

Уловив мой взгляд, Кэсс посерьёзнела:

— Только не думайте, что я спятила, — она помолчала и вдруг призналась: — Хотя мне и самой ясно, что я одержима. Ведь они мне даже снятся — яблоко, бинокль и кукла, — Кэсс заговорила тише, но с прорывающемся волнением: — Я в тех снах опять в «Китеже» — в той же пустыне, где всё началось. Иду по песку, а они впереди: лежат, будто ждут меня…. Но я всё иду, а они не приближаются. А после…

Тут Кэсс, умолкнув, отвернулась.

— Что — после?.. — спросил я.

— Ничего… Я просыпаюсь.

Но я видел: она лжёт. На сей раз неумело.

Может быть, страшась правды?

— Кэсс?.. — мягко произнёс я.

Она вновь повернулась ко мне:

— После я оборачиваюсь и не вижу следов — будто я их не оставляла. Опускаю глаза, смотрю на ноги — и понимаю, что меня нет: ни ног нет, ни рук… ничего. Словно я не существую.

Меня передёрнуло, но всё–таки я сказал:

— Это всего лишь сон…

Кэсс с лёгкой грустью улыбнулась, а затем встала со скамьи:

— Идёмте — засиделись уже… Да и вам надо трезветь.

На выход мы шли в хмуром молчании — мимо ракушек, корабля и мальчишки, повисшего на снастях.

* * *

Выйдя в реал, я сел за подключённый к гейм–креслу комп и сменил все пароли. Удалил с накопителей всё, что было не жалко, и кое–что из того, что предпочёл бы не удалять. Переустановил две программы и совершил ещё пару–тройку манипуляций; Затворник, конечно, своё дело знает, но лучше перестраховаться.

Ну а после я задался извечным холостяцким вопросом: как бы не сдохнуть с голоду?

Холодильник вчера вечером опустел, и на завтрак я довольствовался чашкой кофе. Для меня это не редкость, но пренебрегать обедом я не рискнул: мой желудок давно уже намекал, что я в шаге от гастрита — и намёки с каждым днём становились всё прозрачней.

С тоской глянув в окно, за которым лил дождь, я надел куртку, сунул в карман смартфон и отправился за покупками. В службу доставки звонить не стал — у них в это время полно заказов. Быстрее доедешь до магазина, чем дождёшься дрона.

Во дворе куртка стала непромокаемой: метаморфная ткань подстроилась под погоду. Подняв капюшон, я дошёл до стоянки, где мокла моя «Лада» — серебристый седан пятидесятого года выпуска. Последняя модель, где нет автопилота. Я купил её в другой — теперь уже прежней — жизни; в той жизни я был отцом и мужем, мой бедный желудок не грозил мне гастритом, и, если бы кто–то вдруг сказал мне, что я буду зарабатывать на жизнь в ВИРТУСе, я бы рассмеялся ему в лицо. У судьбы есть чувство юмора и склонность к садизму.

Выехав со стоянки, я взял курс на супермаркет, где часто покупаю продукты. Благодаря ВИРТУСу пробок не было (из реальных офисов все перешли в виртуальные), но на подъезде к магазину пришлось сделать крюк: дорожные конусы с сигнальной расцветкой оповещали об отсутствии проезда. Рядом было ограждение — тоже сигнальное, красно–белое, а над ним — знак «Дорожные работы». В уши бил грохот отбойного молотка.

Я присмотрелся: оказалось, его держал робот.

Антропоморфный гигант ростом около двух метров самозабвенно долбил асфальт. А двое его «собратьев» трудились у магазина: когда я подъехал к служебному входу (из–за дорожных работ парковаться пришлось с задней стороны), два робота выгружали ящики из фургона.

Я выключил мотор и вышел, бегло глянув на металлических работяг. Раньше их не использовали из–за дороговизны (кому нужен грузчик или рабочий за миллион баксов?), но прогресс снизил издержки — и вот вам новый персонал: непритязательный, послушный, неутомимый. В России роботов не встретишь за пределами Москвы, однако здесь их уже внедряют; власти твердят, что увольнений из–за этого не последует, а происходящее — всего лишь эксперимент… Про электронные паспорта раньше тоже так говорили.

Миновав роботов, я обогнул супермаркет. Пока шёл к крыльцу, уловил краем глаза черно–жёлтый объект, мелькнувший над тротуаром — видимо, дрон–курьер. Странно, что он летит так низко, да и дизайн новый — эдакий шмель, но без крыльев… Прежде я таких не видел.

Едва я на него глянул, как дрон набрал высоту и исчез из поля зрения.

Взбежав на крыльцо, я прошёл металлодетектор, взял тележку и стал её наполнять: туда отправились хлеб, минералка, овсяные хлопья (единственное, что я варю сам — благо их надо лишь залить кипятком), кофе и несколько готовых блюд: салаты из морской капусты, гречка с курицей, макароны по–флотски. Ещё я позарился на бутылку «Кристалла», но решил с этим повременить — мне нужна ясная голова. Пока не покончу с заданием Рябова, буду пьянствовать в виртуальности.

Стоя в очереди к кассе, я заметил над ней экран: показывали старое интервью с Дианой Кнежик. Я невольно пригляделся. «Мама ВИРТУСа», как её иногда называли, казалась женщиной властной: короткая стрижка, широкие скулы, прямые волосы — наверняка жёсткие, как и её взгляд. Но смотрелось это стильно: даже морщины на волевом лице выглядели уместными. Уж не знаю, было ли это заслугой Кнежик или с ней работали имиджмейкеры, но она больше походила на политика, чем на учёную. На политика, неспособного проиграть.

Расплатившись, я вышел и, нагруженный пакетами, пошёл обратно к «Ладе». Дождь лениво моросил, в сером небе мелькали дроны. Гул машин сливался с грохотом отбойного молотка.

Вновь обойдя супермаркет, я зашагал вдоль парковки.

Роботы всё ещё разгружали фургон, ступнями лязгая об асфальт. Из интереса я прислушался, но механического гула,

характерного для старых моделей (раньше их показывали в новостях), не услышал: гидроприводы работали почти бесшумно. Пластик и сталь блестели от влаги.

— Мечтают ли грузчики об электроовцах… — неудачно пошутил я.

И словно бы в ответ на это один из роботов развернулся.

Я сглотнул, замедлив шаг. Мелькнула мысль, а не спросить ли, читал ли он Филипа Дика, но это было бы уже слишком…

Развернувшийся робот замер, держа в руках–манипуляторах ящик. Узкая чёрная полоса, расположенная на месте глаз, была направлена на меня. Выглядело это так, будто он сверлил меня взглядом.

Я невольно остановился, борясь с желанием пойти назад. Показалось, что на коже шевелятся волосы.

«Спокойно, — мысленно велел я себе. — Эту модель проверяли миллион раз — она абсолютно надёжна. Их даже взяли на МКС!»

А в следующий миг абсолютно надёжный робот развёл в стороны руки — и ящик шмякнулся об асфальт. Судя по звуку, в нём что–то разбилось.

Я выронил пакеты, видя перед собой даже не робота, а Цолфи… Цолфи, которую взломали!

Осознание происходящего переросло в панику: Взломщик!.. Он проделал это с Цолфи, а теперь повторил с роботом!

Только это уже не ВИРТУС — и испугом тут не отделаешься…

Едва не поскользнувшись, я развернулся и побежал, а робот кинулся за мной, грохоча металлическими ногами. Мне как–то сразу вспомнилось (надо сказать, очень вовремя), что весит он центнер, а лошадиных сил в нём — полсотни… Ну и уйма гидравлических соединений обеспечивают ему подвижность — и скорость бега, сопоставимую с человеческой…

А ещё через секунду случились три вещи разом.

Во первых, я сообразил, что нельзя бежать на улицу (там прохожих полно); во–вторых, мне в лицо что–то метнулось — что–то знакомое, чёрно–жёлтое; в-третьих, кто–то крикнул «ложись!» — прямо как в старых боевиках.

Но я и без совета успел пригнуться.

Чёрно–жёлтое пятно пронеслось надо мной. Перекатившись, я вскочил. Хотел бежать дальше, но понял, что робот меня уже не преследует и что я слышал звук удара. А ноздри защекотал запах палёного, как от замкнувшей проводки.

Я развернулся и увидел робота, замершего с вытянутой рукой. У его ног дымился дрон.

Тут–то до меня дошло, что бежал он не за мной, а чтобы меня

спасти: в его операционку внесены «правила поведения», схожие с законами Азимова: своим бездействием робот не мог допустить, чтобы мне был причинён вред. Он заметил пикирующего на меня дрона — и ринулся ему навстречу.

А ещё мне навстречу бежал Лоцкий — тот самый Лоцкий, что работал на Рябова. Он–то мне и крикнул «ложись!»

Бар был оформлен в стиле ретро: выложенный плиткой пол, чёрно–белые картины, столики на фигурных ножках. В самом конце полированной стойки блестел граммофон — настоящий, антикварный, бог его знает, какой давности. А вместо новомодных кибер–подносов клиентов обслуживала официантка.

— Славное место, — сказал Лоцкий. — Люблю заглянуть сюда после работы.

— Наверное, работаете допоздна? — с ехидством уточнил я. — Слежка — занятие ненормированное… Никогда не знаешь, во сколько закончишь.

Лоцкий благоразумно промолчал. Если бы он ответил, что не следил за мной, а у супермаркета оказался случайно, я бы встал и ушёл. Но очевидное отрицают лишь идиоты, а Лоцкий им явно не был.

Расположились мы у окна, за которым всё ещё моросило. Рокот отбойного молотка слышался даже здесь: бар находился рядом с местом, где меня атаковал дрон. Потому я и не возражал, когда Лоцкий предложил мне сюда зайти.

— Ну и?.. — спросил я.

Лоцкий не стал притворяться, что не понял вопроса:

— Я за вами наблюдал ради вашего же блага, — он кашлянул, будто смутившись, хотя мне в это не верилось: смутился он, как же… У людей его породы эта способность исчезает после первых поллюций.

— Инициатива была ваша? — уточнил я. — Или слежку приказал установить Рябов?

— Моя, — признался Лоцкий. — В подобных делах шеф мне полностью доверяет.

Подошла официантка, и я заказал безалкогольный коктейль. Когда озвучивал заказ, во мне всё протестовало, но в реале мне следовало быть трезвым. Роскошь похмелья я себе позволить не мог.

— Мне то же самое, — сказал Лоцкий — и пояснил уже для меня: — Я за рулём. Не люблю автопилот.

— Так зачем вы за мной следили? — спросил я.

— Из предосторожности, — Лоцкий выдержал мой взгляд. — Шеф заплатил вам за работу и ждёт результата. Было бы обидно,

если бы с вами что–то случилось.

— А должно было случиться?

— Глупый вопрос. Вас только что пытались убить.

— Нет, — спокойно сказал я. — Не пытались.

В глазах Лоцкого возникло непонимание. Я кивнул и уточнил:

— Сколько по–вашему весил тот дрон?

— Немного, — подумав, ответил Лоцкий. — Это был не курьер, а простая игрушка.

— Из мягкого пластика, — дополнил я. — Если бы он врезался мне в голову, я слёг бы в больницу, но остался бы жив.

— То есть это было не покушение, а попытка вас запугать?

— Ну почему же? — бросил я. — Покушение — но не на жизнь, а на мою способность войти в ВИРТУС. Вот в***ы*** бы туда сунулись с сотрясением мозга?

— Чтобы до конца жизни превратиться в овощ? — проворчал Лоцкий.

Он уже понял, куда я клоню: кто–то очень не хочет, чтобы я вернулся в гейм–кресло. Если я туда не сяду, этого будет достаточно. А убивать меня ни к чему.

Официантка принесла коктейли. Дождавшись, пока она уйдёт, Лоцкий признал:

— Может быть, вы и правы, — сделав паузу, он виновато добавил: — Я заметил тот дрон, когда вы шли к магазину: слишком уж быстро он снижался. Надо было сразу предупредить вас… Если бы не робот, мы бы сейчас не беседовали.

Промолчав, я глянул в окно: может, владелец дрона сидит в одной из припаркованных машин?.. Хотя я бы на его месте держался отсюда подальше.

Лоцкий мрачно заметил:

— А всё–таки зря мы не забрали эту… игрушку. Надо было вызвать полицию и сдать её на экспертизу.

— Бесполезно, — буркнул я. — Дроном наверняка управляли через анонимную сеть, а купить его можно в простом магазине. Личность владельца установить бы не удалось.

Возражать Лоцкий не стал: видимо, он и сам так думал.

Ни он, ни я не притрагивались к коктейлям, и я вдруг сообразил, что мы изучаем лица друг друга — молча, сурово и открыто.

А затем я решился озвучить догадку, возникшую ещё накануне:

— ФСБ или Служба внешней разведки?

Усмехнувшись, Лоцкий перешёл на «ты»:

— Сам–то как думаешь?

— СВР, — я уже не колебался. — Эфэсбэшники после реформы тридцатых за рубежомне работают — только по внутренним делам.

— А я, значит, не по внутренним? — с иронией спросил Лоцкий.

Я медленно покачал головой:

— У тебя для этого слишком хорошее образование… Академия внешней разведки?

— Вообще–то МГИМО, — буркнул Лоцкий. — А уже потом — Академия.

К гордости в его тоне примешалось нечто обратное — будто он почувствовал себя уязвлённым.

«Ну конечно, — смекнул я. — МГИМО, Академия, СВР, — а теперь он шестерит на Рябова. Его турнули со службы».

Лоцкий понял, о чём я думаю — и ответил любезностью на любезность:

— Ну ты и сам не в лесотехникуме учился. Университет МВД, диплом с отличием. А сейчас…

— А сейчас я просто ментор, — кивнул я. — Да, бывает и такое.

Мы на время умолкли. Официантка рядом с нами обслуживала какую–то парочку, с улицы долетал шум отбойного молотка.

После паузы Лоцкий осведомился:

— Как продвигается работа?

— Не могу это обсуждать, — твёрдо сказал я. — Разве что с твоим шефом.

— Понимаю… — протянул Лоцкий. — Собственно, утром у нас был разговор — как раз о твоём задании.

Я удивлённо вскинул брови. Лоцкий пояснил:

— Рябов предлагает тебе пожить у него: в доме для гостей есть место, где можно спокойно…

— Исключено, — перебил я. — Так ему и передай. Будет настаивать — откажусь от контракта.

— Это для твоей безопасности…

— О ней я позабочусь сам.

Лоцкий вздохнул и деликатно заметил:

— После случая с дроном я бы так не сказал. Это ведь может повториться.

— Значит, запрусь в квартире, — пожал я плечами. — Еду буду заказывать, мусор… Мусор вообще не стану пока выносить. Неделю–другую потерплю.

— Ладно, как знаешь, — вздохнул Лоцкий. — Моё дело — предложить…

— И следить за мной не надо, — добавил я.

— Это уж решать не мне, — хмыкнул Лоцкий. — Идея–то была моя, но ведь Рябов с ней согласился. А на попятные он не пойдёт: не в его это правилах.

— Тогда посоветуй ему их нарушить — или я прекращаю работу.

Лоцкий поймал мой взгляд и кивнул.

Тут мне на ум пришёл вопрос — точнее, даже целых два. Первый я задал прямо в лоб:

— Ты на Рябова давно работаешь?

— А что?

— Кэсс… какой она была?

Лоцкий задумался, но вопросу почему–то не удивился.

— Да как тебе сказать… Необычной.

— Необычной?.. — повторил я.

— Взбалмошной. Своенравной. Дерзкой, — Лоцкий дёрнул плечом, словно показывая, что не знает, какие ещё эпитеты подобрать. — Но умной — особенно для своих лет… Она с детства была умна. И, по–моему, настырна: если уж чего хотела, то шла к цели как танк.

Я мысленно усмехнулся: после выходки с орлом в этом сомневаться не приходилось.

— По–твоему, её убили намеренно? — спросил я.

— Не знаю, — Лоцкий покачал головой. — Всё выглядело как обычное ДТП. Если бы не отключение камер и не тот бред на стикере, я поставил бы на несчастный случай.

— А сейчас на что ставишь — с учётом стикера и камер?

— И сегодняшнего дрона, — буркнул Лоцкий. — Ни на что я не ставлю — всё слишком запутано. Думаешь, почему я вчера дал тебе файлы, связанные с гибелью Кэсс: протоколы допросов, архивные копии её страниц в соцсетях?

— Чтобы я оценил всё свежим взглядом?

Лоцкий хмуро дополнил:

— Правда, это уже шеф предложил… Как по мне, ты не обязан в этом копаться. Твоё дело — те предметы достать: яблоко, бинокль, куклу.

Кивнув, я встал из–за стола:

— Что ж, спасибо за компанию.

Лоцкий глянул на коктейль, к которому я не притронулся.

— Можешь выпить и мой, — разрешил я.

— Ты подумай насчёт предложения шефа, — бросил Лоцкий мне вслед. — Дома тебе работать небезопасно.

Не оглядываясь, я махнул рукой и вышел на улицу.

«Лада» стояла всё там же, за магазином (да и где ей ещё было стоять?). Пакеты с покупками были в багажнике: я сложил их туда перед визитом в бар. Не на сиденье же их ставить после мокрого асфальта?

Сев за руль, я уставился на дождь сквозь ветровое стекло.

Роботов уже не было — как и фургона, из которого они выгружали ящики. Тот ящик, что робот уронил, так и остался лежать. А чуть дальше, прямо в луже, покоился дрон, превратившийся в нечто смятое и бесформенное. Примерно так в каком–то фильме выглядела пчела–мутант, врезавшаяся на лету в стену.

Я вдруг задался вопросом, есть ли тут камеры. Хотя о чём я? — конечно, есть… и они засняли случившееся. Скоро это попадёт в Сеть, и моё бегство от робота осмеют в комментариях. Роботостроителей ждёт пиар, а меня — тёмные очки с кепкой.

Потом я переключился на более важные мысли.

Лоцкий следил за мной… как он сам же признался, по его личной инициативе. Следил, предполагая, что на меня могут напасть. Но на чём основывалось предположение — на интуиции или на логике? Не знает ли он нечто такое, в свете чего мне стоило бы свалить в Арктику?

Хотя свалить хорошо бы любом случае — я вляпался в слишком уж крутой переплёт.

Какая–то часть меня шептала, что самым благоразумным будет послать всё к чёрту: забыть и о Кэсс, и о Рябове, и о его задании. Временно залечь на дно — даже в ВИРТУС не выходить… Хотя бы две–три недели. Ведь Рябов уже заплатил мне столько, что хватит на пару лет — а от оставшихся денег можно и отказаться. Обидно, но жизнь дороже.

Но меня что–то сдерживало: то ли нежелание отступать, то ли стремление докопаться до истины (всё–таки я бывший мент), то ли… лицо Кэсс, рассказывавшей про свой сон?..

Я мотнул головой: нет, она тут ни при чём… Совершенно ни при чём. Кэсс ведь даже не живая, а виртуальная… Да она чёрт знает кто! Разве смог бы я увлечься виртуальной девушкой? Конечно, не смог бы. Ни за что и никогда.

Я завёл двигатель и тронулся с места.

«Ни за что и никогда», — билось в мозгу.

На ближайшем проспекте мне попался автобус, где простые сиденья заменяли гейм–кресла: пассажиры за окнами будто спали, закрыв глаза. Конечно, автобус был не обычный (кто бы стал раскошеливаться на гейм–кресла для обычных автобусов?), а туристический. Турфирмы, столкнувшись с падением спроса (виртуальные туры в разы дешевле, да и летать никуда не надо)

заманивают туристов, чем могут — и даже развозят в таких вот автобусах: кто хочет, пусть слушает гида, а кому неинтересно, зависает в виртуальности… Неудивительно, что в гиды теперь идут неохотно.

Мне вдруг вспомнился Затворник с его болтовнёй: какой бы та ни была нудной, а доля правды в ней есть. Да и в своих убеждениях Затворник не одинок — сейчас во всём мире полно всяких «анти»: антиглобалисты, антивиртуальщики, античипировщики — протестующие, как ясно из названия, против массового использования чипов… Отчасти их можно понять. Мы упорядочили всё, что могли упорядочить — от прилавков магазинов, где у всех яблок один размер, до соцсетей, банящих за невинную шутку. Косой взгляд сочтут харассментом, камер нет разве что в туалетах (хотя я и за это не поручусь), а военные дроны патрулируют улицы при вспышке очередной пандемии. В ВИРТУСе мы бьёмся с монстрами, а в реале не рискуем даже по мелочам… Но можно ли без риска идти вперёд?..

Оставив «Ладу» на стоянке, я вернулся домой и закатил пир: салат, гречка с курицей, минералка. Макароны по–флотски остались на ужин. Сначала я запью их чаем, а затем войду в ВИРТУС и натрескаюсь вдупель. В крайнем случае напьюсь, когда покончу с этим делом (а интуиция подсказывала, что шансы покончить с ним у меня есть… впрочем, хватало и шансов на то, что кто–нибудь покончит со мной).

Под шум дождя я сел в гейм–кресло.

— Барон, ко мне! — донеслось вдруг со двора.

Голос был звонкий, мальчишеский. Ему ответил второй такой же — заливистым, задорным смехом… Смехом, в котором была жизнь.

Сквозь боль я выдавил улыбку.

Олег и Костя, близнецы… Дети моих соседей. Хорошие ребята… и вообще, семья у них хорошая. Замечательная семья.

Что там говорила Кэсс — в ВИРТУСе тоже можно создавать семьи?

Чушь и бред. Самообман. Эликсир из пустых слов, которыми она себя утешает.

Нельзя их там создавать. Даже спиртное в виртуальности — суррогат, пусть к нему и привыкаешь. Но если мы привыкнем к виртуальным отношениям, мы сами станем суррогатом.

«Ни за что и никогда», — вновь подумалось мне.

— ВИРТУС-вход!

Глава 10

Лёгкий, приятный зуд в спине, ощущение невесомости. Кратковременный экстаз. Желание обратить этот миг в век.

Потом — комната.

«Выбрать сегмент ВИРТУСа», «Помощь», «Покинуть ВИРТУС».

Я вошёл в первую дверь.

Космос объял меня своей мощью: властность тьмы, игривость света. Радостно сияли звёзды, ярко голубел пульсар; если честно, я не знаю, каков он в реале (может, в видимом диапазоне пульсар светит иначе?), но дизайнеры ВИРТУСа выбрали зрелищность. И не прогадали.

Под звуки «Похода» я взял кусок мела, паривший рядом со мной — и вывел в пространстве слово «Адреум».

Меня толкнуло в бесконечность. Зависнув над нужной мне планетой, я стремглав понёсся вниз.

Полёт… мелькание созвездий… свет и мрак…

И выбиралка.

Выбиралка была не такой, как во «Фрее»: тот сегмент фэнтезийный, а «Адреум» — стимпанк… точнее, полустимпанк–полувестерн. Но выбиралка тут стимпанковская, без всяких «полу».

Я очутился в мастерской — ну или в каком–то месте, очень на неё похожем: гудят паровые машины (шестерёнки, валы, вентили), вьются под потолком трубы, а за окном в завесе смога плывёт дирижабль. На стенах — барометры (почему–то их много), пол щетинится рычагами. Пахнет металлом и машинным маслом.

Обойдя колёсный стол с причудливой лампой, я подошёл к дальней стене.

Тут выстроились аватары, стоящие в застеклённых нишах. Над каждым блестела табличка из меди с выбитыми характеристиками персонажа. Но читать их смысла не было: я уже знал, кто мне нужен.

Идя вдоль стены, я мимоходом отмечал броскость костюмов: металлические маски в пол–лица, кожаные жилеты, странные головные уборы с заклёпками и какими–то шлангами, двуствольные «дерринджеры», зачем–то выставленные напоказ — как будто кобуру нельзя было скрыть… Каждый третий аватар был в гогглах (в очках вроде тех, что носили когда–то пилоты и машинисты). Одну руку некоторым заменял протез со встроенным оружием.

Миновав эти памятники геймерским грёзам, я остановился у с виду безобидного аватара.

Это был шпион в щегольском светлом костюме, широкополой шляпе и остроконечных туфлях. И туфли, и костюм, и шляпу я выбирал когда–то сам, вдохновляясь Акуниным — точнее, его романом «Смерть Ахиллеса»: там Фандорин, появляясь в первой главе, одет точно так же. Правда, шёл он с тростью, но я решил, что она мне будет мешать.

В честь Фандорина (и из любви к акунинским книжкам) я своего аватара и назвал: Ф***а***ндор. А шпиона я выбрал из–за его скрытности и возможности быстро прокачать ловкость.

Ткнув в него пальцем, я стал Фандором, оставив, как и с Хьюнгом, своё лицо: функцию «сохранить лицо игрока» я включаю во всех сегментах.

Секунд десять я привыкал к новому телу — пружинистому, как у гепарда. Потом велел:

— Начать игру.

На месте ниши, где был Фандор, открылась дверь, и я шагнул в хлынувший на меня свет.

В «Адреуме» было утро — туманное, мрачное и к тому же осеннее: здешний сезон совпал с московским.

Я стоял в тёмном проулке, служащем аналогом респа — хотя в нём, как и во «Фрее», не воскресали. Впереди шумела улица, а за ней был отель: тёмно–серые балконы, колонны, эркеры. Фронтон венчала бронзовая химера, дверную арку — барельеф. С крыши скалились горгульи.

Покинув проулок, я глянул по сторонам.

Одежда неписей–прохожих словно бы сошла с экрана, где шёл фильм о девятнадцатом веке (или, возможно, о начале двадцатого): пальто и цилиндры, строгие платья, фраки, сюртуки, перчатки… Мелькали и суконные кепи рабочих, но в меньшем количестве: район считался респектабельным, а потому и работяг среди местных энписи было мало.

Зато слева над улицами густел смог: где–то там дымили фабрики. Ещё дальше, на холме, стоял Стальной замок — именно Стальной, как его тут прозвали: сквозь дым и туман проступала лишь верхняя его часть, а где–то внизу гудели машины, о назначении которых мало кто знал. Но как раз тем машинам город обязан своим названием: Стимк***а***стер («steam» — ясное дело, «пар», а «caster» — видоизменённое «castle»: «замок»). Этот замок и правда на треть стальной, хотя кровля с куполами отлиты из меди (не жёлтой, а оксидированной, с тёмным оттенком); вдоль его стен змеятся пароотводы, которые издали — а видно их издалека — можно принять за дымоходы и водостоки. Непонятно, каким чудом, но в готический антураж города это вписалось.

Ну а справа текла река. По ней плыл пароход с гребным колесом и огромной трубой, наводящей на мысль о Фрейде: он бы точно нашёл, что сказать о геймдизайнере, выбравшем эту модель парохода.

Налюбовавшись пейзажем, я вошёл в отель — в тот самый, о котором мы говорили с Кэсс: «Грин Хаус». Вот уж не знаю, кто его так назвал… Зелёная тут разве что ливрея швейцара, открывшего передо мной дверь.

Роскошный вестибюль кишел энписи: будущими постояльцами и разносящими багаж коридорными. В больших креслах у камина чинно беседовали дамы, одетые в платья Викторианской эпохи. Администратор за стойкой регистрировал клиентов.

Я встал в тянущуюся к нему очередь. Не лишним будет заказать номер: хорошо, когда можно отдохнуть и подумать, не выходя в реал. К тому же тут транспортная развязка — всё–таки это центр города… В общем, место удобное.

Но толком заселиться я не успел.

— Вы почему так долго? — возмутилась Кэсс.

Она подскочила откуда–то слева, словно решила меня напугать. Развернувшись к ней, я замер: на Кэсс был потёртый ковбойский жакет, джинсы, шнурованные сапоги и шляпа. Она сошла бы за бандитку времён Дикого Запада — сексапильную и дерзкую. Если бы Кэсс грабила дилижансы, пассажиры–мужчины охотно бы расставались с деньгами… А потом ездили бы тем же маршрутом в надежде на повторный грабёж.

— Почему так долго? — повторила Кэсс. — Вы сказали, что выйдете в реал пообедать, а сами пропали на два часа!

— Были причины… — буркнул я.

О дроне я умолчал: незачем ей это знать. А о встрече с Лоцким поленился рассказывать.

— Ладно, — бросила Кэсс, — время ещё есть… Идёмте!

— Куда?.. — не понял я.

Она стала сбивчиво объяснять:

— Я купила билеты на поезд. Во «Фрее» мне пришлось экономить, но в «Адреуме» я при деньгах: вот, поглядите, — Кэсс достала из кармана билеты с пометкой «первый класс». — Видите, раскошелилась… «Ист Райдинг Лимитед», курсирует по маршруту Стимкастер — Занбург. Отбывает в десять утра!

— Куда отбывает?.. — тупо спросил я.

Кэсс удивилась:

— Как куда?.. На станцию, ближайшую к Яме дьявола. К каньону, где лежит бинокль.

Я вздохнул.

Между тем очередь дошла до меня. Оказавшись у стойки, я снял номер. Кэсс, плотно сжав губы, буравила меня взглядом.

Расплатившись бумажными кронами — здесь в ходу эта валюта, — я дождался, пока выдадут сдачу, и шагнул к ней:

— Надо кое–что обсудить.

— Да чего тут обсуждать? Сейчас девять сорок по местному времени… А в десять отойдёт поезд!

— Без нас, — уточнил я.

Кэсс сжала губы ещё плотнее. Игнорируя это, я спросил:

— Вы хоть что–нибудь знаете о том каньоне? И об упавшем в него дирижабле?

— А по–вашему, я бы сунулась неизвестно куда? — Кэсс всё больше раздражалась. Взглянув на стену с часами, заговорила быстрее: — Грузовой дирижабль потерпел катастрофу год назад. По легенде игры, на борту был редкий прибор — видимо, опытный образец. Тот, кто им завладеет, получит перевес в любой битве.

— Пока всё верно, — кивнул я. — Только вы не сказали главного.

Кэсс насупилась, но я продолжал:

— За прибор, который был в дирижабле, бьются два клана: они ещё с прошлого года окопались у каньона и играют в войнушку. Да там гильз уже больше, чем камней!

Кэсс упрямо отвернулась. Она понимала, каков расклад, но не желала этого признавать.

Вздохнув, я покачал головой:

— Откуда, по–вашему, я узнал о бинокле? Ну упал себе дирижабль и упал… Но почему–то про бинокль на его марсовой площадке известно каждому ментору. Ну так откуда?

— Из адреумского форума, — буркнула Кэсс. — Кто–то слил инфу про корабль… в смысле, про дирижабль: скриншоты всех его помещений. На одной из тех фоток была марсовая площадка, и кто–то из форумчан в шутку назвал её логовом бога войны. Довольны?

— Не совсем. Как думаете, кто слил фотографии?

— Да откуда мне знать? Или мы идём на станцию, или я уеду без вас!

— Один из админов, — жёстко произнёс я. — Он продал фото геймерам, а те сдуру выложили их на форум. Понимаете, что это значит? Народ месяцами бьётся, пытаясь попасть в дирижабль: в ход идёт что угодно — даже подкуп администраторов! А вы хотите сесть на поезд, доехать до станции, пройтись пешком до каньона, спокойно спуститься и взять бинокль?

— Не пешком… — буркнула Кэсс.

— Что?..

— Не пешком… Я думала нанять экипаж…

Она удручённо умолкла. Мне оставалось лишь качать головой.

— Сдайте билеты, — бросил я. — Нужно всё обдумать, а потом действовать.

— Потом поздно будет, — вздохнула Кэсс.

— Почему? — удивился я.

— К Яме дьявола ломанулась толпа народу. Думаете, я взяла первый класс, чтобы аристократкой себя почувствовать? Просто билетов других не было.

— Толпа народу?.. — проронил я. — Неписей или геймеров?

— И тех и других.

Во мне взметнулась тревога — пока ещё смутная. Конечно, Яма влечёт массу авантюристов: многих тянет поживиться скрытым в дирижабле трофеем. А кланы, воюющие рядом с каньоном, нанимают всё новых бойцов.

Но чтобы те ринулись туда разом — да так рьяно, что не осталось билетов на поезд?..

Такого в «Адреуме» ещё не было.

— Пожалуй, я передумал, — мой взгляд упал на часы, куда с упрямством глядела Кэсс. — Давайте прокатимся первым классом… Если не опоздаем.

Мы не опоздали — когда пришли на перрон, там ещё было многолюдно. Звучали разрозненные голоса, в вагоны вносился багаж. Паровоз, как и положено, попыхивал паром.

— Видите? — спросила Кэсс. — Поезд вот–вот отъедет, а пассажиры всё прибывают. Прямо как мухи на мёд…

Она была права: мимо нас прошагал здоровенный детина в кожаной куртке и стимпанковских гогглах. Следом протопал какой–то чудак — судя по виду, безумный учёный: костюм аватара изобиловал трубками, шлангами, латунными вставками и даже вентилями, непонятно для чего предназначенными. А за ним шла девица в одежде разбойницы — кожаные брюки, треуголка, корсет, блузка… Причём на блузке было столько расстёгнутых пуговиц, что и места для фантазий не нашлось.

— Неужели её задница так хороша? — осведомилась Кэсс.

Я отвёл взгляд от упомянутой части тела.

— Мужики… — вздохнула Кэсс. — Ну вы хоть голову включайте, когда на кого–то пялитесь. За её обликом может скрываться жирдяй–извращенец!

— Это точно, — бросил я. — Мне уже доводилось нарваться на тестировщицу, заимствовавшую внешность подруги.

Кэсс обиженно примолкла.

Я окинул взглядом поезд (ездить на нём мне ещё не доводилось), но с ним разработчики не заморачивались: сотворили длинный ряд громоздких мрачных вагонов. Зато те, кому предстояло там ехать, моё внимание привлекли — хотя бы тем, что были вооружены… правда, преимущественно дешёвым оружием: револьверы, ножи, винтовки. Самой грозной оказалась ракетница (на вид — что–то среднее между ружьём и гранатомётом), которую нёс угрюмый молодчик.

Кэсс озвучила мою мысль:

— Из геймеров здесь одни нубы. Может, поговорим с ними?

— Лучше в поезде, — возразил я, — когда они расслабятся и не будут спешить. Хотя по–моему, мы и так всё узнаем.

В последнем я даже не сомневался: раз столько народу устремилось к каньону (а путь их явно лежал туда), значит, там затевается нечто особенное, — а что именно, поймём, доехав до станции. В крайнем случае расспросим «обитающих» там неписей.

Достигнув вагона первого класса, мы предъявили билеты проводнику — естественно, это был энписи — и прошли в купе.

А вот тут разработчики не халтурили. Чтобы это понять, хватило беглого взгляда: декоративная отделка, двойные окна, резная мебель. Рядом с креслами — пепельницы, на стене — зеркало в позолоте. На полу — мягкий ковёр.

У меня вырвался смешок: в реале я с таким шиком не ездил…

Кэсс без стеснения плюхнулась в кресло. Сняла свою ковбойскую шляпу и со скучающим видом покрутила её на пальцах.

— Предлагайте, чем занятья — а то за час с ума сойдём.

Мне мельком подумалось, что подобные фразы, адресованные в поезде мужчине–попутчику, в устах многих женщин могли стать намёком. Но Кэсс этой участи избежала.

— За п***о***лчаса, — я тоже сел. — В «Адреуме» время поездок искусственно сокращено: за десять минут можно проехать тот же путь, на который в реале ушёл бы день.

— Всё для нашего удобства, — фыркнула Кэсс. — Катайтесь на здоровье, но не так долго, чтобы сдохнуть от скуки. Не поездка, а рафинированная имитация… Как я.

К счастью, протяжный гудок машиниста избавил меня от нужды отвечать.

Поезд через какое–то время тронулся. Затянувшаяся пауза стала неловкой.

— Почему вы стали тестировщицей? — спросил я (и не только затем, чтобы что–то спросить: мне и впрямь это было любопытно).

— От родителей съехать хотела, — с готовностью ответила Кэсс. — За тестирование ВИРТУС-сегментов хорошо платят. Если не транжирить деньги, то и квартиру можно снять.

Я кивнул: с появлением ВИРТУСа зарплата тестировщиков возросла. Это раньше, сидя за монитором, народ игнорировал баги — во всяком случае, мелкие; кто–то из–за них бесился, но потом опять играл в ту же игру. А сейчас нет… Сейчас из–за багов даже в суд подают — с требованием возместить моральный ущерб. Потому что неприятно, когда у орка, которого ты лупишь мечом, вдруг исчезает голова — причём раньше, чем ты её отсечёшь… Так ведь и до инфаркта недалеко.

— Но работа мне не нравилась, — внезапно призналась Кэсс. — Мы же не всю игру тестируем, а отдельные участки… Бывает, что и по полгода, изо дня в день. А перед релизом вообще жуть — надо всё успеть проверить, чтобы продукт вышел в срок, — Кэсс невесело усмехнулась. — Люди думают, что работа тестировщика — играть в игры… Дураки.

Я кивнул. Это мнение и впрямь было расхожим.

— И к тому же перспектив нет, — добавила Кэсс. — Да и уважения — ноль: наши советы разработчики часто игнорят — их устраивает определённый уровень качества. А начнёшь возникать — контракт не продлят, — помолчав, она дополнила: — У нас в «Нулане» всех тестировщиков делили на две группы — функциональные и контентные. Первые проверяют игровую логику, а вторые — геймплей, локации, звук… Я бы пошла в функциональные, но не было вакансий. Пришлось стать контентной…

Я вновь кивнул, хотя смысл терминов «функциональные» и «контентные» был спорным: в разных компаниях одинаковые роли зовутся по–разному (контент с геймплеем вообще могут тестироваться отдельно — хотя и тут всё зависит от того, что под ними понимать… впрочем, как и под функциональностью). Но речь–то шла сейчас о «Нулане», где довелось работать Кэсс, а не обо всех фирмах на свете.

— А вообще–то я геймдизайнером хотела стать, — призналась Кэсс. — Но там конкуренция большая. Максимум, что светило мне после вуза — это должность дизайнера уровней. Может, художника… Даже в ВИРТУС-программисты сейчас не попасть, а про геймдизайнеров и говорить нечего — в них отбирают лучших из лучших, — вновь сделав паузу, Кэсс мечтательно произнесла: — Но зато геймдизайнер — это почти демиург… Режиссёр чужих грёз! Знаете, как нас заманивали в институт на эту специальность, когда я была в старших классах? Вы будете создавать миры! Вы сможете обсуждать свои идеи с

людьми, чьи имена мелькают в списках «Форбс»!

Кэсс скорчила важную мину. Я был удивлён (и её монологом, и её внезапной шутливостью): она вдруг предстала не загадочной, а понятной. Простой девушкой с иллюзиями и мечтами.

Вот только в жизнь их уже было не воплотить — потому что те мечты погребены с её телом.

От этой мысли я вздрогнул.

— Ну а вы? — спросила Кэсс. — Почему вы стали ментором?

Я неопределённо пожал плечами. Кэсс начала допытываться — больше в шутку, чем всерьёз:

— У вас же была другая работа? Где? Ну скажите — чего вам стоит!..

— В отделе по контролю за оборотом наркотиков, — сказал я.

Кэсс переменилась в лице. Я ответил на её немой вопрос:

— Меня обвинили в краже наркотического вещества из вещдоков. Дело даже дошло до суда.

У Кэсс в прямом смысле отвисла челюсть. Я спокойно добавил:

— Тот наркотик был изъят в рамках одного уголовного дела. Его послали на экспертизу. А по её окончании таблетки вернулись в отдел и пропали.

— Но ведь их взяли не вы?.. — растерянно спросила Кэсс.

Я посмотрел ей в глаза:

— А если я?

Нас накрыла тишина, нарушаемая перестуком колёс. Кэсс глядела на меня, я — на неё. За широким окном мелькали деревья.

— Это были таблетки опикраф*о*ла, — сказал я. — Смесь опиоидного анальгетика с веществом, изобретённым лет десять назад. Даже по отдельности они опасны, а уж в составе одного препарата…

— Я знаю, — проронила Кэсс — и поспешила добавить: — Не в том смысле, что я баловалась наркотой — просто многие об этом болтают. Доза в пять миллиграмм поможет забыть, что ты попал в ВИРТУС.

— Если употребить её незадолго до подключения, — уточнил я. — Когнитивные функции нарушатся, нервная система пойдёт вразнос, но восторг обеспечен: ты теперь принц, герцог, маг… даже если твой аватар — жалкий раб. После опикрафола можно ощутить себя бабочкой, находясь в теле гнома.

Кэсс ошеломлённо молчала, но затем всё–таки решилась спросить:

— Так вы их и правда взяли?.. Те таблетки?..

Я кивнул.

В глазах Кэсс был шок — услышанное противоречило мнению, которое она обо мне сложила. Вздохнув, я нехотя добавил:

— Если вам это важно, то таблетки мне нужны были не для продажи. И уж точно не затем, чтобы словить кайф.

— Тогда зачем?.. — спросила Кэсс. Спросила так, будто это и впрямь для неё имело значение.

Я медлил с ответом: слишком долго я избегал этой темы… Даже в мыслях, с самим собой. Обходил её, как провод, оборванный ветром.

Дать ответ на вопрос Кэсс — значит, наступить на провод. И удар будет сильнее, чем удар током: ведь придётся рассказать, как умер мой сын.

— Пойду прогуляюсь, — я встал с кресла. — Посмотрю, чем богат вагон–ресторан.

Озадаченная Кэсс осталась в купе, а я вышел за дверь с единственной мыслью: зачем я с ней об этом заговорил? Зачем завёл речь о том, что причиняет мне боль?

И почему — именно с ней?..

Глава 11

Остаток пути был коротким.

Сидя в вагоне–ресторане, я пил пиво (хотя пиво в виртуальности — та ещё дрянь). Кэсс ко мне не присоединилась (и слава богу), а когда я к ней вернулся, нам уже было не до бесед — поезд стал останавливаться. Как раз на это я и рассчитывал.

Избегая толпы, мы дождались, пока большинство пассажиров выйдет, а затем сошли на перрон.

Я осмотрелся, хотя глядеть было не на что: мрачная погода, мрачный пейзаж. По одну сторону рельсов чахла трава, по другую гнил ряд деревянных лачуг, выстроившихся вдоль дощатого тротуара. Даже вокзал был допотопный — приземистый, одноэтажный (но, судя по натянутым над обочиной проводам — с телеграфом). За ним к серым тучам тянулись горы.

Зато в стороне, метрах в ста от вокзала, картина менялась: там стоял городок с двухэтажными домами (правда, тоже деревянными), и в нём явно бурлила виртуальная «жизнь» — слышались собачий лай, стук молотков, чья–то ругань. По грунтовой дороге ехало что–то вроде телеги; лошадей, которые могли бы её тащить, не наблюдалось, а извозчик сидел за рулевым колесом, в окружении рычагов. Из трубы за его спиной валил пар.

— Это Шелфулд, — я вспомнил название городка. — Принадлежит клану Легионеров.

— Как и почти весь Стимкастер, — дополнила Кэсс. — По эту сторону каньона они всё прибрали к рукам.

Я кивнул — Кэсс явно не требовалось ничего объяснять.

Игроки в ММВИ разбиваются на кланы, но в «Адреуме» это достигло жутких масштабов: у здешних кланов есть целые города и свои армии неписей, которых можно нанять в рекруты. Естественно, они враждуют (а иначе зачем бы было играть?); до войн дело не доходит, зато мелкие конфликты — не редкость. Правда, в этом районе стычек не было — тут царили тишь да гладь… а если уж честно, скукотища. Уверен, это и стало причиной падения дирижабля: админы всего лишь «оживили» игру. И в итоге клан «Fullmetal legion» («Цельнометаллический легион», или просто Легионеры), хозяйничающий к северу от каньона, схлестнулся с южным кланом «Steel Wolves» («Стальные волки», или просто Волки): и тем и другим нужен прибор, оставшийся на борту рухнувшего гиганта. По обе стороны каньона понаставили картечницы и малокалиберные пушки… говорят, задействовали даже танки, но когда под обстрелом часть

ущелья обвалилась (по счастливой случайности, не засыпав дирижабль), от их использования отказались. С тех пор бронетехника стоит без дела, а бои из ожесточённых перешли в вялотекущие, сведясь к ленивому обмену выстрелами: теперь это была игра в «кто кого пересидит». И ни одна из сторон пока не добилась успеха.

Кэсс кивнула вслед уходящим со станции пассажирам:

— Они идут в город. Странно… Разве им там хватит места? Городок–то небольшой…

— Был небольшой, — уточнил я. — Слышите стук молотков?

Прислушавшись, Кэсс вновь кивнула.

А тем временем телега, обходящаяся без лошади, свернула налево — и я увидел лежащие в ней брёвна. В конце улицы возникла вторая телега. У меня не было сомнений, что будет и третья.

— Город в срочном порядке достраивают, — сказал я. — Легионеры поселяют тут больше неписей.

— Впервые такое вижу… — призналась Кэсс.

— Я тоже.

Кэсс тревожно на меня глянула, но ничего не сказала.

Мой взор упал на смотровую вышку, стоящую между нами и Шелфулдом:

— Надо бы взглянуть на каньон.

— Оттуда?.. — удивилась Кэсс. — А если там кто–то есть?

— Наверняка, — бросил я. — Но он вряд ли будет против, если мы поднимемся.

— Разве?.. А вдруг мы из клана Волков?

Я с усмешкой посмотрел на идущую в город толпу:

— По–моему, это уже не важно.

Уточнять я ничего не стал: скоро Кэсс сама всё поймёт. Хотя мне показалось, она уже пришла к тем же выводам, что и я.

Дойдя до вышки, мы стали взбираться по лестнице: я лез первым, Кэсс — за мной. Мой Фандор был в отличной форме, но в мыслях я всё равно возмущался: стимпанк это или нет?! — хоть бы паровой лифт поставили…

Подъём наградил меня парой заноз. Взбираясь, я ждал окрика часового, но тот будто уснул. А наверху стало ясно, что он и впрямь спит: часовой дрых у стены, а рядом валялась фляга — открытая и пустая.

Я подал руку Кэсс. Перебравшись на вышку, она поморщилась:

— Что за радость — входить в виртуальность, чтобы напиться?

— Зато похмелье не наступит… — заметил я.

— Оно и так не наступит, если не пить.

Беспечность часового подтвердила догадку, возникшую у меня внизу — но чтобы убедиться в ней окончательно, мне надо было увидеть каньон.

— Инвентарь, — тихо скомандовал я.

Передо мной возникли слоты. Лишь теперь я осознал, что до сих пор их не проверил, хотя почти час как вошёл в ВИРТУС. А между тем моему Фандору было, чем похвастать — в своих давних блужданиях по «Адреуму» я много чего накопил: револьверы, кинжал, яды, дымовые и осколочные гранаты, дротики, арбалет с разрывными и зажигательными болтами, мины нажимного действия… С таким арсеналом я мог сравнять Шелфулд с землёй.

Но сейчас мне понадобилось не оружие, а безобидная зрительная труба.

Взяв её из ячейки, я выдвинул латунные секции; в реале они весили бы пару кило, а здесь — всего грамм семьсот. Зато резкость в угоду реалистичности пришлось подкрутить.

Первым, что я увидел, взглянув в окуляр, был дым — но не от пожаров, а от котлов полевых кухонь. И это само по себе было странно: какие полевые кухни прямо на линии огня?.. Направив объектив вниз, я разглядел дымящие трубы и сами котлы, стоящие на повозках. Судя по наличию сцепных устройств, повозки служили прицепами грузовозам, заменявшим тут конные экипажи. Ещё дальше, за рядами армейских палаток (опять странность: кто ставит палатки на поле боя?!) темнел зев каньона; его дна мне видно не было — лишь верх противоположной (то есть южной) стены, щетинившейся ребристыми выступами.

А по обе его стороны откровенно бездельничали солдаты–неписи, отличавшиеся от геймеров наличием синей формы: никто не чистил оружие, не отдавал приказы и уж тем более не стрелял. Стальные «тарантулы», разновидность местных танков, миролюбиво застыли, точно гигантские насекомые; почти у всех на спине был открыт люк, куда полагалось влезать пилоту — вот только влезать туда никто не спешил.

Но главное — стволы картечниц были направлены вниз… не на врага, а на каньон! Их и с южной, и с северной стороны подвезли к самому краю, не опасаясь огня противника. Словно бывшие недруги вдруг помирились и на радостях решили выпустить боезапас в ни в чём не повинную долину.

— Ну что там? — нетерпеливо спросила Кэсс.

Я молча передал ей трубу и, пока она всматривалась в окуляр, пнул часового.

Тот заворочался и застонал.

— К-кова дьявола?.. Зайчонок, ну я же проси… — осёкшись, часовой привстал и спросонья завертел головой. — Эй, вы кто ещё такие? Не имеете права находиться на вышке — я тут вахту несу…

— Неси, кто тебе мешает, — я достал из кармана купюру в сто крон. — Денег хочешь?

Что ему нужны деньги, было ясно без слов: он явно нуб, а все нубы нуждаются в заработке — ведь у них даже оружия нормального нет. А тот, кто в игре уже что–то скопил, не торчал бы на вышке, строя из себя солдафона.

Взор часового слегка прояснился. Он дрожащей рукой потянулся к купюре, но я её отдёрнул:

— Почему бои прекратились?

— Бои?.. — бедняга заспанно моргнул. — А–а–а… Ну так это… Объявление ж было…

— Какое объявление?

Часовой неуклюже привалился к перилам:

— Ну как какое?.. Свернуть боевые действия… В срочном порядке…

Глуповато ухмыльнувшись, он вновь попробовал взять купюру. Я опять её отдёрнул:

— Кто дал объявление?

— Глава клана — кто ж ещё?.. Он вроде бы с кем–то договорился… И этот, который главный у Волков, тоже договорился.

В разговор встряла Кэсс:

— С кем они договорились? И о чём?

— Откуда я знаю, с кем? А о чём… ну так ведь ясно — об окончании войнушки. Им отвалили за это бабки, — глаза часового маслянисто блеснули. — Отвалили в реале, а не в игре!

Мы с Кэсс обменялись хмурыми взглядами.

— Ну а после была объява, — продолжал часовой, — мол, кто выстрелит в противника, заплатит штраф… И ещё приказали город достраивать, будто мы в строительном симуляторе! — икнув, он вдруг разоткровенничался: — Тут ведь всего один отель, а неписей с каждым днём всё больше — их теперь сотнями нанимают, чтобы Яму стеречь.

— Яму дьявола? — уточнил я.

— Ага. Нам сказали её охранять… Двадцать четыре часа в сутки, посменно. А если кто спустится к дирижаблю — изрешетить.

Я мысленно выругался: недавний мой вывод был верным.

Кто–то заплатил Волкам и Легионерам, чтобы те помирились.

И не просто помирились, а совместно охраняли каньон. Точнее — упавший туда бинокль… Хотя им и невдомёк, что именно они охраняют.

Вручив купюру часовому, я посмотрел на Кэсс и сказал:

— Взломщик.

Спустившись с вышки, мы вошли в приват–зону.

— Подумать только!.. — с пылом бросила Кэсс. — Достраивать город, чтобы неписей поселить!.. Думаете, это он? — она взглянула на меня. — Тот же тип, что взломал Цолфи?

— Наверняка, — бормотнул я. — По своей инициативе кланы на это бы не пошли… Да у них и денег бы не хватило.

Естественно, я имел в виду кроны «Адреума», а не настоящие деньги, но сути это не меняло: не стали бы Легионеры раскошеливаться на застройку Шелфулда, если бы кто–то не компенсировал им затраты.

Кэсс осталась стоять у кресла, я подошёл к окну. Вид на Прагу — пусть и фальшивую — успокаивал нервы.

Кэсс за моей спиной призналась:

— Не понимаю… Если Взломщик так усердствует из–за бинокля, то почему не возьмёт его сам? Ему это наверняка раз плюнуть — с его–то возможностями!..Спрятал бы бинокль подальше — и дело с концом…

Я не ответил, хотя тоже задался этим вопросом… а с ним и парой других. Например, стройка в Шелфулде началась раньше, чем меня нанял Рябов — а значит, бинокль охраняют не от меня. Так от кого же — от всех подряд?

Или вот ещё: во «Фрее» Взломщик так не старался, хотя явно не хотел, чтобы мы выкрали яблоко. Почему? Сглупил, понадеявшись на энписи? Впрочем, очень может быть: толпа магов, защитный купол, грифоны… Взломщик, видимо, решил, что их для охраны яблока будет достаточно. А когда понял, что ошибся, было уже поздно.

Успокаивая мысли, я стал глядеть на Тынский храм: башни с пинаклями тянулись вверх, на готических шпилях золотились шары.

Глядя на них, я проронил:

— По крайней мере, мы теперь знаем, что он богат.

— Взломщик?.. — уточнила Кэсс.

Я кивнул:

— И не просто богат, а ***о***чень богат. Как в ВИРТУСе, так и в реале.

— Ну ещё бы!.. — Кэсс всё–таки села в кресло. — Если он и правда заплатил кланам…

— Дело даже не в этом, — прервал её я. — В «Адреуме» Взломщик нанял толпу народу и достраивает город, так? Значит, там его состояние исчисляется миллиардами. А чтобы заработать их в виртуальности, нужны не только мозги, но и уйма свободного времени.

Кэсс поняла, куда я клоню:

— Одно с другим сочетается редко… и обычно у толстосумов, — она вдруг воодушевилась: — А много в «Адреуме» миллиардеров?

— Штук двадцать, — мрачно изрёк я. — Даже если мы смогли бы под них копать, на это ушли бы месяцы.

Кэсс удручённо вздохнула.

Я снова посмотрел в окно. Староместская площадь была запружена энписи — туристами и горожанами: кто–то делал селфи, кто–то снимал храм, кто–то просто шёл. Многие женщины катили коляски.

Тут мой взгляд уловил странность, но я не понял, какую: подсознание «увидело» её раньше глаз. Будто мне показали картинку–загадку, где что–то было не так. Но что именно, сразу и не поймёшь.

Я пригляделся к гуляющим неписям.

Девушка–гид объясняла что–то туристам; старик вёл за руку внука; подростки толпились у памятника Яну Гусу; бородатый мужик прижимал к уху смартфон…

Я вновь глянул на подростков — в этот раз повнимательней.

И остолбенел.

Они были одинаковыми: куртки, джинсы и ранцы ничем друг от друга не отличались. Лиц я различить не мог, но готов был спорить, что и лицо у них одно. А ведь их было семеро…

— Кэсс… — очень тихо сказал я.

Она что–то почувствовала в моём тоне:

— В чём дело?..

— Я случаем не говорил, что моя приват–зона отлично защищена?

— Говорили… кажется.

— Так вот, её только что взломали.

Секунду спустя прозвучал звонок в дверь… в дверь, где не было звонка. В неё в принципе нельзя было позвонить!..

Я медленно развернулся.

Звонок повторился — знакомая трель, явно из песни… Поняв, из какой, я тихо напел:

Если взорвётся чёрное солнце…

За дверью настоятельно попросили:

— Открой, ментор. Я лишь хочу поговорить. Пока — просто поговорить.

Голос я узнал сразу — да и как его было не узнать? Ведь я слышал его в полдень у Цолфи в когтях.

Кэсс встала с кресла — она всё поняла по моему лицу.

— Не открывайте…

— Тогда он войдёт сам, — почему–то на сей счёт у меня не было сомнений. — Он сможет, если захочет.

Я направился к двери. Кэсс мигом сменила внешность: превратилась в бедуина в белых одеждах. Уж не знаю — из предосторожности или со страху…

Конечно, я мог выйти в реал. Кэсс тоже могла покинуть сегмент, уйдя в ту же «Фрею» или куда–то ещё. Мы вовсе не были в ловушке.

Но какой смысл бегать от того, кто взломал приват–зону с почти идеальной защитой? И потом, мне хотелось узнать, зачем он пожаловал.

Так что я открыл дверь — и рискнул пошутить:

— Милости просим, дорогой гость.

— Благодарю, — ответил Взломщик.

Аватаром Взломщика был человек–ящер.

Разглядев его, я чуть не отпрянул: тело покрыто чешуёй, лицо гротескное, с человеческими чертами — но похожее на морду ящерицы (только не продолговатую, а плоскую). Вместо носа — одни ноздри, вместо ушей — отверстия слухового прохода. А вол***о***с нет совсем… даже бровей.

Но зато взгляд у монстра был умный, внимательный. Да и одет он был стильно: жилет орехового цвета (с бахромой, как у ковбоев), джинсы, рубашка. К джинсам крепилась цепочка часов, теряющихся в часовом кармане.

Не спеша входить, Взломщик сказал:

— Хорошо, что ты впустил меня добровольно… Самый мудрый твой поступок со вчерашнего дня.

— Правда? — удивился я.

— Конечно, ментор, — Взломщик почесал складку на чешуйчатой шее. — Мы бы встретились, даже если бы ты не открыл дверь. Но я бы уже не был так вежлив.

Его тон мне не понравился — и я расставил точки над «i»:

— Не ментор, а Клим. Для тебя — Клим Валерьевич.

Глаза Взломщика сузились. Мне этого хватило, чтобы понять: он привык быть боссом. С ним редко говорят на равных.

Я слегка посторонился, и Взломщик вошёл. За его спиной был

мрак: он не хотел, чтобы я видел, откуда он входит в мою приват–зону.

Едва он пересёк порог, как дверь сама собой закрылась — Взломщику даже касаться её не пришлось.

— Недурно, — оценил я. — А ещё фокусы будут?

— Лучше молись, чтобы их не было, — Взломщик бегло осмотрелся и остановил взгляд на Кэсс: — Внешность могла бы и не менять: я знаю, кто ты. Твой Белый Странник меня не обманет.

Секунду подумав, Кэсс вновь стала собой.

Вместо того, чтобы сесть в кресло, Взломщик сел на свой стул: тот возник словно по волшебству. Меня это удручило: в моей приват–зоне он творил, что хотел…

Я мрачно озвучил свою догадку:

— Боишься, что в креслах шпионские вирусы? Вроде тех, которыми ты заразил меня?

— Те вирусы — мелочь, — поморщился Взломщик. — Далеко не лучшее, что я создал. Бояться их нужно тебе, а не мне.

Мы с Кэсс тоже сели: я — за стол перед Взломщиком, она — в то же кресло, где сидела вчера. Только пришлось его развернуть, чтобы видеть гостя.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

— Заключить сделку, — Взломщик теперь говорил лишь со мной, будто Кэсс тут и не было. — Ты не вернёшься в «Адреум» и забудешь про бинокль… про куклу, разумеется, тоже. А я заплачу вдвое больше, чем предложил Рябов.

Наступила тишина. От меня не укрылось, как напряглась Кэсс: она явно боялась, что я соглашусь.

Но я вместо этого спросил:

— С чего ты взял, что я был в «Адреуме»?

На чешуйчатой физиономии возникла болезненная гримаса.

— Перестань, ментор… Последний, кто пробовал водить меня за нос, чуть его не лишился.

Мне стало смешно: очень уж «по–голливудски» он это сказал. Захотелось ответить как–нибудь едко, но я сдержался: полезнее будет пораскинуть мозгами.

Под взглядом Взломщика я думал.

Слишком быстро он узнал, что я был в «Адреуме»… Либо вновь за мной следил (и тогда помощь Затворника гроша ломаного не стоит), либо — что более вероятно — я зря регистрировался в отеле, где в журнал вписал имя своего аватара. Раз уж Взломщику по силам нанять кучу народу для охраны каньона, то почему бы ему не иметь осведомителей в каждом отеле ВИРТУСа? Ну или хотя бы в тех, где персонал состоит не только из энписи, но и из людей… А в «Грин Хаусе» они есть.

Видимо, мои раздумья Взломщику надоели:

— Ну так как насчёт сделки? — подстегнул он меня.

— Подумаю, — пообещал я. — Посоветуюсь с другом, позвоню адвокату, загляну в гороскоп… Заходи через недельку примерно в это же время.

Губы Взломщика сомкнулись в линию. Через пару мгновений он процедил:

— Не понимаю… Ты ведь взялся за задание Рябова из–за денег, а я предлагаю куда больше. И не за работу, а за бездействие.

— Заманчиво, — признал я. — Может, я бы и согласился, если бы вежливо попросили. И если бы в мой череп не запустили дроном.

Кэсс удивлённо на меня покосилась — ведь про дрон она не знала.

— Пл*а*стиковым дроном, — заметил Взломщик. — Неужели не понял, что я не собирался тебя убивать? Но если откажешься от моего предложения…

— …то следующий дрон будет стальным? Или меня собьёт машина?

Кэсс будто окаменела. Наверное, не очень–то весело — вспоминать о своих последних секундах… К счастью, об этом я мог лишь гадать.

Взломщик мой намёк понял:

— Это сделал не я. Гибель девушки не на моей совести.

Мне показалось, он занервничал. Даже заёрзал, будто от неудобства.

Я искренне полюбопытствовал:

— Зачем ты охраняешь бинокль и куклу? — про яблоко я умолчал — ведь оно уже было у Кэсс. — Что в них особенного?

— Тебе лучше не знать, — с надменностью бросил Взломщик. — Твой бизнес — это игровые подсказки, удачные стратегии и прокачка персонажей. В серьёзные дела не лезь, ментор.

— И насколько же они серьёзные? — уточнил я. — Что будет, если яблоко, бинокль и куклу собрать вместе?

На лице Взломщика (если это можно было назвать лицом) выступили желваки. И на стуле он вроде бы вновь заёрзал. Да что у него, нервный тик, что ли?..

И тут меня осенило — да так, что я замер: догадка была слишком уж дерзкой.

Я пригляделся к рукам Взломщика: они подёргивались, будто в спазмах. А желваки выделялись, слово он стиснул зубы.

Так… а вот это уже интересно.

Чтобы проверить мою догадку, следовало тянуть время — и я

стал размышлять вслух:

— Яблоко, бинокль и кукла… Сами по себе они ничего не значат, верно? — я сверлил Взломщика взглядом, отмечая растущее в нём напряжение. — Это всё части какой–то программы, и она активируется, если вложить их в один инвентарь. Но эти предметы из разных сегментов, — я выдержал паузу (а у Взломщика дёрнулась нога). — Хотя… если взять универсального аватара, функционирующего в каждом сегменте ВИРТУСа, то его инвентарь может послужить хранилищем для…

— Хватит, ментор! — Взломщик резко поднялся. В его глазах была боль.

— Вот оно что… — проронил я.

Кэсс удивлённо смотрела на Взломщика — она пока не поняла. Потому что видела его в профиль, а не в фас.

— Раскусил меня, да? — Взломщик часто дышал, уже не считая нужным сдерживаться. — Чёрт бы тебя побрал… Ведь я ж тебе деньги предложил… столько, что на всю жизнь хватит! Просто не лезь в это… Оставь бинокль с куклой там, где они лежат!

Тут Кэсс впервые встряла в беседу:

— А может, просто объясните, что происходит? Или вам привычнее угрожать?

Взломщик не отвечал, но Кэсс упрямо продолжала:

— Это из–за вас я попала под текстуры? Вы скопировали моё сознание?

— Не я, — отмахнулся Взломщик. — А под текстуры попала не ты, а Кэсс Рябова. Ты — всего лишь жалкая копия. В тебе не больше человеческого, чем в программном приложении к термостату.

Кэсс дёрнулась, будто ей влепили пощёчину.

Я посмотрел на Взломщика:

— Пошёл вон.

— Не делай этого, ментор, — он встретился со мной взглядом. — Не пытайся заполучить те предметы! Выбрось их из головы, пока не поздно. Поверь, так будет лучше для все…

Он умолк на полуслове — и пропал.

Кэсс сидела неподвижно, явно борясь со слезами.

— Не нужно его слушать, — мягко произнёс я. — Он просто немощный дурак.

Угнетённо глядя в пол, Кэсс помотала головой. Затем вдруг подняла глаза:

— Немощный?..

— Именно, — подтвердил я. — Потому и отвлекал нас: сотворил стул, закрыл дверь, ни разу её не коснувшись… Корчил

из себя крутого, чтобы я согласился на сделку. А долгой беседы он себе позволить не мог.

— Почему? — спросила Кэсс.

— Потому что он болен, — сказал я. — И может находиться в ВИРТУСе не дольше нескольких минут.

Глава 12

В парке было оживлённо: резвились дети, целовались влюблённые, чинно беседовали старушки. Приверженцы ЗОЖа совершали пробежку, нарезая по аллеям круги. С озера, где плыли лодки, долетал смех.

Но всё это были неписи, создававшие атмосферу, а сам парк был неигровым сегментом: тут не стреляли в компьютерных монстров, а всего–навсего отдыхали.

— Зачем мы здесь? — спросила Кэсс.

— Чтобы спокойно всё обдумать, — сказал я.

Это было чистой правдой: ситуация требовала мозгового штурма, но моя приват–зона перестала быть приватной — там нельзя было ничего обсуждать. Так что мы прямо оттуда вышли в ВИРТУС-меню. Перед стандартными дверями — «Выбрать сегмент ВИРТУСа», «Помощь» и «Покинуть ВИРТУС» — была ещё одна: «Вернуться в «Приват–зону»» (а для Кэсс дверей было три: опции «Покинуть ВИРТУС» для неё не существовало). Зависнув в космосе, мы стали думать, куда отправиться, и я с какого–то перепугу назвал парк… Хотя будь я один, выбрал бы бар.

Очутились мы на лужайке, в окружении живой изгороди. Я сел на скамью, Кэсс осталась стоять. Видимо, была на нервах.

Осмотревшись, она с тревогой спросила:

— Как считаете, он всё ещё за нами следит?

Мне не требовалось уточнять, о ком речь.

— Нет, — сразу ответил я.

— Вы так в этом уверены? Он ведь знал про «Адреум»… И даже вашу приват–зону взломал.

— В «Адреуме» я заселился в отель, — объяснил я, злясь на собственную глупость. — А для Взломщика логично иметь там своего человека.

— С чего вдруг? — усомнилась Кэсс.

— Из–за бинокля, — пояснил я. — «Адреум» для Взломщика — важный сегмент. Думаю, у него там есть связи не только в отеле.

— А приват–зона?.. — напомнила Кэсс. — Вы же не знаете, как Взломщик туда проник.

— Не знаю, — честно признал я. — Но уверен, что взломал он её ещё до того, как Затворник избавил меня от вирусов.

В глазах Кэсс было сомнение — она явно боялась, что Взломщик опять объявится. Вздохнув, я твёрдо сказал:

— Поверьте, он не всесилен: просто хочет таким казаться. Будь это не так, он не пытался бы заключить со мной сделку.

Кэсс немного успокоилась и, смахнув чёлку, отвернулась.

Мы на время умолкли. Вдалеке смеялись неписи, наполняя псевдожизнью свой виртуальный эдем. Под робким ветром зашуршал воздушный змей, прицепившийся к вязу.

А потом Кэсс вдруг спросила:

— Во мне и правда нет ничего человеческого?

Из–за резкой смены темы я не сразу вник в смысл вопроса.

— Что?.. Нет… Конечно, неправда… Это полная чушь.

Если честно, я сомневался в своих словах — но почему–то хотел в них верить. А ещё вновь увидеть, как она смахнёт чёлку.

— Я ведь виртуальный клон, — тихо сказала Кэсс. — Может быть, даже хуже…Может, я всего лишь программа, как говорил Взломщик?

— Он много чего говорил, — бросил я. — Ему бы меньше болтать и сходить к врачу.

Кэсс улыбнулась, и я на неё засмотрелся… Не собирался, но пришлось. Что улыбка, что грусть её облагораживали. Будь здесь профессиональный фотограф, он душу продал бы за возможность заключить с ней контракт.

Тут я себя одёрнул: о чём я думаю?! Передо мной — виртуальная девушка, неспособная выйти в реал. А её «прототип» погиб ещё летом. Да мне бы от страха дрожать, а не либидо своё тешить!

«Ни за что и никогда», — напомнил внутренний голос.

Правда, к нему примешался другой: если бы я и впрямь считал Кэсс виртуальной, сказал бы я Взломщику «пошёл вон», когда тот её обидел?..

Приободрившись, Кэсс деловито осведомилась:

— Так о чём вы хотели подумать? Вы же вроде собирались устроить мозговой штурм.

— Собирался, — подтвердил я. — Накопилось слишком много вопросов. Надо бы их обмозговать.

— Обмозговать?.. — с иронией повторила Кэсс.

Я неловко пожал плечами. И чем ей не угодило это слово?

— О’кей, давайте обмозговывать, — Кэсс внезапно повеселела. — Хотите, озвучу первый вопрос?

— Давайте, — согласился я.

— Если Взломщик действительно болен и ему тяжело находиться в ВИРТУСе, то почему он пришёл к нам сам? — Кэсс задумчиво провела пальцем по листьям самшита. — К охране каньона он привлёк сотни людей — и не мог нанять кого–то, кто вошёл бы за него в виртуальность?

— Выходит, не мог, — подтвердил я.

— Почему?..

Поразмыслив, я выдвинул свою версию:

— Допустим, что яблоко, бинокль и кукла — это и в самом деле части какой–то программы. Но кроме Взломщика никто об этом не знает. А что было бы, если бы вдруг узнали?

— Гонка за пасхальными яйцами, — сразу сказала Кэсс.

— Вот именно, — кивнул я. — За тем же биноклем никто не охотится, пока это просто бинокль… Ну лежит он на дне каньона — так и пусть себе лежит. А если кому–то станет известно, что это не бинокль, а нечто большее? Или что кукла — не просто кукла?

Кэсс понимающе кивнула:

— То есть Взломщик не хочет привлекать к ним внимание? И никого не посвящает в свою тайну?

— Похоже на то, — сказал я. — Поэтому он и не нанял переговорщиков: любые беседы об этих предметах он предпочёл вести лично.

— Допустим, — согласилась Кэсс. — Но остаётся вопрос, почему он их не спрячет: ведь мог бы и в сейфе запереть… Даже в разных сейфах. И в разных сегментах.

— Не знаю, — честно сказал я. — Чего не знаю, того не знаю.

Мимо нас пробежал энписи в шортах и майке. Проводив его взглядом, Кэсс задумчиво произнесла:

— А вам не показалось, что Взломщик руководствуется благими мотивами? По крайней мере, он так считает.

— Угу, — буркнул я. — Как диктаторы и террористы.

— Нет, тут другое, — Кэсс мотнула головой. — Он ведёт себя так, словно хочет чему–то помешать: не дать использовать то, что считает вредным.

— Вредным?.. — переспросил я.

— Ну бывают же всякие вредные изобретения, — Кэсс пожала плечами. — Маргарин… Атомная бомба…

Я чуть не прыснул от такого сравнения. Заметив это, Кэсс покраснела:

— Зря усмехаетесь — маргарин называли тихим убийцей. Трансжиры, между прочим, убили миллионы людей!

Я не стал спорить, хотя всё относительно: коварный маргарин давно стал обезжиренным, а ядро урана человечество поделило не только ради бомб — есть ещё атомные электростанции. Всё, что мы создаём, можно использовать двояко — во благо или во вред.

Но с другой стороны — многие видят лишь одну сторону… Быть может, Взломщик в их числе?..

— Кстати, — внезапно спросила Кэсс, — а почему вы отказались от сделки? Ведь он предложил вам больше, чем мой

отец.

— В два раза, — уточнил я. — Но ваш отец мне понравился, а Взломщик — нет. Лицом не вышел.

Кэсс засмеялась. Её смех очаровывал. Он был звонкий и живой.

Какой он к чёрту виртуальный? Он реальней, чем плесень в моей затхлой квартире.

Но потом я заставил себя думать о работе:

— Что мы имеем? — стал я размышлять вслух, раскладывая по полкам элементы головоломки (а назвать как–то иначе всё то, чем обернулось задание Рябова, я бы не смог). — Вы тестируете «Китеж», проваливаетесь под текстуры и там встречаете мальчика — либо энписи, либо геймера. Он произносит слова, которые вы позже записываете на стикере. Потом вас сбивает машина… — тут я осёкся, но Кэсс продолжила за меня:

— И я погибаю. А в ВИРТУСе появляюсь другая я.

— С доступом к вашим аватарам…

— И к чужим инвентарям, — напомнила Кэсс. — А ещё к каждой из подключённых к ВИРТУСу камер. Это ведь важно?

Я кивнул: ещё как важно. Но что это может означать?..

Решив пока не ломать над этим голову (всё равно нет дельных версий), я продолжал:

— А сегодня появляется Взломщик и пытается не подпустить нас к яблоку.

— Не только Взломщик, — вставила Кэсс. — За вами ведь следили двое. Так сказал ваш приятель…

— Затворник, — бормотнул я. — Да, двое: виртуоз и дилетант.

Мои мысли стали путаться. Ну и как это всё связать воедино?!

Ответ был очевидным: никак. С той информацией, которой мы обладали, связать это не смог бы и Шерлок Холмс.

Значит, остаётся лишь делать свою работу: найти способ попасть в Яму дьявола, а после отправляться в «Дворг». Если яблоко, кукла и бинокль (три чёртовых слова, уже набившие мне оскомину) — и правда элементы какой–то программы, то я просто не стану её запускать… во всяком случае, пока не пойму, чт***о*** она собой представляет. Но зато, заполучив их, я, возможно, смогу что–то узнать… Может быть, даже выясню, что именно случилось с Кэсс и кого за это благодарить.

Взглянув на неё, я сказал:

— Нужно достать альпинистское снаряжение. У меня–то оно есть, а вот у вас…

— Тоже есть, — Кэсс мгновенно поняла, куда я клоню. — Я

же давно собиралась спуститься в Яму. Поначалу даже думала, что отправлюсь туда одна.

— И запаслись экипировкой?

Кэсс кивнула.

— Трос?.. — уточнил я. — Обвязка?.. Страховочное устройство?..

Кэсс при каждом вопросе кивала:

— Я открою свой адреумский инвентарь и дам вам визуальный доступ. Между прочим, у меня третий разряд по скалолазанию: я им раньше занималась. И не в ВИРТУСе, а в реале.

— Отлично, — я встал со скамьи. — В таком случае пора браться за дело.

— Думаете, у нас получится?.. — усомнилась Кэсс. — Вы же видели каньон… Там и мышь не проскочит.

— Мышь и правда не проскочит, — подтвердил я. — А невидимка — запросто.

Дом стоял в конце улицы, за низким белым забором. Здесь все дома были похожи — двухэтажные, приземистые, с лужайкой и гаражом. Любители старых фильмов легко узнали бы антураж: американская глубинка начала века.

— Туристический сегмент?.. — удивилась Кэсс.

— Не совсем, — сказал я.

Мы сюда прибыли полминуты назад. Сначала я прямо из ВИРТУС-меню сделал звонок; вообще–то я боялся, что мне не ответят, поскольку тот, с кем я желал встретиться, имел основания меня опасаться. Да чего там опасаться — я бы не удивился, если бы он слёг с инфарктом, услышав мой голос.

Но он обречённо согласился на встречу и даже сказал, где «живёт» в виртуальности: очень многие, подобно Затворнику, торчат тут сутками, променяв свои квартиры на созданные геймдизайнерами дома.

Я осмотрелся, про себя отмечая, что подобной картины увидеть не ждал: с учётом вкусов Егорыча ему подошёл бы замок… причём тот, где жил небезызвестный маркиз де Сад.

— Двадцать два ноль ноль… — прочёл я, отыскав взглядом номер. Всё никак не пойму, по какому принципу нумеруются дома в США. Вроде это система координат («север–юг», «запад–восток»), но подробно вникать лень, да и необходимости нет.

— Он что — скупил себе всю улицу?! — Кэсс поразилась своей догадке. — Но зачем?..

— Он любит уединённость, — мрачно ответил я. — С учётом того, что он творит в своём доме, это естественно.

Мы открыли калитку, прошли за ворота. На лужайке перед домом была детская площадка с качелями и турником. На обшарпанной скамейке лежала кукла.

При виде этой куклы я сжал кулаки. Слава богу, тут не было её хозяйки — хотя она точно ошивалась поблизости. Как и с десяток её сверстниц.

«Они неписи, — мысленно сказал я себе. — Просто неписи — и не такие, как Цолфи с Ферзюбрем, а примитивные… Успокойся».

Чтобы не смотреть на куклу, я повернулся к Кэсс:

— Вам лучше остаться здесь.

— Ладно… — она заняла качели. — Притворюсь покорной напарницей Джеймса Бонда. Буду вас ждать без «почему» и «зачем».

Я вздохнул.

— Он нас не впустит, если мы постучимся вдвоём. Поверьте, ему есть, что скрывать.

— Тогда почему он назвал это место? Назначал бы встречу там, где скрывать нечего.

— Потому что его секрет мне уже известен, — хмуро пояснил я. — И он полагает, что винить его не за что, поскольку он ничего плохого не сделал. Если честно, я не знаю, насколько он прав.

Оставив озадаченную Кэсс на качелях, я пошёл к двери.

Стучать не пришлось — замок щёлкнул, едва я взошёл на крыльцо. Дверь со скрипом приоткрылась, в проёме возникло конопатое личико.

— Дядя Петя вас ждёт, — звонко сообщила девочка, глядя на меня снизу вверх. — Он просил передать, чтобы вы вошли один. Если зайдёте вдвоём, он исчезнет.

Я заставил себя кивнуть, понимая, что под «исчезнет» имелся в виду выход в реал. На обладательницу голоса я старался не смотреть.

Она отступила, я шагнул за порог. Дядя Петя, значит…

В холле царил полумрак: окна зашторены, свет выключен. Хозяин дома создал нужную атмосферу: хотел ощутить себя в реале, где ему пришлось бы таиться и избегать взглядов соседей. Это повышало реалистичность происходящего — возможно, девочки в его глазах становились более живыми.

Не выдержав, я спросил:

— Сколько на мыле болотных шипов?

Вопрос был идеален для выявления энписи: в тех сегментах, где они не обозначены (а неписей не везде помечают зелёной точкой, как во «Фрее»), легко запутаться. Но абсурдная фраза это исправит.

— Простите, но ваш вопрос некорректен, — бесстрастно сообщила девочка. — На мыле шипов нет. Кроме того, слова «болотный» и «мыло» практически несочетаемы: мыло — это средство гигиены, предназначенное…

— Умолкни, — буркнул я.

Хоть я и знал, что ребёнок «невзаправдашний», мне всё–таки полегчало.

Под уходящей наверх лестницей скрипнули половицы — где–то там был коридор.

— Она неживая, — произнесли глухим басом. — Всего лишь непись… Из простых, семилетней давности.

— Знаю, — прошептал я. — Но грохнуть тебя всё равно хочется.

— Однажды ты уже это сделал, — под лестницей щёлкнул затвор. — Попробуешь повторить?

— Нет… Я не за этим пришёл.

Возникла пауза, потом из коридора сказали:

— Пойдём в гостиную.

Я не знал, где гостиная, но пошёл наугад — сквозь пыльный сумрак, на скрип половиц.

Как и ожидалось, коридор тоже был полутёмным. В нём никого не оказалось, поскольку Егорыч уже ждал в комнате. А когда я туда вошёл, он на меня наставил ружьё.

— Дробовик, — сказал Егорыч. — Оба ствола заряжены.

— Не сомневаюсь, — сказал я.

Какое–то время мы стояли. Потом Егорыч кивнул на кресло перед журнальным столиком, где были бутылка (почти пустая), стакан и блюдце с салатом — точнее, с его остатками.

Садясь в кресло, я поморщился. Пресытившись виртуальной экзотикой, мы стали беситься с жиру — и дошли до того, что воссоздаём в ней бытовуху… Вот уж не думал, что один из админов «Адреума», потратившийся на «Бентли» и мини–яхту, заскучает по грязным блюдцам.

С Егорычем я познакомился два года назад. Он тогда играл в шутер (названия уже не помню, но что–то про зомби–апокалипсис). В предпоследней локации Егорыч набрёл на засаду и после трёх тщетных попыток её пройти вызвал меня. С засадой я ему помог, но за следующим домом мы нарвались на куст, оказавшийся ядовитым; безобидный с виду кустик хлестнул Егорыча веткой. К слову, это было результатом моего пьянства: накануне я крепко набрался в реале, и в тот день маялся похмельем — вот и забыл про чёртов куст.

Из–за яда, якобы попавшего в его кровь, у Егорыча снесло крышу: периферийка в его кресле ввела соответствующий

препарат. Он стал хохотать, попытался со мной драться, а после убежал в заброшенный дом — что–то в составе препарата вызвало двигательное беспокойство. Я отправился следом… и нашёл Егорыча раньше, чем перестал действовать яд.

Меня привёл к нему детский крик, донёсшийся из подвала. Когда я туда спустился, увидел такое… Девочка, конечно, была энписи, но меня всё равно переклинило: я бил Егорыча прикладом, пока его аватар не дал дубу. Выйдя в реал, я минут десять успокаивался, а затем сообразил, что у меня осталась видеозапись: в том шутере с менторов требуют записывать всё, что мы делаем (по–моему, чистый идиотизм — ведь при необходимости администрация может просмотреть действия игроков). И Егорыч об этом знал.

Едва я вспомнил про ту запись, как он мне позвонил: предлагал деньги и умолял не выкладывать запись в Сеть. Заодно и угрожал, хотя отлично понимал, что ничего мне не сделает. Ну и лапшу на уши вешал: мол, всё это из–за яда, а так он нормальный… Когда понял, что врать без толку (ни одна периферийка не превратит нормального в педофила), бессильно заплакал — и стал божиться, что к живым детям не прикасался: мол, его похождения исключительно виртуальные… А затем вдруг взбесился. «В реале я зла никому не делал, — прокричал мне Егорыч, — так какого же хрена должен перед тобой каяться? Если выложишь запись — застрелюсь в тот же день. И моя смерть будет на твоей совести!»

Потом он дал отбой.

Я весь вечер об этом думал… Нет, я вовсе не собирался его шантажировать — просто обдумывал ситуацию. Ведь в реале он и впрямь никого не трогал — по крайней мере, при мне. Да и зачем таким, как он, «палиться» в реале, если ВИРТУС избавил их от этой нужды? Любые фантазии можно реализовать по ту сторону гейм–кресла… Недаром же число изнасилований с появлением ВИРТУСа снизилось в восемь раз.

В общем, цепочка моих размышлений привела меня к тому, что уж лучше Егорычу и ему подобным «резвиться» в виртуальности, чем рядом со школой высматривать своих жертв…

На следующий день я ему написал (общаться с ним лично было противно), что если до меня дойдёт слух о его связи с настоящим ребёнком, я даже не стану этот слух проверять — сразу обнародую запись. А потом собственноручно его придушу.

Однако ту запись хранить было гадко — и я её удалил. Вот только Егорыч об этом не знал.

После долгого молчания он тоже сел в кресло. Исподлобья взглянул на меня через стол:

— Сколько?..

— Что — сколько? — не понял я. Потом сообразил, о чём он: — Ты думаешь, мне деньги нужны?

Егорыч дёрнул плечом.

— И стал бы я тянуть два года, чтобы только теперь тебя шантажировать? — с сарказмом уточнил я.

— Но ведь именно за этим ты и явился. Разве нет?

— Пожалуй, что да, — признал я. — Но требовать буду не деньги.

— Тогда что же?..

— Твои возможности в «Адреуме». Доступ к инструментам администрирования.

У Егорыча вытянулось лицо.

— Нет, Ларин… Нет, забудь. Даже и не проси.

— А это похоже на просьбу?

Застонав, Егорыч встал. С ружьём в руке прошёл до окна и назад. Резко остановился и снова на меня посмотрел:

— Я же работы лишусь…

— А выложу запись — лишишься жизни, — беспощадно сказал я. — Ты сам говорил, что тебе после этого один путь — на тот свет.

Егорыч глядел на меня с мольбой и злобой.

— Админский доступ, — бросил я. — Логин и пароль учётки.

— И что тебе это даст? — попробовал выкрутиться Егорыч. — Токены доступа фильтруются, удалённый доступ к учётной записи заблокируют. Это во–первых… а во–вторых, если ты в «Адреуме» собрался фокусничать, то тебе не мой доступ нужен, а суперадминский, которого у меня нет. И входить надо с основного серверного центра: даже вход с дублирующих серверов не прокатит.

— Это уже мои проблемы, — сообщил я, мрачно подумав о Затворнике: снова придётся к нему обращаться. Но зато он и с обычным доступом сотворит чудо.

— Нет… — Егорыч был близок к панике. — Нет, не могу.

— Ну тогда я пошёл, — я и правда встал с кресла. — Запись выложу в семь вечера по Москве. Готовься к своему звёздному часу.

— Сука… — прошептал Егорыч.

Я решительным шагом направился к двери.

— Стой… Стой, Ларин. Подожди.

Я остановился.

— Colorful sky триста сорок восемь. А пароль…

— Напиши на бумажке, — сказал я.

От Егорыча я вышел с небывалым облегчением — и не только

потому, что получил желаемое; мне хотелось уйти с той секунды, как я вошёл.

Но увы, облегчение было недолгим.

Качели, где осталась Кэсс, пустовали: сиденье покачивалось, цепи скрипели на ветру. А Кэсс…

А Кэсс лежала на траве.

Если честно, я не сразу смог поверить глазам — уж слишком сюрреалистичной была картина.

Лёжа на спине, Кэсс безостановочно превращалась: то в Бедуина, то в Ингу, то в саму себя. Нечто похожее я видел вчера, когда она демонстрировала свои способности. Но сейчас метаморфозы происходили так быстро, будто Кэсс ими не управляла.

Одолев ступор, я подбежал к ней и услышал:

— Пройдёт… Со мной это уже было.

Я вздрогнул: «пройдёт» выговорила Инга, а остальное — ведьмак Геральт. И голос менялся вместе с обликом.

— Кэсс… — я опустился рядом.

— Комната с аватарами… — прошептала она. — Сегмент, где я оказалась после смерти…

Не успел я взять в толк, о чём она говорит, как слева от нас возникла дверь — открытая и будто звавшая за порог. За дверью был сумрак, где что–то рябилось: мельтешило, как снежинки при свете фар.

Умолкнув, Кэсс закрыла глаза… точнее, их закрыл вампир, которым она стала. А вампир стал Ларой Крофт.

Но я всё–таки понял, чего она хочет, и, взяв её на руки, шагнул в её дверь.

В первый миг я испугался, что войти не смогу: вдруг тут защита как в моей приват–зоне? Я же не Взломщик, чтобы в чужие двери вламываться…

Но защиты либо не было, либо Кэсс хотела меня впустить — и впустила. Даже не открыв глаз.

Мельтешившие «снежинки» оказались цифрами, хаотично мерцавшими в воздухе. Однако все они исчезли, едва я вошёл. Зыбкий сумрак стал комнатой.

Разглядев её убранство и пейзаж за окном, я резко остановился.

Окно было прямо напротив порога — панорамное, во всю стену. А за ним темнел космос — бездна с синим пульсаром… И с созвездиями, которые я видел сто раз.

Это была локация выбора; сюда попадаешь из ВИРТУС-меню, чтобы выбрать сегмент.

Выходит, вот где очутилась Кэсс, когда её сбила машина?..

Растерявшись, я застыл, но после заставил себя оглядеться.

Свет ночника, сиянье звёзд. Комод, стулья из пластика и кровать. Всё в приглушённых светло–серых тонах… Очень странное сочетание уюта и холода.

И конечно, я не мог не заметить стоящих вдоль левой стены аватаров.

Они выстроились в два одинаковых ряда: Геральт, которого я только что видел; Малефисента из новой версии «Спящей красавицы»; Джокер из очередного ремейка «Бэтмена»; Бедуин, которым Кэсс стала во время визита Взломщика; Инга, с которой я успел пообщаться… Аватаров тут было десятка три — недвижные куклы с застывшими лицами.

И все стояли на подставках, подчёркивавших их фальшивость. Будто Кэсс напоминала сама себе: они — это не она.

Я положил её на кровать, накрытую белым пледом и похожую на плотное пушистое облако. Причём с каждым моим шагом её вес то увеличивался, то уменьшался: аватары, в которых она превращалась, одинаково весить никак не могли.

— Спасибо… — Кэсс приняла образ эльфийки, тут же исчезнувшей с подставки: я краем глаза уловил возникшую в строю брешь. — Здесь мне станет легче… Всегда становилось.

Я неуверенно кивнул, сомневаясь в её словах.

Но частота превращений и впрямь сократилась: эльфийкой Кэсс была семь или даже восемь секунд. Потом вновь стала Ингой и сохраняла этот облик почти минуту. А затем стала собой (только стимпанковский костюм сменился голубым платьем) и уже не менялась.

С облегчением выдохнув, я сел на стул.

— Спасибо, — повторила Кэсс. — Со мной всё будет в порядке. Просто надо поспать.

— Ясно… — проронил я, хотя уже понимал: этот приступ был не первым — и вряд ли последним.

Повернув голову, Кэсс взглянула на аватаров:

— Кто я, ментор? Кэсс Рябова — или одна из них?..

— Кэсс Рябова, — сдавленно сказал я.

Она печально улыбнулась:

— Вы хорошо лжёте… — сделав паузу, Кэсс полушёпотом сообщила: — Я зову это место Убежищем. Никто меня тут не достанет, никто не войдёт… Да и адреса я никому не давала… до этого дня.

Призывно звякнул колокольчик. Открыв почту, я увидел строку с цифрами: Кэсс прислала мне адрес Убежища. Вместе с кодом, позволявшим сюда войти.

Словно бы спохватившись, она добавила:

— Вы ведь не натворите глупостей? Учтите, если что — мигом отсюда вылетите… Мне достаточно лишь этого захотеть.

Я вместо ответа подошёл к ней и накрыл её своим пиджаком. Для упомянутых «глупостей» было не время. Хотя я определённо хотел их натворить. Чтобы не испытывать такого желания, мне надо было ослепнуть.

Кэсс вновь улыбнулась — в этот раз иронично:

— Вы как добрый барсук, охраняющий фею в одной старой сказке…

— Не читал, — признался я. — Но за барсука спасибо.

Кэсс вымученно засмеялась. Потом вдруг посерьёзнела:

— Хочу вас кое о чём попросить: вы пока в «Адреум» не возвращайтесь… Я отлежусь и пойду с вами.

«А вот это будет видно», — подумал я.

Но Кэсс будто мысли мои прочла:

— Я должна взять бинокль сама, понимаете? Только я, никто другой… И куклу тоже. Но не спрашивайте, почему… — она помедлила, будто ища слова. — Просто… просто я чувствую, что должно быть именно так. Поэтому обещайте, что в «Адреум» без меня не вернётесь.

Ничего не ответив, я сел на стул.

Свет пульсара заливал комнату. Мертвенно сиял ночник. Аватары слепо глядели с подставок.

В те секунды я начал кое–что понимать.

— Ваши приступы… когда они начались?

Кэсс молчала.

— Вы упоминали сон, который всё повторяется… Первый приступ случился после перового сна?

Вновь я остался без ответа, но он был в глазах Кэсс.

— Яблоко, бинокль и кукла… — моя догадка переросла в убеждённость. — Вот почему они нужны вам — из–за превращений… Вы надеетесь с их помощью прекратить приступы… Думаете, это поможет?..

Кэсс чуть слышно проронила:

— Не думаю — знаю… Но не знаю, откуда… Безумие, да?..

Она улыбнулась, но с растерянностью. Её облик напомнил мне ребёнка, оказавшегося в толпе.

Да, она могла играть… Но в ту минуту не играла — я мог в этом поклясться.

Инстинкт самосохранения — вот что ею двигало. То, о чём Кэсс услышала в «Китеже» — кукла, яблоко, бинокль — могло оказаться спасательным кругом. Будто в них крылось что–то, без чего в ВИРТУСе ей не выжить.

Кэсс это чувствовала, но не могла объяснить.

Это и впрямь было безумием…

— Хорошо, — сказал я. — Отсыпайтесь, и мы вернёмся в «Адреум». Вместе.

— Спасибо, — прошептала Кэсс.

Через несколько минут она и правда уснула — с безмятежностью феи, охраняемой барсуком.

Глава 13

Мой второй визит за сутки Затворника не обрадовал — он вообще редко радуется гостям.

В этот раз буферной зоной, откуда я к нему прибыл, послужил речной причал; мне пришлось снова вводить коды, а затем идти сквозь мрак внутри сканнер–программы. Но если прошлая верификация привела Кэсс и меня на вершину скалы, то теперь я очутился в ярко освещённом зале. В его центре была гейм–сфера — точнее, её виртуальная копия: серебристый шар–клетка, когда–то заменявший гейм–кресла. Сами кресла тоже присутствовали: их модели — от первых до современных — хаотично стояли вокруг. Видеостены слева и справа демонстрировали локации из самых популярных в ВИРТУСе игр, а высоко под потолком золотилась голограмма «VC»: логотип «ВИРТУС Корпорэйшн».

— Добро пожаловать в музей ВИРТУСа, — прогремел откуда–то голос Затворника. — Музей виртуальности, созданный в самой виртуальности.

— Оригинально, — оценил я. — Твоих рук дело?

— Ну а чьих же ещё? — Затворник вроде бы хмыкнул. — На тех, кто всё делает сам, некому настучать. Работай я не в одиночку, давно был бы на нарах.

Появился он эффектно — впрочем, как и в прошлый раз: вышел из рта Дианы Кнежик, чей фотопортрет занимал дальнюю стену (тоже интерактивную). На сей раз вместо пижамы Затворник облачился в смокинг — бог его знает, зачем… Нужно быть слегка безумцем, чтобы понять его логику.

Миновав гейм–сферу, он остановился передо мной.

— Ну и какого чёрта, Клим? Я ведь просил не приходить ко мне чаще одного раза в неделю.

— Знаю, Затворник. Но мне нужна помощь.

— Разве?.. Вирусов на тебе нет. Я проверял, пока ты шёл через сканнер.

— Речь не о вирусах. Мне нужно, чтобы ты кое–куда влез.

Затворник переменился в лице.

— В каком смысле — влез?.. Тебе нужен хакер?

Я кивнул.

— Даже и не мечтай, — взгляд Затворника посуровел. — Избавить кого–то от программы–шпиона — это запросто. Сканирование операционки, диагностика браузера, антиспам — вот краткий список моих услуг. Хакерства среди них нет.

У меня это вызвало иронию:

— А кто год назад вскрыл бухгалтерию фирмы, принадлежащей зятю алтайского губернатора?

— С чего ты взял, что это был я? — испугался Затворник.

— Элементарно, Ватсон: ты сам грозился это сделать. А того губернатора называл вором.

Затворник облегчённо выдохнул:

— Это ничего не доказывает, — тут он прищурился: — Я что, правда так говорил?

Я пожал плечами. Затворник хмуро осведомился:

— А мы пили?

— Водку, коньяк… Ты всё это запил колой.

— Пить с тобой больше не сяду, — пообещал Затворник. Потом вдруг хмыкнул и признался: — Представляешь, кто–то оставил бэкдор: внёс в систему той фирмы дефект алгоритма. А иначе чёрта с два бы я получил доступ к базам. Видимо, на губернаторскую семейку был зуб даже у их айтишников.

Я усмехнулся: как бы Затворник ни артачился, а своих хакерских подвигов он особо и не скрывал.

Только вот его сварливость сильно мешала переговорам (конечно, если он не набивал цену):

— Но это не значит, что я стану тебе помогать!

— А за большие деньги?

— Проваливай, Ларин.

— А за ***о***чень большие? — и я назвал сумму.

Затворник изогнул бровь:

— Ты что, банк ограбил? Или у менторов возросли гонорары?

Я неопределённо пожал плечами. С деньгами Рябова я мог пойти на такие траты.

— Хочешь дружеский совет? — полюбопытствовал Затворник. — Когда тебе платят столько бабок, нужно либо отказаться, либо глянуть под ноги и убедиться, что между тобой и деньгами нет большой кучи дерьма.

«Запоздалый совет…» — подумалось мне.

Затворник вроде колебался. Ловя момент, я уточнил:

— Ничего сверхсекретного взламывать не придётся — всего–то сервер «Адреума». Нужно кое–куда попасть и кое–что присвоить. Со мной будет напарник… — тут я осёкся под взглядом Затворника:

— Напарник — или напарница? Та, что с тобой приходила?

— Напарница, — признал я.

Затворник вздохнул — мне показалось, с сочувствием:

— Значит, в дерьмо ты уже наступил. Все пакости нашего мира связаны с женщинами и деньгами.

— Так ты поможешь?

— Вопреки собственному совету? — он вновь ухмыльнулся и покачал головой. — Нет, Клим — прости, не помогу. Ты ведь ментор. Раз тебе нужен хакер, значит, ты занят не своим делом. Думаю, ты и не представляешь, во что влип… По лицу вижу, что не представляешь.

— Это хорошие деньги, Затворник…

— Сл*и*шком хорошие. Но это–то меня и пугает. Мой нос уже учуял кучу, в которую ты вляпался.

Я мрачно вздохнул. Без помощи Затворника к биноклю не подобраться, а значит, не узнать, кто скопировал Кэсс и, возможно, был виновником её смерти. А меня это не устраивало, причём сразу по двум причинам: во–первых, я привык доводить начатое до конца, а во–вторых, из–за случившегося с Кэсс приступа. Конечно, я мог притвориться, что мне на это плевать, но с тем же успехом я мог сломать палец и заявить, что не чувствую боли.

Сделав в уме пару подсчётов, я поймал взгляд Затворника:

— Ещё сто тысяч.

— Господи, Клим…

— И у меня есть доступ к учётке одного из админов.

Затворник вздохнул, почесал подбородок. Искоса на меня глянул:

— Куда именно ты хочешь попасть?

— В Яму дьявола. Мне туда надо спуститься с напарницей и кое–что взять.

— Неужели прибор, за который воюют кланы? — Затворник выглядел разочарованным. — Хотя нет — не стал бы ты из–за этого нанимать хакера…

— Не стал бы, — подтвердил я. — Дело не в приборе, Затворник. В чём конкретно, не скажу… да я, если уж честно, и сам не знаю. Но это вопрос жизни и смерти. Не исключено, что в прямом смысле.

Затворник хмурился и молчал.

— Ты как–то взламывал «Битву за рай», — продолжил я, — стал невидимым для неписей и других игроков. Сможешь провернуть это в «Адреуме»?

— Ты и об этом пронюхал? — брюзгливо (но не без гордости) бросил Затворник. — Ну взламывал, было дело… Между прочим, из сугубо идеологических соображений: они выставили Камило Сьенфуэгоса идиотом!

Я решил не уточнять, кто такой Сьенфуэгос — а не то бы нарвался на лекцию об анархизме. Видимо, соратник Кастро и Че Гевары: «Битва за рай» швыряет геймеров в пламя Кубинской революции.

— Ну так как? — спросил я. — Сумеешь это повторить?

— Суметь–то сумею… — признался Затворник. — Да только вот здесь, — он ткнул себе в лоб указательным пальцем, — включился персональный радар неприятностей. И знаешь, что он советует?

— Держаться от меня подальше? — смекнул я.

— Хуже. Он советует тебя послать.

— А выключить его можешь? Ну хотя бы по дружбе?

Затворник тоскливо на меня посмотрел.

— Мерзавец ты, Ларин… Таким, как ты, гореть в аду.

— В буржуйке самого дьявола, — подтвердил я. — Жариться без права на апелляцию.

Затворник махнул рукой. По его взгляду я всё понял:

— Спасибо, старик.

— От дополнительных ста штук не отказываюсь, ясно?

— Само собой.

Затворник с досадой уточнил:

— Когда ты хочешь попасть в Яму?

— Чем раньше, тем лучше, — я вновь подумал о Кэсс — точнее, о творившихся с ней «метаморфозах». — Если можно, сегодня.

— Пришли мне свой адреумский ник. Вместе с ником своей… напарницы. Естественно, с паролями.

— И с данными админской учётки. Через пятнадцать минут пришлю. Ты только звуковые уведомления не выключай.

Об отключении уведомлений я упомянул не зря — была у Затворника такая привычка.

— Поучи меня ещё… — проворчал он. — Всё, проваливай. Переведёшь деньги — начну работать.

Чтобы телепортировать меня из локации (своим глупым правилам Затворник не изменял), он открыл интерфейс и стал быстро касаться невидимых мне символов. Я слегка заволновался. В прошлый раз он отправил нас с Кэсс в музей, но теперь, судя по его настроению, мне сулило оказаться в болоте.

Готовясь к худшему, я уставился на фотопортрет Кнежик — и будто наткнулся на её взгляд: твёрдый, сочетающий ум и харизму. Не по–женски волевой и буравящий насквозь.

Я поёжился. Неудивительно, что эта дама развелась после пары лет брака…

— Слушай, Затворник… — у меня вдруг возник вопрос. — Ты ведь уверен, что ВИРТУС губителен для человечества. Так зачем же создал его музей, да ещё и с фото Кнежик во всю стену?

— Что вредно для всех, то полезно для одного, — философски заметил Затворник. — ВИРТУС меня кормит, причём

сытно. А что до Кнежик… — тут он внезапно подобрел: — Знаешь, я ею восхищаюсь.

— Ты?.. Восхищаешься?.. — изумился я (до сего дня я полагал, что восхищения Затворника мог удостоиться разве что Прудон).

— Ты читал её биографию? — отвлёкшись от интерфейса, Затворник глянул в мою сторону. — Или хотя бы статью в «Википедии»?

Я постыдился сказать, что не читал даже статью — хотя что в этом такого? В конце концов, многие ли пользователи «Майкрософта» прочли в своё время биографию Билла Гейтса?

— Невежда… — заключил Затворник. — Эта женщина в жизни хлебнула столько, что нам с тобой и не снилось. Отец алкаш, а дура–мать вкалывала на двух работах, чтобы семью прокормить. Любила его, видите ли… даже уехала ради него из Польши: её будущий муженёк учился там по обмену. Но после их свадьбы он опустился: мало того, что в бутылку нырял, так ещё и в карты поигрывал. А это был конец девяностых: тогда можно было сыграть в «Дурака» и лишиться жилья. Правда, до этого не дошло, но из–за его гулянок семья вечно бедствовала. Ну а в две тысячи девятом случилась авария… — тут Затворник сделал паузу. — Неужели ты и про это не знаешь?

— Что–то слышал, — я напряг память. — Отец Кнежик вроде напился и чуть не угробил себя и дочь.

— Вообще–то только дочь, — мрачно уточнил Затворник, — сам–то он отделался синяками. Спьяну решил отвезти её в школу… трезвым бы он до этого не додумался. Девочка ехать с ним не хотела, так он заставил. А помешать было некому, потому что мать на работе была.

Затворник помолчал, будто собираясь с мыслями. Затем продолжил:

— На перекрёстке этот урод погнал на «красный»: то ли проскочить хотел, то ли в башке что–то заклинило… И в него врезался джип. Руль–то у них был справа — они ж в Новосибирске жили, а там многие ездили с правым рулём, ну а джип их с левой стороны долбанул… как раз там, где сидела Кнежик. Она потом восемь операций перенесла. Два года пропускала школу, — тут Затворник едко хмыкнул: — Хотя это и к лучшему: Кнежик ведь была гением… А у наших училок любой гений расхочет быть гениальным.

Он умолк, и я спросил:

— Как же она добилась таких успехов в науке, если школу пропускала два года?

— Наверстала, — пожал плечами Затворник. — К тому же

б**о**льшую часть знаний Кнежик почерпнула из интернета. Она потом часто говорила, что Всемирной паутине обязана каждым своим достижением: интерн**е**т стал её школой. И он же пробудил в ней мечту о виртуальности. О новом мире, где ей хотелось бы спрятаться.

— Спрятаться?.. — повторил я.

— Спрятаться, раствориться… Дословно не помню. А что?

Я покачал головой, опять думая о Кэсс: раствориться в новом мире — разве не это с ней случилось?.. Уж она тут так спряталась, что днём с огнём не найдёшь.

— Повзрослев, — сказал Затворник, — Кнежик взяла фамилию матери, а отца ненавидела до конца его дней… да и своих, думаю, тоже. Она вообще ненавидела пьяниц: на полном серьёзе заявляла, что обществу нужен сухой закон. Ходят слухи, что она даже не пробовала алкоголь. Ни разу в жизни, представляешь?

— Не очень, — честно сказал я.

— Ну да, — укоризненно бросил Затворник, — тебе это представить сложно… Но гений — он на то и гений, чтобы быть слегка сдвинутым. А уж Кнежик с её загубленным детством имела на это полное право.

Тут я мысленно согласился.

Внимание Затворника вернулось к интерфейсу; он стал жестикулировать, будто дирижёр. Про себя я порадовался, что не вижу иконок: лучше не знать, куда он меня отправит.

Но Затворник меня телепортировал в сквер… правда, заброшенный, с парочкой зомби. Я снёс им головы куском арматуры, непонятно с какой стати валявшемся рядом. Разумеется, это было удачей — или заслугой Затворника: побеседовав о Кнежик, он и впрямь подобрел.

Когда я вернулся в Убежище, Кэсс ещё не проснулась. Мой пиджак она сбросила, разметавшись по кровати. Сейчас она спала спокойно, но до этого ей явно снился кошмар.

Будить её я не стал.

Сев на стул, я невольно ею залюбовался.

Кожа Кэсс была синей в свете пульсара. Бретелька кружевного платья — того, что пришло на смену стимпанковскому костюму — сползла на плечо, рука свисала до пола. Тёмные локоны разметались по лицу и подушке; у правой части буквы «V», образованной декольте, пугливо пряталась родинка, а её младшая сестра темнела чуть заметной точкой на оголившемся бедре.

«Она — виртуальная…» — напомнил внутренний голос.

Если честно, звучал он жалко… И не только из–за вполне понятных инстинктов. Видно, я привыкал к мысли, что Кэсс не более виртуальная, чем я сам.

Но тут на ум мне пришло вот что: а не погибни Кэсс в реале — что тогда? Считал бы я ту Кэсс, что лежала передо мной, настоящей? И, если да, то выходит, настоящими они были бы обе?

И ещё: ведь мозг при копировании не разрушается… Кэсс погибла в ДТП, но не во время копирования. А раз так, то ситуация с двумя Кэсс теоретически возможна. Да что там с двумя: три, четыре, пять… десять Кэсс могут существовать одновременно! Как и десять разных версий меня. И пусть девять из них не смогут покинуть ВИРТУС, это ещё не значит, что они не будут мной. Если уж на то пошло, то что такое «я»? Мои воспоминания? Мои чувства и восприятие мира? Мои реакции? Но память, характер и мировосприятие, которые я считаю своими, стали бы присущи и моим клонам — так кто посмел бы утверждать, что настоящими им не быть? Люди верующие мне возразят — мол, у клонов нет души… А если её нет и у меня самого?

С другой стороны (нить заумных размышлений упорно тянулась, хотя мне уже хотелось её оборвать) можно вспомнить умных неписей вроде Цолфи: создав энписи с таким интеллектом, Кнежик возвела базис для имитации сознания человека. Но тогда возможно ли, что новая Кэсс неотличима от тех же неписей?..

И вот тут я решительно сказал себе «стоп».

Кэсс — это Кэсс.

Её внешность — это е***ё*** внешность, а не плод фантазии программистов. Её мысли — это мысли Кэсс Рябовой. Её чувства — настоящие… Настоящая боль, настоящий страх. Настоящее желание жить.

Кэсс настоящая — и точка.

* * *

Свой гонорар, на который даже в Москве можно прожить четыре месяца, а если сильно экономить, то и все восемь, Затворник отработал за пять часов.

За это время я успел выйти в реал, поужинать и привести себя в порядок. Заодно проверил почту и эсэмэски. И там и там было уведомление: комиссия по ролевой этике возобновила действие моей менторской лицензии. Николай, он же Спайк, чьи статы я обрушил накануне (а теперь уже казалось, что с тех пор прошла

вечность), отозвал свою жалобу.

Обрадованный этой вестью, насытившийся макаронами по–флотски и взбодрённый контрастным душем, я вернулся в гейм–кресло.

— ВИРТУС-вход!

* * *

В ВИРТУС-меню меня ждали не только двери, но и конверт, мерцавший в метре над полом: письмо от Затворника, присланное через анонимный сервер. Естественно, зашифрованное: общаться без шифра Затворник бы не рискнул. Из письма следовало, что всё готово — охраняемый каньон смиренно ждёт нашего с Кэсс визита; мы можем спокойно туда спуститься, а геймеры и энписи нас не то что не увидят — даже касания не ощутят, если мы вдруг кого–то из них толкнём. Кэсс и я будем призраками… Виртуальными фантомами, сквозь которых можно пройти.

Через полчаса мы уже были в «Адреуме».

Из выбиралки мы вышли прямиком к вышке, где за семь часов до этого говорили с часовым (точнее — чуть в стороне, где находился аналог респа: нам в этом смысле повезло — ведь не будь здесь точки для входа в игру, пришлось бы вновь ехать в Шелфулд). Кэсс первым делом окинула себя взглядом:

— А нас точно не увидят? Я-то и себя вижу, и вас…

— Не увидят, не сомневайтесь, — заверил её я. — Кстати, и не услышат.

К знакомой станции как раз подошёл поезд. Я свистнул сошедшим с него пассажирам, но реакции не последовало.

Сложив рупором ладони, я прокричал:

— Набираю отряд нубов! Платить буду миллион!

Никто даже не обернулся.

— Видите? — сказал я. — Для них нас нет.

Кэсс неуверенно кивнула. Ей сложно было взять в толк, что законы ВИРТУСа так легко нарушить. А всего–то и надо, что один хакер и боящийся разоблачения извращенец…

Впрочем, мы подстраховались и своих аватаров одели в военную форму: мундир, брюки, фуражка. Всё тёмно–синее, как на охраняющих каньон энписи. Правда, там полно и геймеров, а те одеты как попало (носить форму с них не требуют), но ведь и неписей хватает… Так что, если нас увидят, мы затеряемся в толпе.

На всякий случай я напомнил:

— Не вздумайте открыть ВИРТУС-меню: если это сделать, то…

— …то админы засекут наше присутствие, — перебила Кэсс. — Вы это уже говорили.

— О подобных вещах, — терпеливо сказал я, — лучше пять раз напомнить, чем потом один раз потерять аватара. Единственное, что можно открыть — это инвентарь. Приват–зона, меню и Убежище под запретом.

Кэсс хмуро кивнула.

Невозможность выйти в меню означала, что пока действует программа Затворника (а она действует четыре часа), мы будем торчать в «Адреуме». Отыскав бинокль, нам придётся покинуть каньон и затаиться.

Правда, с учётом способностей Кэсс всё выглядело проще: она могла бы взять бинокль, вложить его в инвентарь — и сменить аватара; её нынешний аватар попал бы в Убежище, а бинокль, будучи в его слотах, покинул бы каньон навсегда. Но быстрой смене аватара мешал недавний приступ: из–за него к этому трюку Кэсс теперь сможет прибегнуть лишь завтра. А до завтра тянуть нельзя — ведь есть Взломщик… И его новый ход не заставит себя ждать.

Так что вариант был один: быстро и тихо присвоив бинокль, вернуться сюда же, сесть на поезд и, доехав зайцами до Стимкастера, найти безлюдный парк или сквер.

Открыв инвентарь, я взял тёмные очки. Утром в «Адреуме» было пасмурно, но теперь тучи разошлись, а солнце не успело сползти за горы.

Вскоре мы вышли на грунтовку, где паровые грузовозы, курсировавшие между каньоном и Шелфулдом, оставили две колеи. Пейзаж тут был мрачным, как и у станции: каменистая почва, низкий кустарник. Пройти надо было километра четыре, но уже довольно скоро, преодолев полпути, мы увидели столбы дыма — призрачно–серые, едва заметные: это дымили полевые кухни (солдат–неписей ведь надо чем–то кормить). Ещё минут через пятнадцать с невысокого холма стала видна стоящая вдалеке бронетехника и армейские палатки, расставленные, как мне показалось, хаотично и в спешке; в ВИРТУСе военный лагерь иногда похож на кемпинг. Видно, среди Легионеров не нашлось никого, кто был знаком с военным делом.

Само собой, я счёл это удачей.

На очередном холме, когда уже стали слышны голоса, я вновь открыл инвентарь и из слотов с экипировкой достал вещмешок. Затем открыл слоты с оружием.

— А это ещё зачем? — удивилась Кэсс, когда я стал

складывать в мешок мины: очень осторожно, по одной на секцию. Мины были круглыми, похожими на плоскую банку с гуталином (вероятно, геймдизайнеры использовали форму настоящих противопехотных фугасных мин).

— Для подстраховки, — бросил я.

— Так нас же тут как бы нет, — Кэсс всё больше удивлялась, — значит, и оружия нашего нет. Если кто–то наступит на мину, она не взорвётся.

— Верно, — подтвердил я. — Но вдруг программа Затворника перестанет действовать?

— Думаете, это возможно?

— Кто знает… — я ушёл от прямого ответа. — Просто не хочу, чтобы нас застали врасплох.

В ту минуту я вновь думал о Взломщике: если он в курсе, что мы явимся за биноклем — а он явно этого ждёт — то мог как–то подготовиться. Значит, и нам надо быть начеку.

Напоследок я взял револьвер и кинжал. Прицепил к ремню ножны и кобуру — и лишь после этого закрыл инвентарь.

Минут через двадцать мы уже шли между рядами палаток, обходя солдат–неписей и разодетых «по–стимпанковски» игроков; хоть Затворник и уверял, что их можно пройти насквозь, проверять это не хотелось. Впрочем, они нас и правда не замечали — даже в нашу сторону не смотрели… А если смотрели, то сквозь нас.

Задержавшись у полевой кухни (судя по запаху, варилось что–то гороховое), я снял вещмешок, извлёк мину и, положив её на землю, выдернул чеку. Хлопотавший рядом повар тут же на неё наступил. Я вздрогнул, но взрыва не последовало. А вот если наше жульничество раскроют админы, а затем сделают нас видимыми, ужин у вояк будет незабываемым…

— Приятного аппетита, — пожелал я. Иногда в кайф побыть злодеем…

Второй заряд я положил у одной из восьми «лап» бронированного «тарантула», оснащённого малокалиберной пушкой. Ещё метров через десять оказал ту же любезность его «собрату» и играющим в карты нубам. Один взрыв — и уже начатая ими прокачка пойдёт псу под хвост.

— Вы демон, — бормотнула Кэсс.

Я лишь дёрнул плечом. Эти геймеры ничего не потеряют, кроме своего времени — а они его и так тратят впустую. Переживут.

На пути к каньону я оставил ещё шесть мин: у трёх палаток, на подножке броневика с пулемётными башнями, за ромбовидной бронированной машиной на гусеницах и у пушечного лафета.

Похоже, всё это добро кланы пригнали на всякий случай, не спеша его использовать в боях за каньон… а если бы использовали, от каньона бы ничего не осталось.

С последней, десятой миной я расстался у обрыва, положив её рядом с одной из картечниц: те стояли через каждые шесть–семь шагов, глядя дульными срезами в сорокаметровую пропасть.

Взглянув туда, Кэсс прошептала:

— Мы как раз над дирижаблем — если спустимся зд*е*сь, пройти надо будет всего метров сто.

— Шептать не нужно, — напомнил я. — Нас ведь не слышат.

— Знаю… Но лучше я всё–таки буду шептать — а то как–то не по себе…

Кэсс покосилась на дозорного: тот стоял у ограждения, над которым торчали стволы картечниц. Солдафон–энписи спокойно нёс вахту, будто нас тут и не было. Столь же мирно вели себя его «коллеги», дежурившие вдоль каньона.

Посмотрев через пропасть на южную сторону, я увидел ту же картину, только несколько картечниц Волкам заменили скорострельные пушки. За орудиями стояли два грузовоза, похожие на допотопные армейские грузовики (если не замечать паровой механизм и смотревшую в небо трубу). Выходило, что южная часть впадины могла простреливаться Легионерами — то есть с севера, а северная — Волками, с юга.

Нам снова пришлось открыть инвентарь. В этот раз мы достали альпинистские обвязки со страховочными кольцами, тросы, карабины и страховочно–спусковые устройства; их ещё не было в то время, стилистику которого тут копировали, но не заставлять же игроков учиться альпинизму? А без тормозящих приспособлений обычный геймер в такую пропасть не попадёт — разве что кубарем, с истошным воплем.

Надев обвязки, мы вставили верёвки в страховочные устройства и соединили их с закреплёнными на поясе карабинами. Тросы привязали к сложенным «лапам» «тарантулов», застывших метрах в двадцати от каньона: судя по открытым моторным отсекам, их ремонтировали, а значит, с места они не сдвинутся. Да и «сидели» они там, где удобно спускаться: склон напротив их стоянки был крутым, но не отвесным.

Мы начали спуск, отталкиваясь ногами от ребристой тверди. Я предупредил Кэсс, чтобы она не отпускала трос, вытравливая верёвку одной рукой (да, я помнил, что у неё разряд по скалолазанию, но бережёного бог бережёт), однако в ответ получил лишь лукавый взгляд. Что ***и***менно он означал, я понял в последующие пару минут: Кэсс так ловко управлялась с рычагом

страховочного устройства, что мне стало стыдно. В итоге спустилась она первой, а потом дожидалась меня внизу.

Скользя вдоль склона, я косился вниз и вправо, где темнел обгоревший каркас дирижабля: весь покорёженный, полусплющенный, он лежал поперёк русла высохшей когда–то реки (согласно игровой легенде, та пересохла из–за жары). Хвостовая часть каркаса упиралась в южный склон, носовая «не дотянула» до северного метров десять. У кормы валялись камни, отвалившиеся от выступов: дирижабль обрушил их при падении.

Спустившись, Кэсс доложила:

— Здесь пока ещё светло, — её голос слабым эхом разлетелся по каньону. — Как думаете, управимся до темноты?

— По идее, должны, — достигнув дна пропасти, я отстегнул карабин и глянул на вечернее небо. — В «Адреуме» темнеет поздно, так что у нас есть часа полтора.

Осматриваясь, мы подошли к дирижаблю — точнее, к его помятому остову, похожему на огромный скелет кита. Между шпангоутами просачивались лучи солнца: считалось, что в дирижаблях «Адреума» вместо гелия используют водород, так что обшивка сгорела. Среди куцых пучков чахлой травы валялись раскиданные взрывом обломки.

— Смотрите! — Кэсс что–то заметила и, обойдя каркас, вплотную подошла к его стенке: — Там что–то блестит!

Я тоже это увидел: внутри сплющенного корпуса угадывался медный блеск. Там было нечто металлическое, похожее на музыкальную трубу. Вероятно, часом раньше мы ничего бы не заметили, но сейчас, когда солнце уже садилось, «труба» сверкала в его лучах.

Кэсс взглянула на меня:

— Это то, о чём я думаю?

— Наверняка, — я даже не усомнился, что мысли у нас одинаковые. — Прибор, который нужен кланам.

— Возьмём его? — спросила Кэсс, но тут же сама себе возразила: — Хотя ну его к чёрту… Зачем время зря тратить?

Через пару мгновений мы уже искали бинокль. Разменяться на пустяки было бы глупо: нас сюда привело кое–что поважнее, чем игровой артефакт.

Сначала я поискал взглядом гондолу с рубкой, чтобы сориентироваться и понять, откуда начинать поиски, но ничего похожего не увидел: наверное, она вошла в грунт или попросту развалилась. От мотогондол тоже ничего не осталось — разве что обломки двигателей. Ещё я обнаружил покорёженный ствол малокалиберной пушки, отлетевшей при ударе о землю. Её вид заставил меня усмехнуться: почему мы так любим играть в

жюльверновщину? И не только в жюльверновщину — в рыцарей, в сталкеров, в шпионов… даже в бомжей и проституток? Ведь среди тех вояк, что торчат в лагере в сорока метрах над нами, людей успешных и состоятельных — единицы; я бы зуб дал, что в реале у них куча проблем и ещё не сложившаяся карьера. Но вместо того, чтобы её строить, они рвутся в ВИРТУС… даже несмотря на то, что зверюга–капрал, натаскивающий бойцов клана, гоняет их жёстче, чем шеф по работе, а состряпанный женой ужин вкуснее солдатской похлёбки.

Подумав об этом, я и увидел бинокль.

Тот был прямо под склоном, на груде камней — будто в кучу их собрали как раз затем, чтобы бинокль положить сверху. Между ним и дирижаблем валялись обломки. Я счёл их останками того, что звалось марсовой площадкой.

— Кэсс! — позвал я.

Она обернулась и, поняв, на что я смотрю, застыла как вкопанная.

— Он ваш, — сказал я. — Я не стану его брать.

Мы прошли по осколкам иллюминаторов. Обогнув обломок каркаса, Кэсс наклонилась и, с трепетом протянув руку, взяла бинокль. Едва я успел его рассмотреть (вмятина на латуни, сетка трещин на линзах, ремень на петле), как тот исчез в её слотах: Кэсс даже не пришлось открывать инвентарь.

— Как будто ждал меня… — прошептала она.

Стоило ей это сказать, как зазвенел колокольчик — мне прислали письмо.

Предчувствуя неладное, я напрягся. Насчёт писем Затворник предупреждал: пока мы с Кэсс невидимки, открывать можно лишь его сообщения. А иначе возникнет риск, что нас засекут админы.

Ну ладно, посмотрим…

Я открыл мессенджер. Рядом с жёлтым конвертом серебрилась буква «З». И адрес мне был знаком.

Затворник.

У меня засосало под ложечкой: из–за пустяков он бы сейчас не писал. Раз пишет — значит, что–то стряслось.

— Открыть письмо, — велел я.

Сообщение было без шифра, который мы обычно использовали. Впервые на моей памяти Затворник переписывался общечеловеческим языком.

«*Мать твою за ногу, Клим Ларин!!!* — а дальше был текст без точек и запятых: — *Меня пытаются взломать попробую держать невидимость ещё неск мин макс 6 чтоб ты сдох я ведь не хотел в это лезть!!*»

Было и третье предложение, но из имевшихся в нём слов

цензурных бы не набр*а*лось и половины.

— Блин… — лаконично изрёк я.

В общем–то я не удивился — не могло всё пройти гладко… Да и не я ли полагал, что Взломщик к нашему визиту готовится? А проблемы Затворнику устроил наверняка он — простой айтишник бы не справился. И уж точно бы не справились админы «Адреума».

Кэсс, глядя на меня, испугалась:

— Всё плохо?

— Не совсем… — покривил я душой. — По пятибалльной шкале — на слабую троечку…. В общем, у нас максимум шесть минут.

— А потом нас увидят?..

Я кивнул.

В глазах у Кэсс вспыхнула паника:

— Бинокль… — прошептала она. — Если убьют аватара, исчезнет содержимое инвентаря…

Кэсс умолкла — всё было ясно без слов. Как только погибнет её аватар, бинокль вновь окажется на камнях. А избежать стычки с кланами мы не можем, ведь программа Затворника мешает попасть в меню (впрочем, мы уже в зоне активных действий, и меню тут в любом случае не открыть — ни меню, ни приват–зону, ни Убежище Кэсс). Единственный способ покинуть сегмент — это экстренный выход, но без сохранения, с потерей раздобытых предметов: нас просто «выкинет» в реал… хотя какой к чёрту реал — Кэсс ведь туда не попадёт…

Короче, это был шах и почти наверняка — мат.

— А если укрыться… — начала было Кэсс.

Но она осеклась, увидев мою скептическую гримасу.

Где тут укроешься? Дозорные–неписи всё просматривают с двух сторон…

— Лезем наверх! — решил я. — Быстро!

И метнулся к оставленным нами тросам.

Наверху будет шанс слиться с толпой; сбежать, когда начнётся паника. А уж её я обеспечу.

Однако Кэсс вместо того, чтобы бежать за мной, вдруг развернулась и кинулась к дирижаблю.

— Что вы делаете?! — крикнул я.

Но ответ я уже знал.

Протиснувшись между шпангоутами, Кэсс схватила прибор, за который бились кланы. Затем открыла инвентарь. Медная труба блеснула, прежде чем занять слот.

Кэсс опрометью метнулась назад.

— Вы только время потеряли! — укорил её я, когда она

схватилась за трос. — Мы даже не знаем, что это!

— Не знаем, — выдохнула Кэсс. — Но придётся узнать, если припрут к стенке!

Она с ловкостью кошки полезла наверх, и я, чертыхаясь, стал карабкаться следом.

Уверен, в реале мы не забрались бы по канату на сорокаметровую высоту (лично я бы не забрался — разве что лет семь назад, когда я ещё был в форме), однако наши аватары были на это способны. Меньше чем за две минуты расстояние до вершины сократилось вдвое.

Именно там — на середине пути — колокольчик опять звякнул.

В этот раз сообщение было голосовым — и уже не от Затворника. Я и не думал его открывать, но оно открылось само.

— А ведь я тебя предупреждал, ментор! — прозвучал знакомый голос. — Ты же мог просто взять деньги и бросить это дело к чертям! Зачем было продолжать? Хотел почувствовать себя значимым? Отвлечься от скорби по мёртвому сыну?

Я замедлил подъём, хотя знал, что этого Взломщик и добивался. На меня потрясённо уставилась Кэсс.

Ну а Взломщик продолжал:

— Знаешь, чем всё закончится? Вас обоих пристрелят, и бинокль вернётся туда, гдележал. А твой Фандор — мёртвый или живой — будет идентифицирован как аватар Клима Ларина. Тебя не только лишат менторской лицензии, но и запретят входить в Сеть за неоднократное использование вируса. Поздравляю, ментор!

«Повремени с поздравлениями, чешуйчатая башка», — подумал я.

И ещё я подумал, что не зря оставлял мины на пути к каньону.

Мы с Кэсс остервенело карабкались. Где можно, упирались ногами в склон, но чаще использовали лишь трос. Мышцы гудели от напряжения. Пусть это всего лишь ВИРТУС, но усталость казалась вполне реальной.

Сверху вдруг донёсся свист: кто–то сел в бронемашину и сигналил паровым свистком.

— Они объявляют тревогу, — хрипло выдохнула Кэсс.

— Не разговаривайте, — бросил я. — Берегите дыхание.

Как ни странно, свист меня обнадёжил: он означал, что Взломщик (вопреки своим угрозам) не обратился к администрации, решив с нами разделаться силами кланов. Вероятно, как и мы, он избегал внимания администрации.

Достигнув вершины чуть раньше Кэсс, я помог ей взобраться.

Вместо свистка теперь выла сирена, причём мне показалось, что она выла и у Волков. Геймеры явно пребывали в недоумении — они пока не понимали причины переполоха, зато энписи уже сновали по лагерю: стараниями Взломщика они о нас знали.

Впопыхах оглядевшись, Кэсс поняла:

— Он взломал «Адреум», как до этого взломал «Фрею»…

Отвечать не было смысла — да, взломал… И в электронные «мозги» неписей вложил информацию о нарушителях.

Мы совсем недалеко отбежали от обрыва, когда стало ясно, что нас видят: рекрут, стоявший на нашем пути, вытаращил глаза. Для стандартного энписи его изумление выглядело чертовски правдоподобным.

Не давая ему опомниться, я заорал:

— Волки!!! Волки атакуют!!!

Почти в ту же секунду вдалеке прогремело — теперь мои мины могли взрываться.

Как я и предполагал, первой взорвалась мина у полевой кухни. Истошные вопли заглушил второй взрыв, раздавшийся ближе к нам. Я даже увидел вспышку и кровавые ошмётки, взметнувшиеся над палаткой; возрастной рейтинг «adults only» «Адреум» получил не зря.

Начался жуткий хаос, а я бросился к заметившему нас рекруту, уже снявшему с плеча винтовку. На ходу выхватив кинжал, вонзил его рекруту в шею. Тот даже вскрикнуть не успел — спасибо Фандору за ловкость… Которую, впрочем, я сам прокачал.

Начавшуюся в лагере кутерьму я описал бы в двух словах: разворошённый муравейник. Геймеры в панике бежали к орудиям, кто–то уже стрелял одиночными в сторону Волков. Большинство Легионеров поверило в их атаку: после года сражений это было естественно. Даже взломанные неписи о нас позабыли, приняв детонацию моих мин за взрывы вражеских снарядов.

Едва я обрадовался этой мысли, как Кэсс заорала:

— Берегитесь!!!

Я отпрянул, не успев извлечь кинжал из тела рухнувшего рекрута. Прямо рядом с моим ухом что–то просвистело. Отступив на два шага, я увидел противника: бородач в дымчатых гогглах, с мощным, перехваченным портупеей торсом. На широком ремне — связка гаечных ключей, а самый длинный и увесистый громила держал в руке.

Механик, что ли?..

Но этот вопрос мне обдумать не дали, поскольку Механик (назовём его так) опять ринулся в атаку.

«Геймер, не энписи… — сообразил я. — В прокачке упирал на силу… Видимо, подраться любит».

Однако напал он не на того: зря я, что ли, прокачал Фандору «рукопашку»?

Мне почти не пришлось думать — включились рефлексы аватара.

Ловко поднырнуть под ключ, просвистевший над макушкой. Припасть на колено, врезать кулаком в пах. Дать Механику присесть с оханьем от резкой боли (пусть её уровень в «Адреуме» низкий, но виртуальное тело обязано реагировать на удары) — и, впечатав в его нос нижнюю часть ладони, услышать хруст; в ВИРТУСе даже алкаш, лет сто как не бравшийся за гантели, мог ощутить себя Брюсом Ли…

К счастью, наш поединок прошёл незамеченным — Легионерам было не до того: сзади взорвалось ещё несколько мин, впереди уже трещали картечницы. В воздухе свистели пули, послышались крики. До завывающей сирены никому не было дела: с таким аккомпанементом она казалась пустяком.

Мы с Кэсс сломя голову припустили через лагерь, оставив Механика лежать на земле.

Сзади гулко громыхнула артиллерия Волков, и «тарантул», стоявший на нашем пути, исчез в огненной вспышке. Хлопок взрыва, густой дым… Нас едва не сбило с ног, краем глаза я заметил, как «тарантул» заваливается на палатки. И тут же прозвучал новый взрыв — в этот раз сработала моя мина: броневик Легионеров взлетел на воздух. Рекрута, вставшего к орудию, разнесло в клочья.

Следующие две минуты (а быть может, и все десять) стали адом: мы бежали по лагерю прочь от каньона под истошные вопли и грохот взрывов. Запахло пороховой гарью, в воздух взметались комья земли, неписи с игроками падали под огнём противника. Хотя мы и не оглядывались, было ясно, что не меньшие потери несут и Волки: из–за смены диспозиций оба лагеря не были готовы к тому, что им вновь придётся сражаться друг с другом, — а им–таки пришлось (правда, «благодаря» мне) … Только это был уже не бой, а бойня.

Мы почти выбрались из лагеря, когда очередной снаряд попал грузовоз, отъезжающий с линии огня; вероятно, в нём были боеприпасы — иначе зачем убирать его с поля боя? Землю тряхнуло от мощного взрыва, достойного лучших боевиков, — причём с огненным шаром, взметнувшемся к небу, вырвались клубы горячей хмари: паровой котёл рванул с такой силой, что ближайшие палатки раскидало метров на двадцать.

Прыгнув на Кэсс, я сбил её с ног и, увлекая за собой, рухнул

на землю. Будь мы чуть ближе к месту взрыва, наших аватаров разорвало бы в клочья, а так — лишь слегка обожгло.

Мы оказались в неглубокой воронке. Тут же стали выбираться, но в нескольких шагах от нас взорвался снаряд, выпущенный из пушки. Пригнувшись, я услышал ещё два взрыва и почувствовал попавшие за воротник камни. По нам явно вели прицельный огонь.

— Это Взломщик, — я вгляделся в серую пелену: пар, будто густой туман, расползался вокруг, временно скрыв нас от стрелка. — Он управляет кем–то из неписей…

Но всё оказалось хуже: Взломщиком управлялся не один энписи, а трое.

Они с разных сторон подступили на «тарантулах», чьи силуэты возникли в хмари. Сквозь отдалённые выстрелы прорезался скрежет металлических лап. Турели тяжко застонали, выискивая в тумане цель.

Я стиснул зубы от досады: конечно, это был конец. Ещё несколько мгновений, и…

Но тут я увидел, как Кэсс, стоя на коленях, открыла свой инвентарь и извлекла добытую в дирижабле «трубу». В основании прибора было подобие постамента с застеклённой шкалой, целым набором рычагов и допотопного вида кнопок. Их–то Кэсс и принялась нажимать — без разбора, все подряд… Она надеялась на чудо, хотя счёт шёл на секунды.

Однако чудо случилось.

Прибор издал какой–то звук — очень низкий, на грани слышимости. Под гул турельных установок на нас уставились орудия, но тут пушки снова пришли в движение — и вся троица «тарантулов», наведя их друг на друга, разом выстрелила.

Три хлопка слились в один, чуть меня не оглушив. Я с изумлением глядел на ближайшего «тарантула», застывшего с искрящейся в башне дырой. Как ни странно, он так и остался стоять — зато два его «собрата» с лязганьем упали на землю.

Мы уставились на кнопки, которыми Кэсс так удачно воспользовалась (пусть и методом тыка). Затем она глянула на меня:

— Так что вы там говорили — мне не стоило его брать?

— Беру назад… — прошептал я.

До нас вдруг дошло, что теперь слышатся лишь одиночные выстрелы, иногда звучащие в унисон.

— Они стреляются… — озираясь, я различил падающие в мареве силуэты. — И геймеры, и энписи… Их аватары убивают сами себя!

Мой взгляд опять упал на «трубу»: безымянный прибор, за

который сражались кланы, заставлял их бойцов лишать себя жизни. Вероятно, и нас бы ждала та же участь, не находись мы рядом с прибором: стоящих поблизости он держал за «своих».

Через несколько мгновений всё стихло.

Однако обрадоваться мы не успели, потому что в дыму возникла дверь.

Она там стояла сама по себе — как те двери, что вели в Убежище и в приват–зону. Из–за текстурных искажений она мерцала, нити серебристой ряби пробегали по дереву. Дверь словно сопротивлялась тому, что её сюда перенесли.

В хаосе моих мыслей обозначились две: во–первых, Взломщик собственной персоной решил нас прикончить, проникнув в «Адреум» из другого сегмента, а во–вторых…

— Кэсс, Убежище! — заорал я. — Мы уже можем уйти!

Это было очевидно: все, кто был тут кроме нас, покончили с собой — значит, нам не с кем контактировать. А когда нет потенциального контактёра — ни геймера, ни энписи, можно выйти в приват–зону. В нашем случае — в Убежище: ведь моя приват–зона контролируется Взломщиком.

Кэсс тоже это поняла.

На секунду она замерла, явно пытаясь создать дверь, а затем закричала:

— Не могу… Не получается! — впрочем, дверь всё же возникла, но Кэсс в отчаянии крикнула: — Это не Убежище… я не знаю, что это! Не могу сконцентрироваться — мне что–то мешает!

Не «что–то», а «кто–то», подумал я, мысленно кляня Взломщика. Тот превратил «Адреум» в самый неудобный для нас сегмент: Кэсс не могла здесь делать то, что проделывала в других местах. Уж не знаю, что за вирус тут был использован — о таких я не слышал, но он явно активировался, когда мы взяли бинокль.

Подскочив к Кэсс, я схватил её за локоть и заорал:

— Покинуть сегмент! Покинуть сегмент!

При обычных обстоятельствах мы вышли бы в моё меню (пока я держал Кэсс, она была со мной), но ВИРТУС-меню не открылось. Мы не могли отсюда выйти — во всяком случае, обычным путём. Взломщик об этом позаботился…

Оставалось лишь одно, и я поволок Кэсс к созданной ею двери. Неважно, куда та ведёт: сейчас главное — сбежать из «Адреума».

Но сбежать не удалось.

Первая дверь широко распахнулась — и из неё выпрыгнул дроу: тёмный эльф с изогнутым кинжалом в руке.

Я оттолкнул Кэсс и отпрянул, уходя от атаки. Дроу вновь сделал выпад; в алых глазах горела злоба, волосы развевались

белыми нитями. Чёрная кожаная кираса была лишь немногим темнее лица.

Уже позже я пойму, что это был вовсе не Взломщик: он вновь использовал энписи. Соединил «Адреум» с миром, где «живут» тёмные эльфы… Видимо, нашёл сегмент, который проще взломать.

Но это нам с Кэсс станет ясно потом, а в ту минуту нам было не до раздумий.

Увернувшись от кинжала, я потянулся к кобуре, но дроу был очень быстр: едва я выхватил револьвер, как тот был выбит ногой эльфа. Совершив комбинацию, враг с разворота ударил другой ногой, заставив меня согнуться: бедняге Фандору сломали ребро.

Подпрыгнув с боевым кличем, дроу крутанулся в воздухе — и вновь с разворота ударил ногой. Я шарахнулся назад, но пятка эльфа всё–таки рассекла мне лоб. Такой прыгучести позавидовал бы гимнаст…

Уж не знаю, каким чудом, но я смог уйти от мелькнувшего лезвия, хотя Фандора уже пошатывало. Следующий удар я блокировал, и мы с дроу сцепились. Его лицо оказалось рядом с моим; я увидел поры в иссиня–чёрной коже, серёжку в заострённом ухе, прожилки вокруг алой радужки глаз… Вот туда–то — в левый глаз — я и ткнул оттопыренным большим пальцем.

Эльф так заорал, что у меня чуть уши не заложило.

Врезав локтем в его челюсть, я его оттолкнул и, схватив за руку Кэсс, опять бросился ко второй двери. Возиться с эльфом не стоило: из того же сегмента, откуда он прибыл, могли явиться его сородичи. Да и не был я уверен, что справлюсь с дроу: они искусные бойцы, превосходящие Фандора по силе и ловкости. Это вовсе не трусость, а математика.

Распахнув сотворённую Кэсс дверь, я втолкнул её туда, а затем прыгнул сам.

Ледяной ветер. Яркий свет. Пустота…

…И земля под ногами.

Я очутился на холме, в нескольких шагах от Кэсс, в глазах которой вспыхнул ужас. Развернувшись, я увидел прыгнувшего за нами дроу. Хотел его встретить ударом ноги, но из–за сломанного ребра Фандор стал неуклюжим; мне пришлось отступать, спасаясь от лезвия. Обо что–то споткнувшись (о корягу?.. о камень?..), я упал, а дроу, перепрыгнув через меня, налетел на Кэсс и всадил кинжал ей в плечо.

Так она и упала — с кинжалом в плече и расширенными от ужаса глазами.

Не вставая, я борцовским приёмом подцепил ноги эльфа, опрокидывая его на землю. Дроу рухнул как подкошенный, а я

вскочил на него и боднул в нос. Не давая опомниться, впечатал в его скулу кулак.

Во мне кипела ярость — в первую очередь на себя: ведь чтобы бинокль вернулся в каньон, он должен проп***а***сть из инвентаря Кэсс, — а значит, Взломщик не меня хочет убить, а её. Я должен был догадаться…

Мои пальцы сомкнулись на горле эльфа, но тот ткнул меня кулаком в грудь, задев сломанное ребро. Едва не отпустив дроу, я получил удар в то же место: он понял, куда надо бить. Третий удар, четвёртый… После пятого моя хватка ослабла, и дроу столкнул меня на траву, к уходящему вниз склону.

Но я успел его схватить за растрёпанные волосы, так что с холма мы скатились вдвоём.

Врезавшись в дерево, мы остановились на краю оврага. Дроу оказался сверху. Теперь уже он душил меня левой рукой, а кулак правой впечатывал мне в лицо. Перед моими глазами мутнело. Случись такое в реале, я бы уже отключился…

Но тут в нашу схватку вмешался новый «боец».

Массивный ствол, в который мы врезались, заходил ходуном. Одна из ветвей немыслимым образом изогнулась, обхватила эльфа за шею и, оторвав его от меня, втянула в дупло. Вопль дроу перекрылся утробным чавканьем, посыпались листья, а затем всё стихло; лишь где–то над кроной орали птицы, вспорхнувшие с дерева–людоеда.

Вскочив, я бросился на вершину холма, где осталась Кэсс, хотя уже можно было и не спешить: у меня не было сомнений, что бинокль мы потеряли. Дроу прибыл из сегмента, где используют яды; «Илр***и***м» — так он вроде зовётся. Илримский эльф не вступит в бой, не вымазав ядом меч. Кинжал, которым пырнули Кэсс, был отравлен. Аватар её погиб, а сама она попала в Убежище, в одно её тел. Бинокль же вернулся на груду камней.

Наша дерзкая вылазка обернулась ничем — лопнувшим шариком, не дожившим до карнавала.

Взбираясь на холм, я матерился сквозь зубы.

Но наверху моему взору предстали вовсе не те ужасы, что я успел вообразить… собственно, никаких ужасов не было.

Вместо бездыханной Кэсс (точнее, её почившего аватара) я увидел её сидящей на кочке. Кинжал, который всадил в неё эльф, Кэсс держала в руке. С кривого лезвия капала кровь.

Я застыл в недоумении… впрочем, Кэсс и сама была ошеломлена.

— По–моему, меня нельзя убить…

— Чего?.. — переспросил я, хотя прекрасно её расслышал.

Кэсс ткнула пальцем в своё плечо, где в жакете зияла дырка

— но раны там не осталось.

Я глупо моргал, будто герой комедии. Готов спорить, что так нелепо я не выглядел даже с похмелья.

— Меня убить нельзя… кажется, — растерянно повторила Кэсс. И совсем уж сумбурно добавила: — Извините…

Глава 14

Кэсс открыла дверь в Убежище (за пределами «Адреума» Взломщик помешать ей не мог), куда мы наконец и вошли: оставаться в сегменте с прожорливой флорой явно не стоило.

— Я правда не знала… — начала было Кэсс.

— Верю, — перебил её я. — Как бы вы смогли узнать, что вас не убьёшь — вскрыв себе вены или словив пулю?

Я утёр со лба пот, мельком отметив, что не испачкал рукав: ни на лбу, ни на лице уже не было крови. Разбитый нос не болел, в рёбрах перестал постукивать молоточек: видно, в Убежище аватар «выздоравливал»… Интересно, временно или нет?

Хотя разницы не было — пусть мой Фандор хоть шею себе свернёт: ведь «Адреум», как и «Фрея», для меня теперь закрыт.

Дойдя до кровати, Кэсс проверила слоты. Увидела там заветный бинокль — и выдохнула. А закрыв инвентарь, замерла: даже садиться почему–то не стала… Будто впала в ступор.

— Вы как?.. — запоздало спросил я.

— Нормально… — она всё–таки села. — Я ж оказывается бессмертная — что со мной будет…

Я понял, что Кэсс близка к нервному срыву: всё–таки нож, вонзённый в тело, позитиву не способствует.

Сняв мундир, я набросил его ей на плечи. Оглядевшись, сказал:

— Вам бы сейчас чего–нибудь сладкого… Будь тут кухня, налил бы чай.

— Есть кухня… — отозвалась Кэсс. — И санузел есть… Что же вы думали, тот, кто меня скопировал, не предоставил мне всех удобств?

Она глянула куда–то за мою спину, и стена в той стороне разошлась. Я слегка растерялся при виде кухни с тёмной полированной мебелью, раковиной и окном. За ним вместо космоса был солнечный сад.

Идя к чайнику, я уже знал, что вода в нём горячая, но пить её можно. Такой она и оказалась. Правда, чайник не понадобился: в холодильнике было столько всего интересного, что наливать чай я раздумал.

— Спасибо… — проронила Кэсс, когда я вернулся с чашкой. Пригубив напиток, она застонала от удовольствия. — Мммммм… господи, вкусно–то как!.. Что это?

— Молоко с сиропом. Воспользовался вашим шейкером.

— А я-то гадала, над чем вы там колдуете… — Кэсс осушила чашку, смакуя коктейль. Потом покосилась на своё левое плечо,

куда дроу вонзил кинжал: — Вы правда не думаете, что я опять вас обманывала? В смысле, что нарочно скрыла…

— Не думаю, — прервал её я. — Зачем бы вы стали это скрывать? И потом, знай вы о своей неуязвимости, давно раздобыли бы всё, что вам нужно… Уж точно не играли бы в маскарад, становясь Ингой.

— Я не неуязвима, — кажется, Кэсс слегка обиделась. — Боль я, между прочим, чувствую. И не слабую, а почти как в реале. И вообще… чувствую.

— Я знаю, — тихо сказал я.

На секунду возникла неловкая пауза. Будто спеша её нарушить, Кэсс резко встала:

— Ну что — заценим наш трофей? — вновь открыв инвентарь, она вынула бинокль и несколько мгновений его рассматривала. — Ну вот, теперь он у меня… Знать бы ещё, что мне с ним делать… Не хотите посмотреть?

Я повертел бинокль в руках, про себя отмечая, что Кэсс позволила его взять — хотя ещё утром такого бы не случилось.

— Без толку его разглядывать, — я вернул ей бинокль. — Это просто обёртка — фантик для какой–то программы. Чтобы добраться до изнанки, нужны все три предмета.

Кэсс нехотя кивнула: она тоже понимала, что без куклы бинокль — всего лишь бинокль, а яблоко — всего лишь яблоко.

Подойдя к аватарам, взиравшим с подставок, Кэсс коснулась плеча дрессировщицы Джаль. За её инвентарём (он пока был открыт) высветился второй: тот, что принадлежал дрессировщице. Забрав яблоко из слота, Кэсс его переложила, поместив рядом с биноклем.

— Универсальный аватар, — она ткнула в себя пальцем, давая понять, что имеет в виду своё нынешнее тело.

Я понимающе кивнул. Для таких аватаров (универсальных или просто универсалов) нет преград: они из мира «Звёздных войн» могут попасть в Средиземье, если только сменят костюм, — а потому в их инвентарь можно класть что угодно, от бластера до кольчуги. И бинокль из «Адреума» легко мог соседствовать с яблоком из «Фреи».

Но оказалось, не мог: пробыв в слоте секунду, яблоко выпало на светло–серый ковёр.

Мы замерли в недоумении, будто вместо заурядного фрукта увидели яйцо Фаберже.

Игровой инвентарь — это ведь не гаражная полка… Можно протянуть руку и что–то из него взять — но чтобы из него что–то выпало?.. Да такое невозможно!

Растерянно подняв яблоко, Кэсс вновь попыталась вложить

его в слот, но итог был прежним — с той лишь разницей, что яблоко упало в мои подставленные ладони.

— И как это понимать?.. — проронила Кэсс. — Аватар же универсальный…

Она стала открывать другие инвентари, пытаясь вложить в них яблоко и бинокль — не по отдельности, а вместе.

— Бесполезно, — я прошёлся вдоль строя её персонажей, высматривая универсалов. — Их отличают только внешность и статы. Раз с одним не получилось, то не получится и с другими.

— Вообще–то получилось… — отозвалась Кэсс.

Я с удивлением развернулся.

Кэсс замерла перед шеренгами аватаров. Инвентарь одного из них сиял голограммой. Имея визуальный доступ (ведь Кэсс его мне предоставила ещё до «Адреума»), я видел бежевые слоты.

Две соседние клетки заняли бинокль с яблоком. Рядом пустовала третья — словно ожидая куклу.

— Чей это инвентарь? — обескураженно спросил я.

— Его… — тихо сказала Кэсс.

И показала на Бедуина… На того аватара, в чьём облике её забросило под текстуры.

Иногда очевидное, будто назло, притворяется сложным.

Связка потерянных ключей вдруг издевательски звякнет в кармане брюк, снятых с бельевой верёвки — но не раньше того дня, когда вам уже меняют дверной замок. Страшная болезнь, которую вы себе приписали из–за сыпи на коже, окажется банальной холодовой аллергией, отступающей под натиском мазей. «Экран смерти» на мониторе перевоплотится в надпись «с первым апреля!», а ваш друг–весельчак уже будет хохотать, встав на всякий случай подальше от вас…

Глядя на Бедуина (точнее, на бинокль и яблоко, вложенные в его инвентарь), я себя ощутил прозревшим слепцом.

Бедуин.

Аватар.

Как я раньше не подумал?!

Кэсс им воспользовалась, тестируя «Китеж» — и оказалась под текстурами. А после ДТП в его же теле ожила в ВИРТУСе. Могло ли это быть совпадением?

Могло.

Но что, если Бедуин был триггером — своеобразной кнопкой «Enter», запустившей копирование её личности? Коленчатым валом, толкнувшем маховик событий?

И всё это время аватар был у Кэсс… В Убежище, прямо под носом!

Поборов лёгкий шок (впрочем, Кэсс была потрясена куда больше меня), я спросил:

— Откуда он у вас взялся? — и от волнения тут же задал второй вопрос: — Вы его до «Китежа» использовали?

— Нет… ни разу… — сбивчиво ответила Кэсс. — Я всё считала его каким–то нелепым — даже хотела удалить…

— А в «Китеже» почему о нём вспомнили?

— Было жарко… — Кэсс вздрогнула при воспоминании о том дне. — Я попросила Ингу заменить аватара… Сказала ей взять Бедуина, потому что ему не страшна жара… — она умолкла, затем выдохнула: — Как же я раньше не догадалась…

На это я ничего не ответил. Если уж кому и следовало догадаться, так это мне.

Поскольку Кэсс была в смятении, свой первый вопрос мне пришлось повторить:

— Так откуда он у вас?

— Выиграла в карты… Давно, уже больше года назад.

Кэсс опять глянула на Бедуина — в этот раз так, будто впервые его увидела. Полагаю, такой взгляд мог бы быть у собачницы, распознавшей в своей овчарке волчонка.

Я отвёл Кэсс на кухню, словно был тут хозяином. Пока делал коктейль, она рассказывала:

— Как–то вечером я играла в покер — не в реале, а в ВИРТУСе. И не за полным столом, а хедз–ап… ну то есть один на один.

— Вдвоём, — зачем–то вставил я.

— Нет, не вдвоём… — Кэсс помедлила, подыскивая объяснение. — Там было что–то вроде турнира, но только за хедз–ап столом, где раздачи происходят между двумя игроками. Место проигравшего занимал новый участник, а победитель начинал игру уже с ним.

Я кивнул, вроде бы уловив суть: в итоге отсеивались все, кроме одного.

— В тот день мне везло, — продолжила Кэсс. — Я обыграла уже двоих, и за стол сел третий. Но он вместо денег поставил аккаунт со своим аватаром.

— С Бедуином?..

— Ага. Тот мужик был алкаш — вечно садился играть пьяным. Ему в двух казино дали волчий билет, потому что он всех достал, — Кэсс покосилась на меня (видно, запоздало вспомнив, что говорит с пьяницей), но я дал ей знак продолжать. — В общем, он заявил, что денег у него нет, и потребовал, чтобы ему разрешили Бедуина поставить. Дилер сказал, что решать мне. Ну я глянула на статы — вроде хорошие… Если честно, я просто не

хотела скандалить, вот и приняла ставку: решила по–быстрому его обыграть и не портить настроение.

— А он не сказал, откуда у него Бедуин? — уточнил я.

— Сказал, но я не поверила. В тот день — не поверила… А теперь понимаю, что зря…

Кэсс сделала паузу, и я непроизвольно напрягся.

— Он говорил, что Бедуин сам собой возник в его выбиралке, — она нервно усмехнулась. — Ну кто бы поверил в такое? Я подумала, что врёт или до белой горячки допился…

Кэсс умолкла. Размышляя, я барабанил пальцами по столу.

Аватар сам собой возник в выбиралке?.. Ещё вчера я бы счёл это бредом. Но сейчас сомнений не было: алкаш, с которым она играла, не врал.

Я поднялся со стула:

— Можно взглянуть на его чарлист? — естественно, я имел в виду Бедуина.

Мы прошли в ту часть Убежища, где за окном был космос. Подойдя к аватару, Кэсс открыла его статы.

Первым делом я глянул не на иконки, а на ряд цифр в левом нижнем углу: ряд обрывался троеточием (он был слишком длинным, чтобы высветиться полностью), но при желании его можно было отобразить. Это был идентификационный номер персонажа (сокращённо — ИНП), обязательный для всех аватаров ВИРТУСа. Генерируется автоматически, в момент создания аккаунта. Кому–то может показаться, что наличие последнего делает ИНП бессмысленным, однако смысл тут простой: формирование динамических баз данных всех существующих аватаров — по ВИРТУС-сегментам, уровням и ещё ряду показателей. В общем–то это почти тот же аккаунт, но всего в одной строке, используемый для анализа и статистики.

Во мне при виде этих цифр всколыхнулась надежда. Конечно, есть «фальшивые» аватары, как и возможность выйти в ВИРТУС через «левый» айпи… Но всё–таки — вдруг повезёт и ИНП Бедуина окажется не фальшивкой? Тогда будет шанс узнать, кому он принадлежал раньше… То есть до картёжника, с которым играла Кэсс.

Потом мой взгляд упал на статы:

— Вроде ничего особенного… Бедуин, он же Белый Странник… Почему у него два имени?..

Кэсс мотнула головой — откуда ей было это знать?

Тут в моих мыслях возник образ — смутный, почти неуловимый. Образ исчез, едва коснувшись сознания. Скользнул, будто пёрышко по воде.

Но этого хватило, чтобы я вздрогнул.

— Приват–зона… — рассеянно бормотнул я. — Помните, что сказал Взломщик, когда туда вошёл?

Кэсс на меня глядела с недоумением. Я торопливо произнёс:

— Когда Взломщик позвонил в мою дверь, вы были в своём обычном облике, а затем стали Бедуином. И он, когда вошёл, сказал…

— …что я могла бы и не менять внешность, — вспомнила Кэсс. — Потому что его это не обманет.

— Твой Белый Странник меня не обманет, — процитировал я Взломщика. Детали его визита вдруг вспомнились необычайно чётко. — Белый Странник, понимаете? Странник, а не Бедуин!

Кэсс оцепенела. До неё стало доходить.

— Где он мог слышать это имя? — с азартом продолжал я. — Он за нами следил, пока мы не пришли к Затворнику, так? Но в разговоре со мной вы ни разу не назвали Бедуина Странником!

— А это точно?.. — усомнилась Кэсс.

— Уж поверьте! Я ещё удивился, услышав это от Взломщика… Подумал, почему он вас Странником назвал? Значит, он уже знал, что у Бедуина есть второе имя. Так откуда?

— Потому что это его аватар… — поняла Кэсс. — До того, как попасть в выбиралку пьянчуги, с которым я играла в карты, Бедуин…

— …принадлежал Взломщику, — закончил я.

Спустя четверть часа после нашего с Кэсс открытия мы уже были в неигровом сегменте — но не в парке и не у магазина игрушек, где успели побывать днём: теперь нам был нужен речной канал.

Во всех неигровых сегментах время привязано к реалу и едва ли не в половине — к столичной часовой зоне. Так что здесь, как и в Москве, была ночь, придавшая экзотики и без того экзотичному пейзажу: в воде отражались огни набережной (фонарей там хватало как на домах, так и вдоль озеленённого променада), по каналу неспешно проплывали гондолы (неписи–гондольеры катали влюблённых парочек), а под яркими зонтами расположились посетители летних кафе (хотя в ВИРТУСе летних кафе не бывает — они все круглогодичные). Этот район был чем–то средним между каналами Венеции и улицами красных фонарей в Амстердаме — точнее, их копиями; в реале–то их упразднили, превратив в скучный квартал, никакой связи не имеющий с древнейшей профессией, а в ВИРТУСе с удивительной скрупулёзностью воссоздали.

И тем страннее смотрелась тут китайская джонка, стоящая на приколе у пристани.

Судно казалось готовым к отплытию: два оранжевых паруса, развёрнутых гигантскими веерами, трепетали на бамбуковых реях. Старшина–энписи — хотя слово «старшина» никак не вязалось с колоритным китайцем, разодетым в цветастый средневековый халат — отдавал приказы матросам, а те имитировали бурную деятельность: что–то к чему–то прибивали, вязали узлы, таскали ящики в трюм. Их спешка выглядела фарсом, но никто не придирался — в конце концов, они тут для антуража.

Поднимаясь на борт, Кэсс принюхалась:

— Пахнет не морем, а чем–то острым… Мы правда найдём здесь того, кто нам нужен?

— Не «того», а «ту», — уточнил я. — Боюсь, что найдём.

— Боитесь?..

Вздохнув, я нехотя признался:

— Она последняя, с кем мне хотелось бы встретиться.

Кэсс удивилась, но уточнять ничего не стала. И когда десятью минутами ранее я сказал ей, что кое–кто сможет пробить ИНП Бедуина по базам, Кэсс тоже ни о чём не допытывалась — лишь спросила, что ей лучше надеть.

Мы взошли на палубу. Здесь стояли столики, которых (я это знал) хватало и в надстройке судна: ни к какому отплытию оно не готовилось, будучи всего–навсего рестораном.

— Рад приветствовать уважаемых гостей! — с фальшивым акцентом произнёс старик в ханьфу, встретивший нас у сходни. — Какой столик предпочтёте занять? Если вас интересуют живописные виды, то рекомендую место у левого борта — оттуда можно насладиться пейзажем. Но если господин с госпожой желают уединиться…

— Нам нужна Ольга, — перебил я.

Благодушная улыбка вмиг сошла с лица старика. Поклонившись, он указал на дальний столик между бортом и надстройкой:

— Прошу…

У меня возникло нехорошее подозрение, подтвердившееся, когда мы с Кэсс сели.

Старик что–то шепнул, взмахнул рукой и стал касаться иконок в невидимом нам интерфейсе. Через несколько мгновений между нами и той частью палубы, где трапезничали посетители, зарябил воздух.

Ага, защитный экран… Значит, нас теперь не видно.

Я усмехнулся:

— Здравствуй, Ольга.

Старик стал брюнеткой, которую плохой писатель назвал бы

жгучей. Ханьфу сменился чёрным платьем, в ушах блеснули серьги–кольца, а в глазах вместо учтивости возникла надменность. Готовый образ светской львицы для очередного номера «Vogue».

Краем глаза я заметил выражение лица Кэсс. Если она и удивилась, то виду не подала.

— Зачем ты прикинулась стариком? — я не рискнул выговорить слово «метрдотель».

— От скуки, — Ольга села на стул — благо их за нашим столиком было три. — Превратившись в слугу, можно много чего услышать… особенно если тебя считают неписью. Кстати, как ты там сказал: я последняя, с кем тебе хотелось бы встретиться?

Мне оставалось лишь краснеть. Правду говорят: язык мой — враг мой…

А ещё говорят, что лучшая защита — это нападение:

— Вообще–то подслушивать некрасиво…

— Это смотря кого подслушивать, — Ольга с лёгким интересом покосилась на Кэсс. — Не каждый же день бывший любовник приходит к тебе с новой пассией.

Кэсс мельком глянула на Ольгу, а потом на меня, вероятно, придя к очевидному выводу.

— Ну почему сразу с пассией? — возразил я. — У нас… сугубо деловые отношения. И к тебе мы тоже пришли по делу, — я слегка театрально представил женщин друг другу: — Кэсс, это Ольга, Ольга, это Кэсс.

Кэсс улыбнулась, хоть и сдержанно:

— Рада знакомству.

— Угу, как же… — хмыкнула Ольга. — По делу, значит?

— По делу, — подтвердил я.

Будь я наивен, решил бы, что Ольгу мой визит уязвил, но, к счастью, наивностью я не страдаю.

Мы разбежались год назад после пятимесячного романа (хотя какой к чёрту роман? Эта связь нас ни к чему не обязывала, ограничиваясь пылким, но исключительно виртуальным сексом). Расстались мы мирно, можно сказать, по–дружески… И ревновать меня Ольге вроде бы незачем — тем более, что она нашла мне замену. Если честно, почти сразу.

Ухмыльнувшись, Ольга пробормотала:

— Он пришёл ко мне по делу, чтобы трахнуть моё тело… — она прижала к губам пальцы, якобы устыдившись. Но тут же добавила: — А это дело на шестизначную сумму потянет? Если нет, то учти — я женщина занятая…

— Ольга, имей совесть! — воскликнул я. — Нам просто нужны базы данных. Тебе это на десять минут работы!

— Ты и не представляешь, как много можно сделать за десять минут, — многозначительно поведала Ольга. — Выпить мартини, например… Воспользоваться тональным кремом… Или даже…

Недвусмысленная пауза заставила меня вздохнуть.

— Речь об обычном аватаре, — сказал я (хотя, конечно, не считал Бедуина обычным). — Надо узнать, кому он принадлежал. Заплачу на треть больше стандартной суммы, — помедлив, я с неохотой добавил: — И ещё буду тебе обязан.

— Вот как? — восхитилась Ольга. — Что ж мне попросить взамен? Как насчёт романтического ужина при свечах?

Она вновь глянула на Кэсс, в этот раз вопросительно: будто спрашивала, а не будет ли та против.

— Да ради бога… — отмахнулась Кэсс. — Если хотите, я пересяду.

Ольга звонко рассмеялась:

— Шучу, шучу! Знаешь, — она обратилась ко мне, — а я верю, что у вас с ней ничего нет. Ты что, принял целибат?

Я обречённо покачал головой.

После ещё полудюжины колкостей, которые мне пришлось вытерпеть (с Ольгой иначе не бывает), она–таки сдалась. Переведя ей половину оговорённой суммы, я открыл мессенджер и послал Ольге ИНП Бедуина.

Когда она ушла в свой офис, Кэсс перегнулась через стол:

— Вы спятили?! Она же… она хозяйка ресторана! Откуда у неё базы данных?!

— От Деда Мороза, — буркнул я. — Кстати, заказывать что–нибудь будем? Рекомендую свинину в кисло–сладком соусе. Ещё у них хорошо получается рис с морепродуктами.

Но Кэсс так на меня смотрела, что пришлось объяснить:

— Её брат — сотрудник СББ, — я имел в виду Службу безопасности ВИРТУСа. — Он торгует информацией, используя свою должность. А Ольга — посредник.

— Информацией?.. — удивилась Кэсс. — В смысле, об аватарах? Но кому она нужна?

— Догадайтесь, — хмыкнул я.

Поразмыслив, Кэсс смекнула:

— Обманутым мужьям и жёнам…

— Которые хотят знать, чем их вторая половина занимается в ВИРТУСе, — подтвердил я. — А ИНП аватара позволяет его отследить. В СББ это обычная практика…

Кэсс покачала головой. Мне пришлось себе напомнить, что она совсем юная. О многих вещах, давно ставших для меня очевидными, ей пока слышать не доводилось.

После паузы Кэсс призналась:

— А я сначала решила, что она ваша бывшая…

— Жена? — уточнил я.

Кэсс кивнула.

— Не дай бог… — меня даже передёрнуло: соболезную тому, за кого Ольга выйдет замуж! — Мы просто встречались — относительно недолго… А женат я был давно.

Умолкнув, я стал глядеть на гондолы, где катались любители виртуальной романтики. Я знал, о чём сейчас думает Кэсс: в «Адреуме», когда мы лезли по канату, Взломщик сказал о моём сыне. Конечно, Кэсс это запомнила.

Но от вопросов она воздерживалась, и я в некоторой степени был этому рад — хотя уже не исключал, что готов ей всё рассказать.

— Странно, да? — Кэсс тоже глянула на лодки. — ВИРТУС стал раем для влюблённых. Плывёте себе по каналу, любуетесь красотами… а ведь многие из них сейчас в разных городах. Некоторые — в разных частях света…

— Или в соседних гейм–креслах, — ввернул я. — Просто им в реальной жизни друг с другом скучно. Отберите у них ВИРТУС — и они разбегутся через месяц.

Кэсс поглядела на меня с интересом:

— Думаете, всё так плохо?..

Я пожал плечами, смутно заподозрив, что во мне сейчас говорит Затворник.

— Возможно… — протянула Кэсс. — Но вы ведь и сами такой, как они. Вы говорили, что ненавидите реал.

— Ненавижу, — признал я. — Но я всё–таки помню, что ВИРТУС — это обман.

— А может, и реал — обман? — Кэсс засмеялась, но вроде бы без веселья. — Нет, ну серьёзно — откуда нам знать? Вдруг мы закапываем на кладбище своих аватаров?

С ответом я не нашёлся, но спорить в любом случае не хотел: ведь между правдой и обманом я и впрямь выбрал второе.

До возвращения Ольги мы успели сделать заказ: Кэсс заказала осьминога с креветками и кальмаром, я попросил свинину с яблоками. Из вин выбрали «шардоне»: оно подошло и к морепродуктам, и к моему блюду.

Тут до меня дошло, что наша трапеза начинает смахивать на свидание. Видно, и Кэсс это поняла:

— Только вы не подумайте, что мы… ну… Короче, между нами ничего быть не может, — она метнула в мою сторону быстрый взгляд. — А что я дала вам адрес Убежища, так это так, для удобства, — отправив в рот кусок кальмара, Кэсс беззастенчиво добавила: — Хотя мужик вы неплохой: не тряпка,

не дурак… Если бы мы встретились до моей смерти, то кто знает — может, я и сама бы вас в постель затащила…

Я слегка растерялся от её слов (даже не знаю, что огорошило меня больше — признание в том, что она затащила бы меня в постель, или фраза «если бы мы встретились до моей смерти»).

— Кладбище, смерть… — проворчал я. — Откуда мысли–то такие?

Кэсс передёрнула плечами:

— Я умерла, мне положено…

— Ничего вам не положено, — мне стало вдруг ясно, что за её весёлостью скрыта боль: как у инвалидов, порой высмеивающих свой недуг. — Вы сидите в ресторане, наслаждаетесь видами, жуёте кальмара… Рассуждаете о разнице между реалом и ВИРТУСом… Вы вполне себе живая. Живее многих, с кем я знаком.

— Да? — отложив ложку, Кэсс испытующе на меня посмотрела. — Значит, вы не задаётесь вопросом, в какой я степени человек?

— Задавался, — признал я. — И уже на него ответил.

— Дайте угадаю, — Кэсс с грустной иронией улыбнулась: — Она мыслит — значит, она существует…

— Нет, не так, — я заглянул ей в глаза. — Она слишком красиво улыбается, чтобы быть неживой.

Мой спонтанный комплимент Кэсс не очень–то утешил:

— Любая непись улыбнётся не хуже меня, — она глянула на матросов, якобы готовившихся к отплытию.

— То есть вы мне предлагаете ужинать с ними? — попытался пошутить я.

Но Кэсс мой тон не поддержала:

— Они хотя бы не рефлексируют…

— Конечно — они же энписи. Самоанализ — прерогатива людей.

— И не меняют свою внешность с интервалом в секунду.

— Вы про свои превращения? — смекнул я. — Про приступы?

Кэсс не ответила, но и так было ясно, чт***о*** она имела в виду.

А ещё я вдруг понял, что она боится… вероятно, того, что однажды превращения не остановятся. Что её ждёт бесконечность трансформаций, которые хуже смерти. Или что она и впрямь станет неписью… Одной из марионеток, стоящих в Убежище на подставках.

— Но ведь это прекратится, когда мы доберёмся до куклы, — проронил я. — Вы же сами говорили…

— А если мы до неё не доберёмся? — перебила меня Кэсс. — В «Адреуме» мы справились только чудом, разве нет?

Мысленно я признал её правоту, но вслух как можно твёрже сказал:

— Доберёмся, Кэсс… В ВИРТУСе не бывает безвыходных ситуаций. Этим он от реала и отличается.

Она отвернулась, но спорить не стала — хотя вроде хотела. Да я и сам не удержался от каверзной мысли: безвыходные ситуации бывают везде.

Через минуту вернулась Ольга:

— Две новости — и обе плохие.

Сдвинув стул, она села, и я сразу уловил произошедшую с ней перемену: вместо обычной для Ольги стервозности в ней угадывался страх.

— ИНП — фальшивка? — предположил я.

— Не фальшивка, настоящий… — отмахнулась Ольга. — Но информации о владельце в СБВ нет.

— То есть как?..

— Молча. Нет. Совсем.

— И что это значит? — мрачно спросила Кэсс.

— Что он охрененно большая шишка… но вы же это и так знали, да? — Ольга с укором на нас глянула — сначала на Кэсс, потом на меня. — И всё равно притащились ко мне с его авой… Кого прикажете теперь ждать — ФСБ? ФСО? Или киллера, который меня грохнет?

— Ольга, не приукрашивай, — попросил я. — Никаких киллеров к тебе не пришлют.

— Да? Ты так в этом уверен?

— Ну я-то до сих пор жив… — о случае с дроном я предпочёл умолчать. — А вторая–то новость какая? Ты сказала, их две.

Ольга мрачно усмехнулась:

— Вы его скрытые статы видели? — естественно, имелся в виду Бедуин.

— Скрытые статы?.. — повторила Кэсс.

— Характеристики, недоступные рядовым геймерам, — пояснил я. — Ольга, как бы мы могли их видеть? Они потому и скрытые, что созданы под конкретного игрока. Без его биочипа они не отобразятся, не говоря уж об активации… Мы даже не знали, что они есть.

— О, они есть! — хмыкнула Ольга. — Открылись в дополнительном чарлисте, когда я пробила аватара по базам.

— И?..

Ольга стала загибать пальцы:

— Умение свободно дышать под водой. Термостойкость как у Супермена. Способность остаться невредимым при падении с сотни метров… Короче, полная неуязвимость. Но её может

использовать только тот, для кого всё это предназначалось: как ты и сказал, нужен его чип.

Замолчав, Ольга вновь выразительно на нас глянула.

— Но зачем это всё? — тихо проронила Кэсс.

— Кажется, у меня есть версия, — мне кое–что вспомнилось. — Несколько лет назад «ВИРТУС Корпорэйшн» предложила услугу для вип–клиентов: что–то вроде экстремального туризма, но не в реале, а в ВИРТУСе. Катание на акулах, спуск в жерло вулкана, прыжки с вертолёта без парашюта… — уловив удивлённый взгляд Кэсс, я пояснил: — Это предлагалось миллиардерам, которым уже всё приелось… Тем, кто бесится с жиру.

— И специально для них создали вип–аватаров, — дополнила Ольга. — Ограниченный набор спешл–аккаунтов… по слухам, около тысячи. Ваш Бедуин — из их числа, — она встала, будто спеша от нас уйти (и за это её вряд ли можно было винить) — но перед тем, как удалиться, заключила с сарказмом: — Так что вы с ним поосторожней — ведь он мог принадлежать королю Саудовской Аравии.

Глава 15

После визита к Ольге я вышел в реал, а Кэсс вернулась в Убежище. О том, чтобы сразу отправляться за куклой, нечего было и думать: во–первых, в «Дворге» сейчас ночь, а там в это время творится жесть, во–вторых, следовало выспаться — а иначе от нас толку не будет… Даже геймерам и менторам иногда надо спать.

Однако выспаться мне не дали: в полседьмого утра зазвонил смартфон.

Светясь на прикроватной тумбе, он надрывно гудел, пока я выбирался из сна. Оставив попытки его нашарить (моя рука ткнулась в стакан, в бутылку с минералкой, в пустую банку из–под пива и в упаковку со снотворным, но так и не добралась до гаджета), я простонал:

— Кто?..

Встроенный в смартфон искин мой вопрос понял:

— Видеозвонок от абонента «Лоцкий», — любезно ответили женским голосом. — Включить видеосвязь?

Я поморгал, протёр глаза. Развернулся, неуклюже привалившись к подушке. Сонно посмотрел на тумбу.

За каким чёртом Лоцкий звонит мне по видеосвязи, да ещё и в такую рань?..

— Да… — нехотя буркнул я. Затем подумал и добавил: — Выведи его на телик…

— Принято.

Бардак моей спальни озарился экраном. Я мельком подумал, что неплохо бы встать и хотя бы причесаться, но потом плюнул: в конце концов Лоцкий — не нежная барышня… Переживёт.

— Извини, что разбудил, — сказал он прежде, чем я успел возмутиться. — Но кое–что произошло, и я должен был позвонить. Шеф настоял.

Стойко подавив зевок (челюсти так и силились разомкнуться), я заметил позади Лоцкого знакомые окна: ёжась, он стоял на улице, напротив ОМВД по печально известному району Гольяново. В бытность наркополицейским я там бывал.

С меня в один миг слетела сонливость: надо думать, Лоцкий там неспроста.

— В чём дело? — спросил я.

— Нашли машину, на которой сбили Кэсс, — Лоцкий обернулся к зданию, где трудились стражи порядка. — Здесь, в Гольяново, несколько часов назад. «Форд Фиеста» сорок шестого года выпуска.

Это было так неожиданно, что я несколько мгновений не мог взять его слова в толк.

— Как нашли?.. Где?.. В смысле, кто хозяин?

— Какой–то наркоман, — судя по тону, Лоцкий и сам был растерян. — Зашёл на днях в магазин и обчистил кассу. Его взяли… Говорят, личность в округе известная, у них с братом уже пять судимостей на двоих. Проверили их на причастность к ещё нескольким делам, вскрыли гараж, а там — «Фиеста»… Капот смят, ветровое стекло в трещинах. Эксперты сейчас с ней работают.

— Стоп, погоди… — мне вновь пришлось переваривать информацию. — А с чего ты взял, что это тот самый «Форд»? Может, он в дерево врезался?

— В борткомпьютере осталась история маршрутов, — пояснил Лоцкий. — В это трудно поверить, но её не стёрли. И судя по ней, в день гибели Кэсс машина проезжала у её дома, — Лоцкий сделал паузу, а когда убедился, что я его понял (видно, мой помятый вид вызвал сомнения на сей счёт), вконец меня ошеломил: — И ещё нашли тех, кто отключил камеры.

От этой новости я совсем было растерялся, но после недолгих раздумий смекнул:

— Дай угадаю: в тот же день, когда арестовали торчка?

— Почти в тот же, — признал Лоцкий. — С разницей в шесть часов.

Я с мрачной усмешкой покачал головой. Взяв с тумбы стакан, хотел сделать глоток, но воды в нём не осталось. А потянувшись к бутылке, уронил банку из–под пива.

Лоцкий сочувственно взирал на мои героические усилия.

— Тебе самому это странным не показалось? — добравшись–таки до бутылки, я скрутил крышку и смочил горло. — Нарик грабит магазин, его арестовывают, находят машину — и тут же объявляются взломщики камер… кстати, кто они?

— Какая–то группировка… — Лоцкий устало пожал плечами. — Ни то анархисты, ни то антиглобалисты — их сейчас столько развелось…

— И все развлекаются взломом уличных камер, — ехидно вставил я.

— Эти — развлекаются, — подтвердил Лоцкий. — Сопляки с большим талантом, но без мозгов. Таких много…

«Да уж, полным–полно, — подумалось мне. — С лихвой хватит для выбора козла отпущения».

— Значит, — догадался я, — Рябову мои услуги больше не нужны?

— Ну ты же и сам всё понимаешь, — продолжая говорить,

Лоцкий куда–то зашагал — видимо, к автостоянке, где оставил «Ягуар». — Он хотел знать, кто виноват в смерти Кэсс, а теперь виновник найден. Конечно, надо дождаться итогов экспертизы, но выглядит всё предельно ясно. В знак признательности шеф переведёт тебе половину той суммы, которую ты уже получил. Ещё он просил поблагодарить тебя за работу. Не знаю, успел ли ты к ней приступить, но — спасибо.

Что–то в интонации Лоцкого мне не понравилось, но я списал это на воображение: в свете последних событий ему грех было не разыграться.

Однако смущала ещё и поспешность, с которой меня отзывал Рябов: ну он же не идиот… не мог он не видеть, что виновника ДТП ему подсовывают на блюдечке!..

Хотя о чём это я? Рябов — больной старик… На него могли надавить — к примеру, через его бизнес. Способов сделать это хватает, причём вполне себе легальных. И потом, Рябов жаждал узнать, кто виновен в смерти дочери, — а тут на тебе: готовый ответ… и куда более правдоподобный, чем нелепый баг «Китежа». Пусть интуиция и подсказывала Рябову, что за гибелью Кэсс стоял именно баг, но ведь кроме интуиции есть и соблазн со всем этим покончить: наказать виновного и жить дальше. Может, второе пересилило первое?..

Тут меня что–то побудило спросить:

— А как фамилия наркомана? Того, кто сбил Кэсс?

— А тебе зачем? — удивился Лоцкий.

— Просто интересно.

Лоцкий вроде напряг память, хотя я почему–то не сомневался: он эту фамилию помнит.

— Табищев… Тактищев… Как–то так.

Он дошёл до «Ягуара», оставаясь на связи. Смартфон всё это время парил перед ним. Такие модели в продаже уже лет семь; минипропеллеры, когда надо, выскальзывают из корпуса, умудряясь работать бесшумно (а каким чудом, я и сам не пойму).

По команде Лоцкого дверца «Ягуара» открылась. Он сел за руль — и вдруг сказал:

— Надо бы ещё кое–что обсудить…

— Что именно? — озадачился я.

Почему–то ответ прозвучал отрешённо, будто Лоцкий задумался:

— Позже… Я с тобой ещё свяжусь.

И он дал отбой.

После звонка Лоцкого я сразу встал.

Из услышанного напрашивались два вывода: во–первых, кто–

то сделал так, чтобы Рябов больше не обращался к менторам, а во–вторых, Лоцкий что–то скрывает… И вообще, ведёт себя странно.

Приняв душ, я выпил кофе. На часах уже было полвосьмого утра.

Я сделал в уме быстрый подсчёт. В десять мы с Кэсс должны встретиться в «Дворге» (так мы условились), а значит, время на непродолжительную поездку у меня есть; можно попробовать кое–что проверить… Была, правда, вероятность, что меня ждёт рандеву с дроном, но не сидеть же теперь сутками взаперти?

Надев куртку, я вышел и, не пользуясь лифтом (в угоду совести, скорбящей по физическим упражнениям), спустился во двор.

Горящие окна, горящие фонари, тишина. Под редкими деревьями — ковры влажных листьев. В сумраке разлиты прохлада и свежесть.

Коварных дронов вроде нет.

Без всяких эксцессов дойдя до машины, я завёл двигатель и поехал в Гольяново.

Фамилия наркомана, упомянутого Лоцким, была вовсе не Табищев и не Тактищев: Тарищев. Когда я работал в наркополиции, мы пару раз его брали. Бедолага шестерил на старшего брата, толкавшего опикрафол — ту самую дурь, из–за которой меня погнали со службы: таблетки для любителей кайфануть в ВИРТУСе.

Мне вспомнился долговязый недоросль с вечно бегавшим взглядом. После первого ареста получил условный срок, после второго — сел. А вышел, видимо, недавно — и, стало быть, ненадолго…

Неужели в смерти Кэсс виноват он?..

В теории это было возможно, но сомнения пересиливали — и я рассчитывал их развеять… если только его брат живёт по старой прописке.

В довиртуальную эпоху я бы ехал в Гольяново почти час, а маршруткой и дольше, но теперь, когда пол-Москвы сидит в гейм–креслах, хватило сорока минут — и то потому что утро, час пик (к слову, о маршрутках я вспомнил зря: городская мобильность настолько снизилась, что хватает простых автобусов). Вскоре показались многоэтажки района, до сих пор считавшегося криминальным. Даже не знаю, в чём тут дело: вроде и МКАД за окнами шумит не так, как раньше, и мужики из рабочих кварталов не такие суровые (да и сами эти кварталы преобразились), и близость автовокзала уже не влияет на пресловутый «этнический фактор» (особенно после введения

визового режима со странами ближнего зарубежья), — а слава у Гольяново осталась дурной: процент краж, ограблений и даже убийств здесь по столице один из самых высоких… Может, аура тут такая?..

Отыскав нужный дом, я припарковался у газона и вышел.

Из жильцов мне встретился лишь тощий дедок, выгуливавший лабрадора. На рекламном щите мелькала мебель с сервоприводами: без участия хозяина диван складывался в кресло. С детской площадки вбирал в себя листья робот–уборщик; лабрадор на него поглядывал, но было видно, что к красной «бочке», самостоятельно ездившей по асфальту, пёс давно уже привык.

У подъезда я замешкался, пытаясь вспомнить, где жили Тарищевы: в восьмой квартире или в девятой? Ладно, пусть будет восьмая…

Я коснулся восьмёрки на видеодомофоне, нажал на «вызов» и стал ждать.

Гудки вскоре смолкли, а к домофону так и не подошли — зато после второй попытки пьяный женский голос спросил:

— Кого там несёт?.. Ваще что ли очумели, в такую рань звонить?..

У меня вырвался вздох: отличное начало… А впрочем, я хотя бы не ошибся квартирой.

— Лейтенант Ларин, — солгал я, — отдел по контролю за оборотом наркотиков. Открывайте!

Конечно, я не лейтенант (до двух звёздочек почти уже дослужился, когда вся моя служба пошла прахом), но блефовать надо нагло и не раздумывая.

После недолгой паузы прозвучало:

— Чё?..

Я понял, что дама едва проснулась, и решил брать её на понт — а то ещё удостоверение потребует…

— Дверь, говорю, открой! — рявкнул я. — Или загремишь в отделение вместе с хахалем!

Пять секунд тишины, потом щелчок и звуковой сигнал. Я вошёл, поднялся на первый этаж, позвонил.

Дверь квартиры открыли без пререканий. От отворившей её особы несло спиртным, да и выглядела та соответствующе: желтушное, с землистым оттенком лицо, красный нос, опухшие губы. Волосы грязные, ломкие, мелированные лет сто назад… возможно, тогда же в последний раз и расчёсанные. Взгляд испуганный, злой, но притом вялый — будто его обладательница выбирала из трёх вариантов: раболепно поздороваться, воткнуть в меня нож или пойти спать.

Не дав ей опомниться, я шагнул за порог:

— Мне нужен Денис Тарищев.

Ответ был неразборчив — в таком состоянии внятно не говорят. Я вопросительно глядел на женщину:

— Не понял?..

— Здесь он, сука… — она кивнула на комнату. — А чё такое то?..

Игнорируя вопрос, я огляделся.

Прихожая тесная, захламленная. Вправо (видимо, на кухню) ведёт коридор, а две комнаты — прямо передо мной. Из второй, где включён телик, звучит смех.

— Здесь он… — повторила сожительница Тарищева. — Только щас от него нихрена не добьёшься…

Шагнув в комнату, на которую она кивала, я сразу поморщился. Будь я поинтеллигентней, сказал бы, что воняло экскрементами, но я бывший мент, так что выражусь проще: воняло говном.

«И не надо говорить мне, что толстая жена — это не проблема, — вещал из телевизора комик. — Да, я знаю, любая жена в ВИРТУСе может стать моделью… Но как, чёрт возьми, она войдёт в ВИРТУС, если её не выдерживает гейм–кресло?»

Зрители в зале засмеялись.

Комната оказалась спальней с усыпанным бычками ковром и смятой постелью, где валялась бутылка водки — разумеется, пустая. Низкий стол был завален объедками, у стены блестел строй жестяных банок. Под облупившемся табуретом лежал прозрачный пакетик; в такие часто кладут таблетки, но на плёнке не было ничего — ни логотипа, ни названия… Что бы в нём раньше ни хранилось, это был явно не аспирин.

Я с досадой вздохнул: опикрафол.

Денис Тарищев сидел в гейм–кресле посреди комнаты. Его лоб блестел от пота, руки–ноги подрагивали: передоз вызвал судороги. Но на губах блуждала улыбка, достойная идиота.

Я не стал даже спрашивать, давно ли он так сидит — всё было ясно по вони…

— Э, ну так в чём дело–то?.. — сожительница Тарищева нарисовалась на пороге. — У вас ваще ксива–то есть?..

— Может, тебе ещё ордер показать? — цыкнул на неё я и, не сбавляя напора, добавил: — Он давно виделся с братом?

— Чё?.. С каким ещё братом?..

Я вздохнул: ловить тут нечего, пора ехать назад.

Но женщина вдруг заявила:

— К нему и без брата всякие ходят — задолбали уже… Один недавно приезжал… Какой–то дятел на чёрной машине.

Слова про машину во мне вызвали интерес:

— Да?.. А машина была какой марки?

— Откуда мне знать — я в них не шарю… Он чё, опять во что–то вляпался?

Ясное дело, имелся в виду Тарищев.

— И давно к нему приезжали на той машине? — вместо ответа спросил я.

— Вчера?.. Позавчера?.. — женщина дёрнула плечом: все дни у неё явно слились в один. — А может, и неделю назад… Ток вы учтите, я ваще ничё не знаю: я не при делах, ясно? И дурь его я не жру, — она кивнула на кровать, где лежала бутылка: — Мне вон, своего пойла хватает…

Половину её слов я пропустил мимо ушей: меня заботило другое.

— Как выглядела машина?

— Как–как… Чёрная, обтекаемая… Чем–то на кита похожа: на эту, как её… касатку, — прозвучал глупый смешок: сожительницу Тарищева позабавило собственное сравнение. — Дорогущая, наверно…

Мои ноги приросли к полу.

Чёрная, обтекаемая, похожая на кита. Точно такую же машину я видел вчера — да и сегодня, на экране своего телика. Мне даже довелось в ней ездить.

Это был «Ягуар» Лоцкого.

Я стремглав вышел из комнаты и лишь у двери в подъезд спохватился, вспомнив об оставшемся в кресле Тарищеве:

— Вызови «скорую»! — бросил я через плечо.

Если честно, мне было бы всё равно, испустит ли Тарищев дух, но он мог оказаться соучастником преступления: тем, с чьей помощью подставили его брата (если это и впрямь подстава). Значит, он был нужен живым.

Я сам позвонил в «скорую» и назвал адрес, а затем стал размышлять, стоя посреди двора.

Это что же получается: Лоцкий побывал у Тарищева–старшего незадолго до того, как на его брата повесили гибель Кэсс? Или это был не Лоцкий, а кто–то другой — в конце концов, мало ли в Москве чёрных обтекаемых авто?..

И следом возникли ещё два вопроса: зачем Лоцкому подставлять Тарищева и был ли у него мотив убивать Кэсс?

Я сел в свою «Ладу» и поехал домой, тщетно пытаясь упорядочить мысли. Задание Рябова, и без того запутанное, окончательно стало ребусом.

* * *

Если шариться в потёмках, ища чёрного кота, найдётся лишь мрак.

Я мог до седьмого пота гадать, что к чему: причастен ли Лоцкий к гибели Кэсс, связан ли он со Взломщиком, подставлял ли Тарищева, чтобы дать Рябову мнимого виновника в смерти дочери… Но это был бы поиск во тьме: чёрный кот бы убежал, а я бы тыкался в стены.

Ещё я мог угомониться: Рябов перевёл мне деньги (половину той суммы, что я уже получил — как и обещал Лоцкий), а значит, баста: точка, конец, финита ля комедия. Плевать на яблоко, плевать на бинокль, плевать на куклу… Забиваю на тайны и линяю со сцены.

Но «линять» и «забивать» я тоже не собирался.

Два предмета из трёх уже были у Кэсс — и меня подмывало найти третий… по крайней мере, так мне нравилось думать: дело в азарте, любопытстве и желании дойти до конца, а вовсе не в Кэсс и её улыбке.

Не в Кэсс и её жутких приступах.

Не в стремлении достать куклу прежде, чем Кэсс опять будет лежать на земле, бесконечно превращаясь в своих аватаров.

Ну конечно, не в Кэсс… Всего лишь азарт.

— ВИРТУС-вход!

* * *

При сравнении «Дворга» с «Фреей» или «Адреумом» в глаза бросится вот что.

«Адреум» и «Фрея» — это планеты (если угодно — миры), куда можно попасть из локации выбора; то есть название сегмента совпадает с названием мира. А вот с «Дворгом» всё иначе: это тоже планета, но там не был ни один геймер. Выбрав сегмент «Дворг», вы попадёте не на Дворг, а на Землю, с которой этот Дворг воюет: по сценарию игры дворгиане хотят нас завоевать. Позарившись на Землю–матушку, они к нам нагрянули на звездолётах и слегка расшалились: животных обратили в монстров, часть растений — в мутантов, и даже мертвецов из могил подняли… Говорят, была идея включить в игру великанов (как в одном старом аниме), но не хватило бюджета.

Короче, я это к чему: в сегмент «Дворг» попасть можно, а на планету Дворг — нет. Вместо неё вас ждёт Земля, преображённая

апокалипсисом. Вот такая коллизия.

Я вновь парил в космосе под звуки «Похода». Звёзды, пульсар, газопылевое облако… Посланники Вечности в придуманном мире.

Я глядел на них с грустью, как на старых друзей, снисходительно прощающих мои слабости.

Вы все — красивые фальшивки. Я — не умею жить в реале. Вы всегда меня примете в свой искусственный свет, на который я выменял настоящий.

Ну так примите ещё раз…

Я взял паривший рядом мел — и в пустоте написал «Дворг».

Полёт сквозь космос, яркий свет, суетливое мелькание звёзд… Материки родной планеты, возникшие под ногами… Стремительное, опьяняющее падение…

И, конечно, выбиралка, где стать суперменом мог каждый слюнтяй.

Тут не было ни барельефов, ни причудливых механизмов. Вместо них в тёмном зале царил погром, освещённый мигающими плафонами: из пробоины в стене топорщилась арматура, другая стена, бывшая интерактивной панелью, была разбита, с потолка свисали оборванные провода (многие из них искрились), а на полу скрючились трупы неписей. Судя по их камуфляжной одежде, это место было военной базой: разработчики явно задались целью с первых же минут игры нагнать на геймеров страху, вот и сделали соответствующую выбиралку.

Я прошёл в конец зала к уцелевшей стене, где традиционно выстроились аватары.

Почти все они были в мрачных костюмах: комбезы, ветровки в стиле милитари, жилеты с кучей карманов, капюшоны, армейские берцы, балаклавы… Причём исключительно тёмных оттенков — от грязно–серого до чёрного. Выделялся один лишь экзоскелет, у которого все пряжки выкрасили бардовым: он так эффектнее смотрелся.

Как и в случае с «Адреумом», я избрал аватара в простой одежде: кожаная куртка и джинсы. Комбинезоны и плащи (не говоря уж о броне) повысят защиту, но снизят ловкость, а мне она ох как нужна: в той части «Дворга», где лежит кукла, важнее подвижность, а не защита. Почти все энписи там палят разрывными, а значит, комбез всё равно не спасёт: уж лучше экзоскелет выбрать… Но с прокачанной ловкостью (её я развиваю во всех сегментах, так что мой здешний аватар не уступит в проворности Фандору с Хьюнгом) мне удобнее играть «налегке».

Я ткнул пальцем в аватара — и он исчез; его джинсы и куртка теперь были на мне. Я стал Жаком Муре, бывшим военным,

задающем трезвону врагам всех мастей: зомби, мутантам и просто бандитам, которыми кишит «Дворг»… точнее, просторы полуразрушенной Франции, где предстояло играть.

— Начать игру, — сказал я.

Как и раньше, дверь возникла на месте пропавшего аватара: открылась, поманила светом. Почему–то мне вспомнился мрачный стишок: пригласила–позвала да на плаху завела…

Но я уже вошёл в свет, гоня эту мысль прочь. Время дарить девочкам куклы, а плаха пусть подождёт…

Глава 16

В прошлый раз, играя в «Дворг» (наверное, лет сто назад), я сохранился у амбара сгоревшей фермы, где–то в столичных окрестностях. А заветная кукла лежала в Париже, на Елисейских Полях. Нас разделяли просёлки, деревни и десятки километров не самого лёгкого пути.

Но я знал, что преодолевать их не придётся — ни пешком, ни на машине.

Порывшись в карманах, я нашёл бинт и складной нож–мультитул. А под курткой в кобуре висел «Дезерт Игл» — здоровенный пистолет, обожаемый кинематографистами прошлого. Во время былых похождений по «Дворгу» я влип в переплёт и потерял почти весь арсенал; «Дезерт Игл» был единственным, что осталось.

Достав его из кобуры, я проверил обойму. Из восьми патронов (сорок четвёртый калибр, «Магнум») в ней было шесть. Значит, буду экономить…

Загнав патрон в патронник, я поставил оружие на предохранитель и убрал в кобуру. Увы, инвентаря тут нет: всё, что захотел присвоить, надо носить с собой. Реалистичность, блин…

Пытаясь сориентироваться, я осмотрелся.

Пейзаж походил на картинку из хоррора: старый амбар, окружённый репейником, пожарище на месте двухэтажного дома, навес с дровами и колодец. А вокруг — сплошной лес, почти весь облетевший. Репей тоже зачах, как и прочая растительность. «Ну да, — вспомнил я, — ведь «Дворг», как и «Адреум», сегмент «осенний»… Что–то мне на них везёт».

А следом подумалось, что я сглупил: дёрнул же меня чёрт сохраниться в такой глуши!.. Я помог клиенту с квестом, забросившем нас сюда, и, поленившись вернуться в город, вышел в меню. Зато теперь надо возвращаться в Париж… Быстрым, но не самым приятным способом.

Сообразив, где юг, где север, я пошёл на юг — через лес, по смутно знакомой тропинке.

Узкая тропка пестрела листвой. Было зябко и безветренно, небо, хоть и голубое, отдавало враждебностью — или мне так казалось из–за ворон: те кружили над лесом, тревожно горланя. Для нагнетания жути не хватало лишь зомби: в «Дворге», как в любом постапе, мертвечины полно…

Впрочем, зомби–то мне и нужен… а точнее, мне был нужен Привратник.

Но прежде я нашёл то, что он сторожил.

Синие молнии стали видны шагов через сорок: между деревьями будто вспыхивало электричество. Из–за шелеста листьев, по которым я шёл, мне не было слышно треска разрядов, но зато на поляне, озаряемой вспышками, он стал оглушительным: когда я её достиг, мне стало казаться, что здесь горят высоковольтные провода.

Сунув руку под куртку, я достал пистолет и снял его с предохранителя.

Привратник явился через минуту.

К моему огорчению, это была собака: бельгийская овчарка с длинной мордой, стоячими ушами и уже свалявшейся шерстью. Встав прямо под молниями, пёс зарычал. В его глазах горел огонь — столь же синий, как и пляшущие над ним сполохи.

Я вздохнул: не люблю стрелять в собак… Даже если они неписи и давно мёртвые.

Но Привратник мне выбора не оставил.

Я уже взял его на мушку, когда он на меня прыгнул. Стараясь не попасть в грудь (главное — не задеть сердце), я выстрелил.

И чуть не оглох: где молнии, там и гром…

Происходи это в реале, я бы точно промахнулся: без частой практики из «Дезерт Игла» не постреляешь. К тому же палить из него неудобно: пистолет так подпрыгивает, что может вывернуть запястье. И не стоит верить фильмам, где хрупкая девушка стреляет из «Дезерт Иглов» по–македонски…

Но это был ВИРТУС — и я попал в цель.

Голову пса разнесло пулей «Магнум». Взметнулись жуткие ошмётки, с деревьев взмыло вороньё. На траву упало тело… Без головы.

Вздохнув, я подавил брезгливость: это ещё цветочки. Самое скверное впереди…

Вернув оружие в кобуру, я достал нож.

Жужжащие молнии были порталом, позаимствованным «Дворгом» у фэнтезийных сегментов: якобы дворгиане, прибыв на Землю, нарушили законы бытия, из–за чего повсеместно возникли «дыры» в пространстве (куда же без них!). Часть этих «дыр» можно использовать — если знать, как.

Скрепя сердце присев над поверженным зомби, я перевернул труп. Нет, лучше про сердце сейчас не думать…

За те пять минут, что я работал ножом, в адрес сценаристов и их «блестящих» идей много чего прозвучало… Закончив, я вытер лопухом нож и вложил его в карман. Затем поднял синее, светящееся изнутри сердце — и шагнул в стену молний, пляшущих между сосен.

Если бы не сердце Привратника, моего аватара бы убило, но сейчас я не только избежал смерти: в моих ушах прозвучал голос, вопросивший, куда я хочу попасть. Конечно, я не мог назвать Аляску или Москву: нужно было выбрать место, связанное с данным порталом. Голос любезно мне их перечислил.

— Портал на улице Вожирар, — выбрал я.

И вовсе не потому, что там якобы жил Арамис (всё равно эту улицу «Дворг» изуродовал и в ней мало что осталось от романов Дюма): просто именно там мы должны встретиться с Кэсс.

Прежде, чем портал сработал, я вновь достал пистолет: Привратник есть не только на входе, но и на выходе.

Глухомань сменилась городом в один миг, неуловимо для глаз: только что я был в лесу — и вот уже стою на улице… Правда, молнии не угасли, но вместо леса теперь были дома — невысокие, старинные, цвета грейдж (вроде так называют серое с бежевым). Сосны слева и справа превратились в витрины, где от стёкол остались одни осколки.

Памятуя о Привратнике, я оценил обстановку.

Вдоль дороги тянулась цепочка машин — с разбитыми окнами и следами от пуль. На многих не было колёс: видно, пошли на баррикады. Другую дорогу, примыкавшую слева, перекрыли противотанковые ежи и взорванная бронетехника: раскуроченные танк и зенитка.

Именно оттуда ко мне шёл Привратник — точнее, бежал… А ещё точнее — бежала.

Это была женщина средних лет, в некогда красивом и дорогом платье. Её кожа была серой, вместо глаз будто вставили пару синих стекляшек. Двигаясь на четвереньках (на высоких каблуках бежать неудобно даже после смерти), зомби кровожадно рычала.

— Бонжур, мадам, — сказал я — и прострелил ей башку.

Тут как в старом сериале «Ходячие мертвецы»: главное — попасть в голову…

Я быстро ушёл с открытого места, оставив портальные молнии за спиной. Незачем красотами любоваться… Хотя здешние «красоты» для «Дворга» — обыденность.

Война с пришельцами тут обыграна оригинально. Собственно, её и нет — злые инопланетяне, наведя шороху, словно бы испарились: либо им что–то на Земле не понравилось, либо они просто ждут, пока остатки человечества вымрут сами (среди игроков бытует версия, что для дворгиан один год — как один день, и век–другой перерыва они могут себе позволить). Так что после их вторжения люди предоставлены сами себе: мы воюем с мертвяками, мутантами и друг с другом.

Вот поэтому улица Вожирар смахивала на Сараево времён Боснийской войны, а не на место высадки НЛО.

Я стал быстро пробираться на юго–восток — к зоне нубов, как её принято называть: каждый, кто входит в «Дворг» впервые, начинает игру там. А Кэсс в этом сегменте — нуб (всего раз тут была и умудрилась погибнуть в начале игры), так что оттуда она и начнёт. Потому мы и решили там встретиться.

На то, чтобы добраться до нужного места, ушло полчаса. Увидев на асфальте зелёную линию, я её быстро пересёк и, перестав жаться к домам, пошёл открыто: в зоне нубов нельзя стрелять и нет враждебных энписи. Тут можно расслабиться.

Будто это подтверждая, раздались голоса:

— Говорил, надо было и дальше дамажить! Это ж нежить восьмого уровня!.. Знаешь, какой с неё лут мог выпасть?!

— Да какой нафиг лут? Мы бы там полегли…

— С таким баффом не полегли бы…

— Да она нас дебаффила не по–детски…

Я сразу смекнул, что речь не про «Дворг» и что спорят не профи, а новички (не только потому, что они в зоне нубов: в «Дворге» быстро привыкаешь вести себя тихо, а не орать во весь голос). Но разодеты а-ля сталкер, словно огонь и воду прошли.

Когда мы поравнялись, я спросил — исключительно в целях эксперимента:

— Мужики, какое сегодня число?

Умолкнув, они уставились на меня. Потом тот, что был слева, сказал:

— Восемнадцатое… кажется.

— Семнадцатое, — возразил другой.

— Ага, — кивнул я и пошёл дальше.

Вообще–то было девятнадцатое.

Мне стало и смешно, и грустно. А ещё — немного стыдно, потому что они — мой хлеб.

Кэсс ждала у Участка: так здесь называли место, где можно получить квест и пополнить боезапас. Это и впрямь был участок: по сценарию игры (к слову, он на редкость глупый), в нём располагалось отделение полиции по какому–то там округу. После вторжения дворгиан местные копы навели тут порядок, который умудрялись блюсти по сей день.

Приземистую двухэтажку окружали мешки с песком и пулемётные гнёзда; предполагалось, что возведут и бетонные стены, для строительства которых пригнали технику. У орудий сидели дружественные энписи, над округой летали дроны. В сторону одной из улиц, перекрытых ежами, уставилось дуло танка.

Вот рядом с тем танком Кэсс меня и ждала.

— Ну как там в реале?.. — спросила она, едва я подошёл.

Её вопрос заменил приветствие. Я уловил скрытый подтекст: «В реале, куда мне не выйти».

— Да всё по–старому, — бросил я. — Мор*я* не вскипели, конец света не настал… Леди Гага собралась лететь на Луну… Видимо, хочет домой.

Кэсс прыснула. Я был рад, что поднял ей настроение.

Её новый облик меня впечатлил: узкие брюки милитари (в серых городских тонах), расстёгнутая военная куртка, тёмная футболка в обтяжку. В наплечной кобуре — пистолет, на тактическом ремне — запасные магазины. И смотрелось всё это с брутальным шармом, достойным подиума.

Заметив мой взгляд, Кэсс расценила его по–своему:

— Я хотела автомат взять, но новичкам не дают: говорят, сначала квест пройти надо…

— Будет автомат, — пообещал я. — Идёмте.

Мы вошли в двухэтажку и, миновав охрану на проходной (она тут для антуража), свернули в открытое полутёмное помещение.

На привинченных к стенам стендах было оружие: карабины, автоматические и снайперские винтовки, дробовики, ручные пехотные пулемёты, пистолеты… На отдельных полках лежали ножи и гранаты, в ящиках покоились боеприпасы.

А заведовал всем этим энписи в военной форме — крупный, с рыжими усами. Сержант Фреэль, если не ошибаюсь. Всё–таки красивые у французов фамилии…

Предупреждая вопросы, я извлёк из кармана липкое, покрытое синевой сердце, заботливо обёрнутое лопухом:

— Достал из Привратника, — положив сердце перед сержантом, я глянул на оторопевшую Кэсс: — Даже не спрашивайте…

Грузный Фреэль склонился над стойкой и полминуты изучал мой трофей.

— Отлично, сдам в лабораторию, — заключил он и посмотрел на меня: — Потянет на полтинник опыта… или меняете на стволы?

— На стволы, — сказал я.

Такая в «Дворге» система: вместо опыта можно брать оружие (если ты рядом с Участком или другим местом, где есть оружейная). Нубам, конечно, так делать не стоит, но я-то не нуб… Да и нуб в любом случае не убил бы Привратника: чтобы попасть в голову зомби, скачущего на тебя со всех ног, нужно прокачать стрельбу. У меня на это месяц ушёл.

Пока мы с Кэсс осматривали стеллажи, решая, что взять, я

улучил момент и спросил:

— А вы Лоцкого хорошо знали?

— Лоцкого?.. — удивилась Кэсс.

Я кивнул.

— Да не очень… А почему вы спрашиваете?

Я уклончиво пожал плечами. Говорить о подозрениях, возникших у меня утром, было бы преждевременно.

— Он работает на отца, — взяв с полки здоровенный нож, Кэсс повертела его в руках. — Занимается безопасностью, поручения разные выполняет. Мы толком и не разговаривали — так, здоровались при встрече…

— А виделись вы с ним часто?

— Да не то чтобы очень — я ведь в пансионе жила: приезжала на каникулы, да и то не на все. Но если уж честно, я его избегала.

— Избегали?.. — повторил я.

— Он всё казался мне каким–то озлобленным, — Кэсс помедлила, подбирая слова. — Или обиженным.

— На кого? — заинтересовался я.

— Думаю, что на всех, — серьёзно ответила Кэсс. — На весь мир. Помню, был один случай: я как раз вернулась на лето из пансиона. У нас водитель заболел, а Лоцкий его подменял. Ну и вот, свернули мы на заправку, а там ошивался какой–то нищий — и давай к нам приставать… Так Лоцкий на него как гаркнул!.. Он ведь всегда спокойный, сдержанный… то есть таким он мне казался. А тут матом заорал, да ещё трёхэтажным. Но потом будто вспомнил, что я сзади сижу: притих, сконфузился… Я тогда и решила, что он на людях маску носит, а внутри прячется вот этот, который матом…

Умолкнув, Кэсс на меня глянула. Я кивнул (мол, понимаю, что она имеет в виду) и задался вопросом, значит ли это хоть что–то. С одной стороны, с каждым бывает: может, день у Лоцкого выдался неудачный? С другой, мне вспомнился наш разговор в баре, когда я просёк, что он бывший чекист: Лоцкого это уязвило. Я готов был дать зуб, что со сменой работы он не смирился; был бравым рыцарем плаща и кинжала, а стал мальчиком на побегушках… Прислужником у бизнесмена. И недовольство могло множиться в нём годами.

Но, опять же — значит ли это хоть что–то?..

Побродив по оружейной, мы выбрали обещанные сержантом «стволы». Поначалу я позарился на стрелково–гранатомётный комплекс (автоматическую винтовку в тандеме с гранатомётом), но затем передумал и выбрал эргономичную «ФН СКАР»: штурмовую винтовку с неплохой точностью и слабой отдачей. Модифицированный приклад и укороченный ствол почти

превратили её в пистолет–пулемёт, что при прокачанном навыке стрельбы очень кстати: можно стрелять одной рукой. Это сложно в реале (попробуйте с одной руки палить из трёхкилограммовой дуры, да ещё очередями!), но только не в «Дворге»: реалистичность здесь ценится до тех пор, пока не мешает играть в Рэмбо.

— Мы берём это, — положив перед Фреэлем два «ФН СКАР» (с запасными магазинами — для себя и для Кэсс), я добавил к ним патроны для «Дезерт Игла». Не лишним был бы и глушитель, но увы: я взял всё, что мог взять в обмен на сердце Привратника.

Вооружившись, мы покинули Участок.

— Что теперь? — спросила Кэсс. — Сразу пойдём за куклой?

— Не так быстро, — бросил я. — В «Дворг» вы играли всего раз, верно?

Кивнув, Кэсс словно в оправдание уточнила:

— Зато я в других шутерах зависала сутками. Если боитесь, что я не умею стрелять, то…

— Не в этом дело, — вздохнул я. — Стрелять вы, может, и умеете, но в «Дворге» вы новичок. А значит, условия для вас будут хуже: быстрая утомляемость, повышенный риск быть замеченной энписи… Даже отдача при выстреле будет сильнее, чем у меня, хотя у нас одинаковое оружие.

— И к чему вы ведёте? — нахмурилась Кэсс. — Что мне лучше остаться, а за куклой вы отправитесь сами?

— Нет, — я мотнул головой. — Этот было бы разумно, но — нет. Мне кажется, куклу должны взять вы. Сам не знаю, почему… Считайте это интуицией.

Кэсс промолчала, но было ясно, что и она так думает. Я продолжал:

— Кукла лежит у Триумфальной арки. Там перебили почти всех зомби, но зато полно банд. И они время от времени друг в друга стреляют.

— Очень похоже на «Адреум», — ввернула Кэсс.

— Не совсем, — возразил я. — Во–первых, вместо кланов здесь шайки неписей, а во–вторых, они тут везде. Мы попробуем с ними не пересечься, но если что–то пойдёт не так, то…

Я замялся в поисках нужной фразы (не хотелось говорить «то тогда нам кранты»), но Кэсс уже всё поняла:

— Ясно, — она вдруг помрачнела: — А ведь есть ещё Взломщик…

— Вот о нём пока забудьте, — решительно сказал я. — Мы не знаем его планов, так что без толку гадать, что у него на уме: будем решать проблемы по мере их поступления. Наша главная задача — достичь арки.

— Как? — кратко спросила Кэсс.

Я пожал плечами: у меня не было инструкций, кроме самых простых.

— Продвигаться будем скрытно. Если наткнёмся на мертвяка, то после выстрела нужно сразу же уходить… и вообще, нельзя задерживаться на одном месте. Но перед аркой придётся торчать в укрытии: во–первых, из–за тех же банд, во–вторых, каждый геймер, посещающий «Дворг», считает своим долгом туда сунуться. Доходят до неё не все, но кому–то везёт… и обычно они метко стреляют.

Кэсс молча слушала. Возможно, всё это ей было известно (на форуме «Дворга» полно советчиков), но от прописных истин вреда не будет — в отличие от пущенной в лоб пули.

Завершив инструктаж, я зарядил «ФН СКАР»:

— Ну что, в путь?

— В путь, — сказала Кэсс.

И первой пошла к зелёной черте, знаменующей выход из зоны нубов.

Париж в «Дворге» прослыл городом квестов.

Его улицы пустынны по одной простой причине: те, кого сюда заносит, выполняют индивидуальные или групповые задания, в основном связанные с достопримечательностями: с замком Иф, Лувром, собором Парижской Богоматери, конечно, с Эйфелевой башней… Таких мест несколько десятков, и они из живописных туристических объектов превратились в зловещие игровые локации, где создатели «Дворга» поселили монстров.

В их числе и Триумфальная арка, у которой лежит кукла.

Вот потому–то я о кукле и знал.

Однажды, выполняя квест, я увидел её в луже. Полагаю, что куклу там видели все, кто проходил через арку. Её нижняя часть почти скрыта водой, но всё же заметно, что ноги у куклы отломаны. А верхнюю видно отчётливо: яркий наряд (хотя уже не совсем яркий — платье из пластика запачкалось грязью), рыжие волосы, большие глаза… И судя по намокшим крыльям, жалобно торчащим из–за спины, к «Клубу Винкс» (очередная полнометражка по мотивам мультсериала не так давно вышла в ВИРТУСе и широко рекламировалась) бедная кукла имеет непосредственное отношение.

И вот тут возникал логичный вопрос: если Взломщик не хочет, чтобы кто–то взял куклу, почему дал ей лежать у всех на виду? К биноклю и яблоку было трудно приблизиться, а вдобавок они хорошо охранялись, — но ведь кукла не под охраной!.. Она просто лежит себе на асфальте, словно ждёт, пока её заберут… И

как это понимать?..

Ну ладно, допустим, Взломщик что–то предпримет против Кэсс и меня, и у арки нас ждёт засада (к слову, я не сомневался, что она нас там ждёт) — но как насчёт других геймеров? Им нельзя помешать туда подойти по элементарной причине: Триумфальная арка — важный объект… не какой–то каньон в игровом захолустье. Там проходят сотни квестов, и для тех, кто вовлечён в них, арка превращается в инстанс: исполнители квестов друг с другом не встретятся, даже придя к ней одновременно. Как и любой игровой инстанс, Триумфальная арка может копироваться до бесконечности: кого–то ждёт там бой с мутантом, кто–то прямо под аркой наткнётся на зомби, а какой–нибудь геймер в это же время будет палить в неё из огнемёта — потому что очень сложно удержаться от соблазна поджарить гигантского паука, нагло сидящего на скульптурах… И для каждого из них Триумфальная арка с её окрестностями (стало быть, и с куклой тоже) будет дублироваться.

А кроме тех, кто занят квестами, есть праздно шатающиеся игроки — и именно о них я предупреждал Кэсс: они от безделья прутся к достопримечательностям, справедливо полагая, что найдут там на свою голову приключения. Но выходит, что кукла для всех будет одна — и для них, и для вошедших в инстанс?.. И в теории любой её может взять?..

У меня голова пухла от этих вопросов, но и догадка одна имелась… Из–за этой догадки я и решил, что мы с Кэсс должны идти вместе — хотя в одиночку добраться до куклы мне было бы проще.

Выйдя из зоны нубов, мы пошли на север, избегая открытых мест. Двигались перебежками, от дома к дому. Считалось, что выживших тут нет: дворгиане применили какой–то газ. Жильцы–энписи — те, кто уцелел — ушли в другую часть города, а здесь всё опустело — если не считать зомби, мутантов и разгулявшихся банд.

Иногда мне казалось, что сюжет «Дворга» придумал ребёнок…

Но зато визуально всё было на высоте: бугристый, растрескавшийся асфальт; разбитые, зловеще зиявшие окна; уже пожухшая трава, пробившаяся сквозь трещины в тротуаре; разбитые автомобили, запущенные бульвары, запустелые, лишившиеся витрин магазины, следы от пуль и воронки от снарядов… Париж оказался отличным подмостком для постапокалипсиса: город изыска и мрачных горгулий будто был создан для сцен разрушения, вписавшихся в его изящество и гротеск.

А населяли это место очень странные жители.

Первый звук был совсем тихим. Идя вдоль трёхэтажки, мы с Кэсс услышали странный шум, донёсшийся откуда–то сверху — будто кто–то был на балконе. Балконы тут большие, с красивыми коваными перилами — и по ним явно кто–то шёл… а точнее, перепрыгивал с одного на другой.

Когда звук повторился, я прильнул к стене дома и бесцеремонно прижал к ней Кэсс.

Взглянув через улицу на другие дома (разумеется, с такими же точно балконами), я заметил что–то чёрное, мелькнувшее вдоль стены: будто кошка перепрыгнула с места на место. Или, скорее, небольшая пантера.

Я подавил в себе досаду: встречи с мутантами избежать не удалось…

Обернувшись, я увидел второго преследователя: он метнулся за машины, ржавевшие у тротуара. Но я всё же успел поймать его взгляд — злобный, с хищной желтизной. Очень стильно смотревшийся на угольно–чёрной морде…

Бегло глянув по сторонам, я никого больше не увидел, однако радоваться не стоило: где двое, там и десяток. А если кто–то считает, что кошки не живут стаями, ему следует сыграть в «Дворг».

Плохо… Если честно, очень.

У здешних зверушек нет привычки нападать «в лоб»: они преследуют жертву, постепенно сужая круг. Это длится часами, пока у игрока не сдают нервы. Кто–то начинает палить во все стороны (обычно впустую), кто–то бросается бежать, кто–то просто устаёт и утрачивает бдительность. Но итог всегда один: геймер теряет аватара, киски утоляют голод.

Я ждать такого итога не стал — и пошёл через дорогу, знаком позвав за собой Кэсс.

— Что вы задумали?.. — прошептала она.

Я усмехнулся:

— Покормить их.

Войдя в тёмный проулок, мы ускорили шаг.

По шорохам и отдалённым звукам, у которых нет названий (словно чем–то очень мягким бьют о что–нибудь твёрдое) было ясно, что котики не отстали… хотя я на это и не рассчитывал. Они могут прыгать с крыши на крышу и знают места, где можно спуститься. А те, что преследовали нас по балконам, наверняка уже спрыгнули и присоединились к мутанту, юркнувшему за машины. Вероятно, их было штук семь или восемь, но столько же особей примкнёт к ним в ближайшие пять минут. Четырнадцать–шестнадцать «мурок» — средний размер дворговской стаи.

Попетляв в закоулках, мы вошли в разрисованный граффити двор. По рисункам было ясно, что здесь начинается территория банд: уродливые символы с тонкими линиями, черепа, люди с оружием… Надписи, пусть и на французском, выглядели зловеще; я мог изменить настройки и включить перевод, но не стал этого делать — ничего полезного тут нет.

— Это же… — с испугом начала Кэсс.

— Знаю, — тихо перебил я.

Теперь надо было сделать так, чтобы охотничий инстинкт кисок пересилил глас рассудка — или что им там его заменяет — и заставил их наброситься на людей сразу, без игры в кошки–мышки.

Я извлёк из кармана нож.

Поскольку этим же ножом я вырезал сердце зомби, пришлось использовать лезвие для консервов: подставив ладонь, я аккуратно её рассёк.

— О боже… — вырвалось у Кэсс.

Опустив руку, я позволил крови стечь на асфальт. Кэсс поняла, что я задумал, и обречённо проронила:

— Мы же не успеем…

— Просто доверьтесь мне, — сказал я.

И быстро повёл её через проулки.

А те всё петляли, спускаясь под тупым углом: очевидно, квартал находился на всхолмье. Тесные арки и узкие лестницы следовали одна за другой, словно в древнем монастыре.

— Они всё ближе… — с тревогой шепнула Кэсс.

— Знаю, — тихо бросил я.

Не требовалось прислушиваться, чтобы это понять: по моим пальцам текла кровь, уже учуянная мутантами. Минут пять — и я начну слабеть от кровопотери. Но за эти пять минут произойдёт одно из двух: я либо забинтую руку (в непродуманном «Дворге» этого хватит, чтобы остановить кровь), либо нас растерзают.

Перед очередной лестницей раздались голоса. Я почувствовал запах сигаретного дыма, услышал чей–то пьяный хохот. Значит, мы уже пришли.

Взглянув на Кэсс, я прошептал:

— Это Ацтеки, одна из местных банд. Мы на границе их владений, так что здесь их немного — десять–пятнадцать энписи. И нам надо очень быстро мимо них проскочить.

— Да они же нас…

— …не убьют. Если попробуем пройти незамеченными, нас точно пристрелят — но мы так делать не будем. Наоборот: станем орать, махать руками и создавать максимум шума. И обязательно кричите «спасайтесь»… хотя нет — лучше «помогите».

Во взгляде Кэсс проступило понимание.

— Вы сумасшедший… — прошептала она. — Думаете, это сработает?..

— Я же сказал: доверьтесь мне.

Сзади глухо зарычали — мутанты были уже близко. Ещё несколько секунд — и инстинкт погонит их на добычу.

Взяв у Кэсс автомат, я повесил его ей на плечо. То же самое сделал со своим «ФН СКАР». Надо дать понять Ацтекам, что на них не нападают: те при нашем появлении должны растеряться, а не начать в нас палить.

— Готовы?..

Кэсс кивнула.

— Тогда вперёд!

И мы с воплями ринулись вниз по лестнице.

Будь мы в какой–нибудь комедии, сцена была бы ещё та. Сбежав по ступеням, мы врезались в двух оторопевших Ацтеков (Кэсс кричала «помогите», я — «спасайтесь») и, едва не сбив их с ног, выскочили в проходной двор. Неписей тут было не меньше десятка: кто–то курил на ступенях крыльца, кто–то резался в карты за складным столиком, кто–то попросту пил. Конечно, те, кто мог, вскочили — остальные были пьяные и обкуренные, — но мы с Кэсс пронеслись через двор даже раньше, чем они сняли оружие с предохранителей.

А за нами по лестнице сбежали мутанты.

Мне не пришлось даже оглядываться: всё было ясно по воплям. Ацтеки стали лёгкой добычей — застигнутые врасплох, не успевшие понять, что происходит, они смогли сделать всего пару выстрелов — а после их крики разнеслись по проулкам. В конце двора я всё–таки оглянулся и, удовлетворившись увиденным (смотреть долго не стал — не люблю расчленёнку), повёл Кэсс к новой лестнице, ведущей наверх: надо было поскорее обойти это место и вернуться на улицу.

На ходу бинтуя руку, я пожелал кискам приятного аппетита.

Глава 17

Как и ожидалось, мутанты от нас отстали: им хватило Ацтеков.

Квартал, где они нас преследовали, быстро остался позади, а затем мы миновали запущенный сквер и вновь пошли вдоль домов. Местный пейзаж уже стал привычным — безлюдные улицы, трава на асфальте, брошенные машины. Тела мёртвых горожан, попадавшиеся на пути, мы обходили стороной — и вовсе не из брезгливости: просто до сих пор не ясно, почему трупы превращаются в зомби (авторы «Дворга» предоставили геймерам самим разгадывать эту тайну), а значит, любой здешний жмурик — это потенциальный зомбяк. И оказаться с ним рядом в момент воскрешения не хотелось.

На одном из перекрёстков зрелище было особенно мрачным: на дороге лежал ребёнок. Рядом ржавел помятый велик, на который наехал джип. Видимо, предполагалось, что вторжение дворгиан спровоцировало аварию.

При взгляде на маленькое мёртвое тело мне захотелось пристрелить создателей «Дворга»… ну хотя бы из хардбольной пневматики — чтобы синяк остался.

И тут как по заказу раздались выстрелы.

Тишину разорвала автоматная очередь, за которой последовал залп из двустволки. С гулким хлопком взорвалась граната. Дважды пальнули из винтовки — судя по звуку, из мощной «Баррет», способной прошить броню.

И снова очередь.

— Что это?.. — с испугом спросила Кэсс.

Я не ответил, пытаясь понять, где идёт перестрелка. Но уже было ясно, что выстрелы доносятся с севера, со стороны Елисейских Полей. Примерно оттуда, куда мы шли.

— Это у арки? — поняла Кэсс.

Я мрачно кивнул.

А пальба шла по нарастающей: прогремел новый взрыв, затрещал пулемёт. Ему лаконично ответила «Баррет». Уже знакомый автомат выдал новую очередь, будто боясь от них отстать.

— Это банды энписи, — я сел на бордюр, тянущийся под мостом — вдоль одной из двух улиц, сходившихся в этом месте. — Они тут иногда воюют…

— Иногда?.. — у Кэсс уже явно возникла догадка. — И как часто?

Отвечать не хотелось, но я честно сказал:

— Обычно раз в месяц…

— А последний раз когда воевали?

Я устало вздохнул, глядя на Кэсс. Конечно, она уже всё поняла.

— Насколько я знаю, на той неделе.

Кэсс уныло усмехнулась. Посмотрела в ту сторону, где шёл бой:

— Это Взломщик, да?

Я не ответил — вопрос ведь был риторическим…

Усевшись рядом со мной, Кэсс уставилась на асфальт. Над нами была эстакада (в реале её построили сравнительно недавно — четверть века назад), слева и справа темнели опоры. Здесь можно было отсидеться без особого риска попасть кому–нибудь на глаза.

— И что теперь?.. — спросила Кэсс.

— Ждать… — угрюмо бросил я. — Два часа, три… или даже до завтра…

Кэсс покачала головой:

— Он ещё что–нибудь придумает. На что угодно пойдёт, лишь бы нас к кукле не подпустить.

Я молчал, понимая это не хуже неё.

— Я иду к арке, — Кэсс встала. — Попасть туда завтра будет не легче, чем сегодня. Лучше покончить со всем сейчас.

— Нет, Кэсс, — я тоже поднялся.

— Меня убить нельзя, забыли? Пусть стреляют на здоровье — пока патроны не кончатся.

— Это плохая идея, — жёстко возразил я.

— А у вас есть другая?

— Пока — нет. Но будет. Даю слово.

Кэсс опять глянула туда, где шла перестрелка:

— Ну изрешетят они меня… да пусть даже гранатой взорвут!.. Отлежусь, встану и пойду дальше… Больно, но я перетерплю.

Меня передёрнуло.

— Никуда ты не пойдёшь.

— Что?.. — оторопела Кэсс. — Да с какой стати вы мне указываете?..

— Вот с этой.

Я привлёк её к себе и поцеловал.

Всё вышло спонтанно: я и подумать ни о чём не успел. Всего мгновение назад я этого делать не собирался.

Но бывает, что мгновение значит больше, чем год.

Это было как в реале. Не как с неписями на одну ночь, не как с Ольгой. С Кэсс всё было по–другому.

Реальный вкус, реальный запах. Реальные волосы под ладонью. Реальные губы, от которых не оторвёшься.

Это было реальней самого реального реала на свете.

«Ни за что и никогда» мигом кануло в бездну…

Наш поцелуй под грохот выстрелов был на удивление долгим. Затем прозвучал шёпот Кэсс:

— Ты же вчера сказал, что у нас сугубо деловые отношения…

— А ты — что между нами ничего не может быть, — напомнил я.

И Кэсс будто встрепенулась от моих слов:

— Конечно, не может… — она отстранилась. — Не может, Клим!.. Я же… я сама не знаю, кто я…

— Кэсс Рябова, девятнадцать лет, бывшая тестировщица, — мне словно что–то ударило в голову, хотя я и не пил. — Находчивая, красивая… и настоящая.

— Откуда ты знаешь?.. — прошептала она.

— Просто знаю, — сказал я. — Ниоткуда… так бывает.

Это было чистой правдой — и мне было стыдно, что я в её «настоящности» сомневался. А ещё стало обидно, что я глупил накануне: «ни за что и никогда» завело меня не в ту степь…

Иногда разум — плохой советчик. И из–за его занудства я потерял вчерашний день.

— Знаю, Кэсс, — повторил я.

И шагнул к ней.

Я видел, что она боится — не меня, конечно… она боялась отношений вопреки своим же словам… вопреки доводам о том, что и в ВИРТУСе можно не быть одинокой.

Она поверила в свою фальшивость — и боялась её выставить напоказ.

Но за этим её страхом пряталась девушка, не разучившаяся любить… Пряталась другая Кэсс.

И другая Кэсс победила.

Она создала дверь в Убежище — но не затем, чтобы уйти: дверь послушно возникла у неё за спиной, и Кэсс, попятившись туда, увлекла меня за порог.

В Убежище мы буквально ввалились.

Помогая и мешая друг другу раздеться, мы в каком–то диком танце достигли кровати — той, что смахивала на облако. Вспыхнул ночник (Кэсс даже касаться его не пришлось), но я уже видел в свете пульсара, какое у неё великолепное тело… Юное и упругое, оно словно пылало в моих объятьях, изгибалось в бесстыдных позах, но с податливой игривостью отвечало на ласки.

Тонкие пальцы, с пылом царапающие плечи…

Частые вскрики и жар дыхания…

Лавина всех мыслимых видов блаженства, безудержно слившихся в одной точке.

А за окном сияли звёзды, будто за нами наблюдая. Пускай смотрят — мне не жалко.

Мокрые и измождённые, мы с Кэсс лежали в приятной истоме.

Наши ватные тела словно были одним целым, и я чувствовал её приятную тяжесть. Чувствовал волосы у себя на груди. Чувствовал её запах.

Этот запах мне нравился. Нравилось, как она дышит, прижимаясь ко мне. Нравилось, как она молчит.

Мы лежали, лениво лаская друг друга, наслаждаясь тишиной и отсутствием слов.

Конечно, мы вернёмся в «Дворг» — и доберёмся до куклы; решение, как это сделать, я непременно найду. Но сейчас я был рад, что война энписи нарушила наши планы — и спасибо тебе, Взломщик, за этот «тайм–аут»… Если б не он, всё могло сложиться иначе.

Нарушив молчание, Кэсс прошептала:

— А дальше–то что, Клим?..

— Дальше?.. — рассеянно повторил я. — Дальше будет завтра. Потом — послезавтра. Потом… потом опять будет «дальше». Просто будет. Мы с ним как–нибудь разберёмся.

На секунду отстранившись, Кэсс заглянула мне в глаза и вновь положила на меня голову. Её волосы блестели в свете пульсара, будто он желал их коснуться. Если так, то я его понимал.

Мне вдруг вспомнилась фраза, прозвучавшая прежде, чем мы стали близки: «*…я сама не знаю, кто я…*»

Господи, какая же она глупая!..

А кто мы все — обитатели этой несчастной планеты, бесчисленные клетки чудовищного организма, именуемого человечеством? Погрешности мироздания — или часть некоего вселенского плана? Творцы своих судеб — или рабы неизбежности? Обречённые сгинуть на смертном одре — или имеющие шанс шагнуть в Вечность?..

Вопрос «кто я» задавали себе немногие (по крайней мере, всерьёз) — и ещё меньше тех, кто нашёл ответ. Кэсс ничем не хуже нас, живущих в реале… Уже хотя бы потому, что его себе задаёт.

— Я ведь здесь навсегда… — тихо проронила Кэсс.

— Не только ты, — ответил я. — Любой, кто входит в

виртуальность, становится её рабом. Разве это не «навсегда»?

Кэсс помотала головой — хотя это не так–то просто, когда лежишь на чьей–то груди.

— Клим, у тебя есть реал… Хороший он или плохой, но ты можешь выйти…

— Могу, — подтвердил я. — Но в мой реал лучше не выходить. В нём давно уже пусто.

Мы снова какое–то время молчали — и я будто услышал немые вопросы, которые Кэсс не решалась задать.

И почувствовал потребность на них ответить.

Отдав шёпотом команду, я открыл интерфейс.

В «Дворге» нет инвентаря, но мой дворговский аватар принадлежит к классу универсалов, так что в прочих сегментах инвентарь открыть можно. В нём лежат вещи, не относящиеся к играм.

Личные вещи.

Я коснулся ячейки, где была фотография.

Фото выросло в размерах, став голограммой: у озера стоит мальчик, держа пойманного карася. Взгляд лучится восторгом, на который способны только дети.

Кэсс невольно улыбнулась и тихо спросила:

— Твой сын?..

— Ванька… — отозвался я. — День рожденья… Семь лет.

Это фото я не открывал долго, боясь смотреть на него. На другие Ванькины фотографии я смотреть тоже боялся, но на эту — особенно. Светлый радостный день, август, солнце и зной… Я бы просто обжёгся тем потерянным светом, безрассудно решившись в него заглянуть.

Но зато я всё помнил.

Ванька что–то тараторил, держа бедную рыбину и гордясь уловом, а я искал удачный ракурс. Жалко, что в кадр не попала Лариса: моя бывшая жена взошла на пригорок, чтобы снять нас обоих. «Летающие» смартфоны тогда только появились, и мы всё снимали вручную.

Карась, который был у Ваньки (как и два его собрата, угодившие в ведро), должен был стать нашим обедом, но мы всё пережарили. Типичные горожане, редко выбиравшиеся на природу… Даже к платным водоёмам в паре километров от МКАД.

Но потом мы поехали в торгово–развлекательный комплекс (один из переживших конкуренцию с ВИРТУСом) и оторвались по полной: сходили в кафе, посмотрели кино, сыграли в квест. Сын вдоволь пострелял в тире, который вначале счёл скучным: любой тир в его глазах проигрывал виртуальности. Но после двух

выстрелов было бы проще отнять львёнка у львицы, чем у Ваньки — арбалет.

Это был прекрасный день.

А через год Ванька умер.

— Рак мозга, — тихо сказал я. — Мы многое можем лечить, но не всё. Для мозга протезов ещё не придумали.

Кэсс нашла пальцами мою ладонь. Удивительно, но мне стало легче.

Конечно, я не мог рассказать ей всего.

Как рассказывать про месяцы адской борьбы, когда мы с Ларисой стали седеть? Про обманчивое время надежды (болезнь тогда вроде бы отступила) — и новый кошмар, ещё хуже предыдущих? Про безысходность и желание уже не проснуться?..

О таком говорят в фильмах, а в жизни молчат. Настоящее горе словами не выразишь.

Но об одном рассказать следовало: о том, почему я взял из вещдоков опикрафол. О том, почему развёлся с Ларисой (точнее — она со мной). Я знал, что если промолчу, Кэсс ни о чём меня не спросит, но это путь в никуда: незаданные вопросы — мины замедленного действия… Их лучше сразу обезвредить.

Поэтому я произнёс:

— Когда стало ясно, что надежды уже нет, я подключил Ваньку к ВИРТУСу. Ему нельзя было, а я всё равно подключил…

Я боялся, что Кэсс от меня отстранится — но она прижалась плотнее.

Она всё поняла…

— Оставался всего месяц… — продолжал я. — Даже с обезболиванием и снотворным это был бы месяц мучений. Поэтому я взял тот чёртов опикрафол и…

— Клим, не нужно… — прошептала Кэсс. — Не оправдывайся…

Но я должен был закончить:

— Лариса тогда в больницу слегла — сдали нервы… А сиделку я выгнал, чтобы не помешала. И мы с ним два дня играли… Он не помнил, что болеет: вообще забыл про реал… думал, всё вокруг взаправду. Всего–то полтаблетки понадобилось…

Кэсс молчала, но осуждения в её молчании не было: только боль. Моя боль, которую она разделяла.

— Там была одна игра — межсегментарная… — я невольно улыбнулся, но даже безумец не счёл бы ту улыбку весёлой. — Надо было пройти квест в семи разных сегментах: выполнить семь заданий и узнать семь цифр. Нам с Ванькой дали мел и деревянную скрижаль — якобы из храма какой–то богини: на той

скрижали мы цифры записывали. Если бы записали все семь, нам открылся бы какой–то секрет. Но мы дошли только до пятой…

Я осёкся, однако нашёл в себе силы продолжить:

— Из–за ВИРТУСа ухудшилось кровоснабжение в поражённом участке мозга. Я знал, что так будет… пошёл на это осознанно, понимаешь? Да и сейчас бы пошёл… — голос мой дрогнул, но я сказал правду: жестокая правильность того выбора у меня сомнений не вызывала. — Мой сын прожил меньше, чем мог бы прожить, но он не страдал. Он играл и был счастлив… Играл до последнего…

Я умолк, а Кэсс гладила мои волосы. Пульсар беспардонно лил на нас синеву.

Через какое–то время я снова заговорил:

— Мне дали условный срок: не за опикрафол — я ведь вернул б*о*льшую часть таблеток, а за Ваньку… Лариса подала на развод. Она ни в чём меня не винит, но жить вместе мы уже не смогли, — прижимая к себе Кэсс, я полушёпотом признался: — Потом я пил почти полгода — даже продал оставленную дедом квартиру. А ещё вымещал в виртуальности свою злость: заходил в те сегменты, где кровь льётся рекой, и пачками крошил монстров — будто они в чём–то виноваты… Шёл туда, где можно драться, и бил всех подряд, пока не избивали меня. Думаю, это стало зависимостью, как спиртное… Но одна зависимость спасла меня от другой — потому что без игр я бы спился окончательно, — мои губы скривились в мрачной усмешке. — А в один прекрасный день я кое–что понял. Это случилось, когда я взглянул на свои статы. Раньше–то я их не открывал — они меня вообще не заботили. А тут открыл… И обнаружил, что они офигенно высокие. А я ведь и цели такой не ставил! Тогда–то я и осознал, что увлёкся — или подсел… и что играю я теперь больше, чем пью. Ну а когда кончились деньги, занялся менторством… правда, сначала всего в двух сегментах: в тех, что хорошо знал. Вот так всё и завертелось, — вдохнув запах волос, щекотавших мне шею, я закончил: — Мне не нужен реал, Кэсс… разве что из–за кухни с ванной. Мой реал здесь — как и твой…

Я замолчал, и мы вновь лежали в тишине.

Зная, что в «Дворге» идёт перестрелка и путь к Триумфальной арке закрыт, мы с Кэсс ещё час оставались в Убежище. Но стоило ли расстраиваться? — нам ведь было, чем заняться…

Потом я ненадолго покинул ВИРТУС: принял душ, переоделся. По очевидной (пусть и деликатной) причине виртуальный секс причинял вполне реальные неудобства… А модным девайсом для ВИРТУС-интима я не пользуюсь: пусть меня

сочтут консерватором, но один его вид внушает мне ужас.

Покончив с досадными мелочами, я опять сел в гейм–кресло. Кэсс к тому времени задремала. Подумав, я открыл мессенджер и послал ей записку:

«*Я в «Дворге», вернусь через 20 мин.*»

Из Убежища я вышел туда же, откуда в него вошёл — на перекрёсток с эстакадой, где мы с Кэсс целовались.

Тут ничего не изменилось: покорёженный велик, ржавеющий джип, маленькое мёртвое тело. Слева горбился светофор, рядом лежал оборванный провод. Магазин за дорогой был мрачен и пуст — под стать голым, уродливо тощим деревьям.

Никогда не любил постапокалипсис…

Под несмолкавшую стрельбу (а та всё ещё звучала) я опять сел на бордюр.

Участников перестрелки, похоже, прибавилось, причём в ход уже пошла артиллерия. То и дело гремели взрывы. Пулемёт на их фоне звучал трещоткой, льстиво вторившей барабанам.

Я даже озадачился: что это — война кварталов? Но как Взломщик её спровоцировал?

Впрочем, задаваться следовало иным вопросом: как теперь дойти до куклы?

Сидя на бордюре, я думал.

Банды энписи не могут воевать вечно: непорядок почти сразу заметят админы. Уже должны были заметить… И принять меры.

Тут я испытал сомнение: а вдруг это не Взломщик?..

«Дворг» часто ругали за бессистемность: в режиме кампании (как в групповом, так и в одиночном) он динамичен, но, отклонившись от сюжета, игрок обрекался на скуку: мог часами бродить и не знать, чем заняться. Многочисленные квесты — а они тут неплохие — ситуацию не спасали. Посещаемость «Дворга» снижалась так быстро, что ему грозила убыточность.

Так может, админы нашли выход?.. Придумали какую–то новую жесть, началом которой и стала пальба?..

За этими размышлениями я не заметил, как появилась Кэсс.

Она вышла из двери, ведущей в Убежище, и я мельком подумал, что эта дверь отличается от той, что ведёт в приват–зону… Не знаю, чем, но отличается. То, на что способна Кэсс, выше законов ВИРТУСа.

— Клим?..

Я мотнул головой: мол, тут всё по–прежнему.

Кэсс услышала грохот и помрачнела. Опустилась на бордюр, обняла меня за плечи, прижалась щекой.

— Что делать будем?..

Я молчал.

Вариант был один, и он мне не нравился.

Требовалось отвлечь воюющих энписи — всё равно, на кого: на игроков или других неписей. А значит, надо искать союзников, что займёт минимум день. Но за день многое может случиться; даже если стрельба — не дело рук Взломщика, его нельзя сбрасывать со счетов: он точно попробует нам помешать. Это очень опрометчиво — дарить ему день.

Правда, был способ сделать всё в одиночку (а значит, и быстрее), но большинство геймеров его бы и не рассматривали: слишком низок шанс на успех. Пожалуй, не выше, чем в русской рулетке с на две трети заряженным барабаном.

Тут мои мысли прервал шорох.

Оказалось, малыш на перекрёстке задёргался: шевельнулась рука, по асфальту заскребли пальцы. Голова приподнялась, демонстрируя два жутких глаза: в них загорелся синий свет — основной признак всех дворговских зомби.

— Твою ж… — мне второй раз за сутки захотелось прибить сценаристов. А ведь раньше меня такой трэш не смущал… Видно, с возрастом и впрямь становишься консервативней.

Сняв с плеча «ФН СКАР», я щёлкнул затвором, но Кэсс меня опередила: без единого слова приблизилась к монстру и разнесла ему голову.

— Спасибо… — бормотнул я.

— Клим, пойдём лучше отсюда, — она с тревогой озиралась. — А то ещё другие явятся.

Я кивнул и встал с бордюра. Глянув на зомби, отвернулся. Теперь и не поймёшь, мальчик это был или девочка…

И тут меня словно прошиб ток.

— Клим?.. — Кэсс всмотрелась в моё лицо, но я ей не ответил: с глаз моих будто сошла пелена.

Я взглянул на ржавый велик и на смявший его джип. Потом — вновь на зомби, не успевшего встать.

Мальчик это был или девочка…

— Мы идиоты, — сказал я.

— Клим…

Я замотал головой.

ДТП стало подсказкой: джип, смявший велосипед. Эта авария напомнила мне другую: ту, о которой сказал Затворник.

— Диана Кнежик попала в детстве в аварию, — прошептал я. — Её отец погнал на «красный», и в них врезался джип: он их протаранил слева, где сидела Кнежик, — я уставился на Кэсс: — Тот мальчик, который был под текстурами… на какую он хромал

ногу?

Кэсс не ответила — застыла… И это был самый внятный ответ.

Через несколько секунд мы уже вбежали в Убежище. Кэсс открыла интерфейс и, войдя в Сеть, ввела запрос:

диана кнежик в детстве

Открыла картинки — и ахнула.

Короткая мальчишеская причёска. Грубые черты лица. Джинсы с рубашкой вместо платья.

Мы глядели на фото, не находя слов.

Глава 18

Ну что тут скажешь? Мальчик оказался девочкой…

Даже взрослая, Кнежик не отличалась женственностью. Да, она выглядела стильно; ей со знанием дела подбирали наряды (сама она вряд ли тратила на них время), короткая стрижка подчёркивала овал лица, а его резкие черты умело сглаживались визажистами. Но их работа не могла скрыть характер: его жёсткость проступала сквозь любой макияж.

Наверное, в детстве Кнежик часто принимали за мальчика.

Вот и Кэсс приняла.

Временно забыв про «Дворг», мы стали искать сведения о Кнежик: в статьях, на сайте «ВИРТУС Корпорэйшн», в её редких интервью. Мы надеялись на чудо: ну а вдруг повезёт найти что–то важное — подсказку, как в «Дворге»?.. И желательно такую, чтоб всё сразу стало ясно…

Но наши надежды не оправдались.

Информации о Кнежик было поразительно мало, а та, что имелась, укладывалась в избитый шаблон: «родился–учился–работал». Биографические статьи лишь повторяли друг друга, а то детское фото, что попалось нам с Кэсс, оказалось единственным в своём роде. Да и взрослых фотографий было меньше, чем у любой другой знаменитости: Кнежик редко появлялась на публике. Со СМИ она держалась сухо, соцсетями не пользовалась (звучит дико, но факт!), а про личную жизнь известно было лишь то, что она разведена. Видно, адвокаты Кнежик из кожи вон лезли, чтобы данные о её семье не попали в общий доступ: «мама ВИРТУСа» хотела быть отшельником не только в реале, но и в Сети.

Изменивший мир гений остался для всех загадкой.

— Клим, ну это же абсурд! — Кэсс глядела на фото Кнежик. Интерфейс перед нами давно стал монитором, а ниже было подобие клавиатуры: режим голограммы для обычного поиска не годился. — У ВИРТУСа ведь столько пользователей!.. Нам вживляют биочипы, которые она создала… И мы ничего о ней не знаем?..

— Видимо, этого ей и хотелось, — высказал я банальную мысль. — А её армия юристов смогла это обеспечить.

Кэсс откинулась на стуле. Вид у неё был подавленный.

— Можно проторчать тут вечность, — мрачно изрекла она, — и всё будет без толку. Кнежик уже год мертва… Даже если допустить, что меня скопировали из–за неё, то какой в этом смысл? И почему она выглядела ребёнком? Да тут мозги можно

сломать!.. — Кэсс внезапно осеклась и посмотрела на меня: — Думаешь, Бедуин принадлежал ей?

Я лишь покачал головой: от гипотез и домыслов толку не будет.

Мы ещё четверть часа промаялись с гуглом, неспособным ответить на наши вопросы. Их была тьма, но я уже не ждал многого: для начала хватило бы и слухов… к примеру, о том, над чем Кнежик трудилась в конце жизни: ведь это могло стать зацепкой. Пока в «Дворге» стреляли, нам ничего не оставалось, кроме как попытаться распутать клубок, возникший под текстурами «Китежа»; раз уж выяснилось, что с Кэсс говорила копия Кнежик, можно было попробовать это сделать.

Но нам попросту не с чего было начать.

— Полный облом… — бросила Кэсс. — Только время теряем.

Я глядел на монитор, где опять была Кнежик: три десятка фотографий — и все бесполезны… Будто части мозаики, где стёрся узор.

Как свести их воедино, если вместо чётких линий остались обрывки?

Да очень просто: найти искусствоведа.

— Сделаем вот что, — я взглянул на часы. — Ты продолжай пока искать, а я кое–кого навещу.

— Кого? — удивилась Кэсс.

— Того, кто восхищался Кнежик. И он знает о ней больше, чем написано в «Википедии».

У магазина «Friendly Toys» стоял звонкий гомон: внутрь входила орава мальчишек лет восьми–девяти. Дождавшись, пока рядом никого не останется, я повторил обычный алгоритм действий: прошёл вдоль сквера у ограды, взялся за один из прутьев — тот, который выгибался — и со вздохом пропел:

Споёмте же песню под громы ударов…

Если честно, я в ту минуту боялся.

После вылазки в «Адреум» Затворник на меня зол. Из–за моей авантюры его взломали (или попытались взломать — я ведь не знаю, чем кончилось дело), и за это он как минимум потреплет мне нервы… А как максимум оборвёт со мной все контакты.

К счастью, второго не случилось: меня, как и раньше, перенесло в буферную зону — и это была хорошая новость.

Плохая состояла в том, что буферной зоной оказалась канализация.

Я угодил в мрачный тоннель — полукруглый, вонючий, с тёмной водой (в ней я, кстати, и стоял). Впереди брезжил свет (видно, где–то там был люк — либо с решёткой, либо открытый), слева и справа блестели стены — бугристые, склизкие, отвратительные даже на вид. Где–то тихо раздавалось заунывное «кап–кап».

«Ну спасибо, Затворник…» — подумал я.

И задался не слишком приятным вопросом: если в буферной зоне всё так «радушно», то что будет дальше?..

Досадный ответ я вскоре узнал.

Пришлось сначала ввести коды, отыскав на стене анархистские лозунги. Затем был привычный уже «моцион», когда вокруг — одна лишь тьма. А едва она рассеялась, я оказался в…

Вот блин!..

Раскинув руки, я с трудом сохранил равновесие.

Подо мной вместо пола была плита — вроде каменная, не больше квадратного метра. Плита висела в воздухе сама по себе. А под плитой (мама родная!..) бурлила раскалённая лава… или это была магма?.. Чёрт её знает, я всё забываю, чем они отличаются. Короче, что–то там бурлило, и оно мне не нравилось.

Но то, что было вокруг, понравилось мне ещё меньше.

Потоки раскалённой лавы (или всё–таки магмы?) низвергались отовсюду: я как будто был над озером, окружённом водопадами. Берегов (если те вообще были) я не видел, а наверх даже не стал смотреть: меня меньше всего интересовало, есть ли тут небо.

— Надо же — сам пришёл… — сказал откуда–то Затворник. — Ну и как предлагаешь с тобой поступить: топить сразу или по кусочкам?

Рядом что–то пролетело — то ли меч, то ли копьё… Я как–то не разглядел.

— Привет, Затворник, — бросил я. — Твоё гостеприимство вызывает искреннее восхищение.

— О, ты ещё не всё видел! — обнадёжил меня Затворник. — У меня для тебя столько всего припасено…

Из расплава высунулась акулья морда и, щёлкнув зубами, заставила меня вздрогнуть.

— Затворник, это неправдоподобно, — попытался сострить я, — акулам в лаве не выжить…

— Это магма, неуч, — укорил меня Затворник. — Предполагается, что мы под землёй, недалеко от ядра.

— Тогда тем более неправдоподобно — я бы сразу сгорел…

Ну вот кто меня за язык тянул?!

Магма с бульканьем стрельнула бело–оранжевой каплей. С

трудом увернувшись, я заорал:

— Затворник, прекращай! Я пришёл поговорить!

— Интересно, о чём? — осведомился Затворник. — Может, о твоих словах «ничего сверхсекретного взламывать не придётся — всего–то сервер «Адреума»»?

— Но ведь всё так и было, — удивился я. — Ты же влез в сервер «Адреума», а не в Пентагон…

— Да уж лучше бы в Пентагон! Из–за твоих выходок меня чуть не взломали!

— Так ведь не взломали… — заметил я.

— Потому что я гений, — скромно сообщил Затворник. — Но если ты думал, что тебе сойдёт это с рук…

Он умолк, но из лавы… тьфу ты, то есть из магмы вновь высунулась акула.

— Злопамятство — грех… — я глядел в акулью пасть: та разверзлась жуткой бездной в обрамлении зубов. Господи, да это мегалодон какой–то!.. — Затворник, ну к чему эти дикости? — я невольно попятился, хотя пятиться было особо некуда. — Ты ведь даже не пострадал…

— Не пострадал? — гневно бросил Затворник. — А чем я, по–твоему, всю ночь занимался? Думаешь, просто вышел из ВИРТУСа, удалил временные файлы, запустил сканнер и перезагрузился? Мне пришлось делать такое… да ты не поймёшь по причине невежества!

— Ну так злись на того, кто всё это устроил, — я не сводил глаз с акулы, явно предвкушающей трапезу. — С ним разбирайся, а не со мной!

— Разобрался бы, если бы знал, кто это.

— Так найди… — предложил я. — Могу дать зацепку: он связан с Дианой Кнежик.

Потоки магмы застыли, бурление внизу прервалось. Из жгучей массы осталась торчать акула. Будь это какой–нибудь старой игрой (из раритетов времён приставок), я бы сказал, что нажали на паузу.

Откуда–то сверху спустился Затворник, стоящий на гладкой плите, как и я — но его плита была втрое больше моей.

— С Дианой Кнежик? — повторил он.

Я напрягся и кивнул.

Теперь будет одно из двух: либо падение, либо беседа.

Но падения не последовало — Затворник был явно заинтригован.

Про себя я отметил, что он снова в пижаме: видимо, опять спал в ВИРТУСе. Значит, его разбудил искин. И хорошего тут мало: раз Затворник «связал» будильник с моим визитом, то лишь

затем, чтобы меня побольнее четвертовать.

Но он вопреки моим мыслям сказал:

— Так и быть: твоё смертоубийство откладывается.

— Надолго? — полюбопытствовал я.

— Пока глупые вопросы задавать не начнёшь! — отрезал Затворник — и нехотя пояснил: — Хочу знать, почему меня чуть не хакнули. Но лучше бы это было что–нибудь важное, а иначе мою крошку, — он кивнул на акулу, — ждёт сытный обед.

— Важное?.. — повторил я. — Да без проблем… Как насчёт программы, способной изменить мир?

Но Затворник не впечатлился:

— Таких сотни… Про Torrent не слыхал? Про старые медиа–плееры? Да мир когда–то изменил обыкновенный пакет Office!

— Тогда как насчёт программы, позволяющей жить в ВИРТУСе?

— Мы и так в нём живём. Лично я выхожу всего дважды в день — догадайся, зачем.

— Жить в*е*чно, Затворник. И никуда не выходить.

Он пару секунд переваривал услышанное. Затем спросил:

— Ты про создание ВИРТУС-клонов?..

— Прости, но деталей пока не скажу, — из–за Кэсс я и правда не мог их озвучить: нельзя рассказывать, кто она — ни Затворнику, ни кому–либо ещё. — Но что смогу, объясню позже — когда сам во всём разберусь. Поверь, ты такого не услышишь нигде. А ещё с меня коньяк.

— Винтажный портвейн, — буркнул Затворник, явно забывший своё обещание со мной не пить. — Насчёт той программы… Ты мозги мне не пудришь?

Я покосился на акулу:

— Стоя в метре от неё? Да ещё и над лавой?

— Над магмой, — проворчал Затворник.

— Хорошо, над магмой. Нет, не пудрю — такая программа действительно есть. То, во что я сейчас влип, напрямую с ней связано.

В ответ последовал сарказм:

— Менторство стало опасным делом… И что, во всём этом была замешана Кнежик?

— Думаю, да, — подтвердил я. — Но не знаю, каким боком. И мне позарез надо выяснить, чем она занималась незадолго до смерти.

Затворник вроде задумался. Пока он размышлял, ни послать ли меня к чёрту (а размышлял он явно об этом), я воззвал к его гордыне:

— В интернете про Кнежик самый минимум информации. А

ты много о ней знаешь…

— Не так уж и много — только слухи, — явно поскромничал Затворник. — Ну и официальную биографию.

— Да бог с ней, с биографией… — решил я. — А вот слухи — то, что нужно. Особенно за последние годы. Конечно, я тебе заплачу…

Но Затворник отмахнулся:

— Я зарабатываю горбом, а не сплетнями — ими я и так поделюсь. Но за тобой будет должок.

— Какой? — слегка напрягся я.

— Когда придёшь снова — а ты рано или поздно придёшь, назовёшь мне того гада, который меня чуть не хакнул. Это моё условие, ясно?

— И что ты с ним сделаешь? — полюбопытствовал я.

Не то чтобы меня это волновало — просто стало интересно.

— А это зависит от его положения, — рассудил Затворник. — Слышал про социальную иерархию викингов? Ярлы, карлы и рабы. Так вот, если он из ярлов, то я даже не рыпнусь. Если из карлов, подумаю. А если он мелкая сошка — это, конечно, вряд ли, но вдруг? — то я всю его жизнь спущу в унитаз: этот засранец даже пиццу не сможет себе заказать!

Меня передёрнуло. Надо намотать на ус, что злить Затворника опасно…

— Хорошо, — сказал я (кстати, не кривя душой: чутьё подсказывало, что имя Взломщика мне вскоре станет известно). — При следующей нашей встрече ты узнаешь, кто пытался тебя взломать.

И затаил дыхание: как бы Затворник не передумал. Но он кивнул (мол, по рукам) и сообщил:

— В общем, знаю я двух техлидов из «ВИРТУС Корпорэйшн», и оба они любят посплетничать. Ну и много чего интересного болтали о Кнежик.

— Например? — спросил я.

— Что она лесбиянка и баловалась наркотой. Во второе я не верю, но первое похоже на правду. Хотя мне это по барабану.

У меня вырвался вздох разочарования:

— И всё?..

— Ещё говорили, что её завербовали спецслужбы.

— Тоже мне новость… — буркнул я. — Это же секрет Полишинеля…

— Уж чем богат… — парировал Затворник. — Или ты ждал Особой папки с пометкой «Совершенно секретно»?

Но по взгляду Затворника было ясно, что главное он приберёг на потом. Так оно и оказалось:

— А ещё ходят слухи, что у Кнежик есть сын.

Мои брови приподнялись, и Затворник ухмыльнулся:

— Ага. Уже взрослый. Но она его не рожала — воспользовалась услугами суррогатной матери.

— А отец?.. — машинально спросил я.

— Неизвестно. Судя по всему, ЭКО было с донорской спермой.

Затворник умолк, дав мне это обдумать.

— Но зачем Кнежик ребёнок? — проронил я. — В смысле, она ж была помешана на науке… В интервью даже жаловалась, что ей некогда спать.

— Может, как раз из–за бесценного отпрыска? — заметил Затворник. — Судя по всё тем же слухам, она над ним тряслась как наседка: он даже в школу не ходил — был на домашнем обучении.

— Но в Сети о нём ни слова… — с сомнением вставил я.

— А чего ты хотел? Сведения об ЭКО регулируются законами о защите частных данных: право на забвение и всё такое… Они ж за последние лет пятнадцать ужесточились настолько, что ни один поисковик не захочет рисковать — особенно с монстрами уровня Кнежик. Её адвокаты самого чёрта порвали бы в клочья.

Поразмыслив над этим всего пару секунд, я понял, что Затворник прав: порвали бы, и ещё как… Ни от рогов, ни от хвоста бы ничего не осталось.

Заодно мне подумалось, каково это — так дрожать над своим чадом, чтобы скрыть его от всех?.. Видимо, Кнежик была из тех гениев, которые «с прибабахом»; они иногда попадают в историю, но чаще — в дурдом.

— О нём хоть что–нибудь известно? — естественно, я имел в виду её сына.

— Молодой, — пожал плечами Затворник, — лет двадцать, может, чуть больше. Судя по всему, нелюдимый, как и его мать. Говорят, за пару лет до её смерти он съехал и жил отдельно: слинял сразу, как исполнилось восемнадцать. Но даже после этого остался одиночкой: нигде не тусил, в светскую хронику не попадал, — сделав паузу, Затворник признался: — Всё это настолько странно, что выглядит дезой… В общем, не ручаюсь за достоверность.

Я рассеянно кивнул.

Нигде не тусил, в светскую хронику не попадал… Нелюдимый… Не потому ли, что он чем–то болен?..

Мне вспомнился Взломщик — и как он вёл себя в приват–зоне.

— А что касается того, чем занималась Кнежик незадолго до

смерти, — продолжил Затворник, — то тут ничем порадовать не могу. Вроде был один проект с рабочим названием «Феникс», но о нём ничего не известно. Если честно, я и в названии не уверен.

Затворник умолк, а я вздрогнул.

Феникс — символ возрождения. Символ воскрешения и вечной жизни.

Символ бессмертия.

А в унисон с этой мыслью прозвучал писк — вроде того, что издаёт микроволновка по окончании разогрева. Передо мной вспыхнул красный восклицательный знак.

Затворник переменился в лице.

— Ларин, у тебя проблемы.

Я глядел на красный знак с тем чувством, какое испытывают на краю пропасти.

— Экстренный выход… — прошептал я.

Потом вспомнил: мы в локации Затворника. Тут экстренный выход не предусмотрен.

Но он сказал:

— Я разрываю твой контакт с ВИРТУСом… Ты будешь в реале через восемь секунд.

Я судорожно кивнул.

Восемь секунд — это мелочь. И целая вечность, когда горит красный восклицательный знак.

Он мог загореться лишь из–за ЧП — например, при пожаре… Или если трубу прорвёт… Или при землетрясении…

Или если кто–то вскрывал мой дверной замок.

* * *

Открыв глаза, я сразу понял, что нахожусь в комнате не один.

Я никого пока не видел, но чувство было однозначным: рядом кто–то точно есть. Он пришёл по мою душу, и он уже близко. Его взгляд буравил спинку гейм–кресла.

Он меня видел, а я его — нет.

— Без глупостей, Клим, — сказали сзади — почему–то приглушённо, будто визитёр был в маске. — Посмотри вверх.

Я посмотрел.

Надо мной висел дрон — угрожающе низко, как шмель над цветком. Дрон был чёрный, шестироторный. Под его брюхом поблёскивали баллончики с открытыми распылительными головками.

Сзади вновь заговорили:

— Надеюсь, ты не думаешь, что это дезодорант? Вставай, но без резких движений.

Медленно встав, я развернулся.

Незваный гость был у порога. Им оказался Лоцкий, но узнал я его не сразу: нижнюю часть его лица скрыл резиновый респиратор. По бокам были фильтры, глаза защищали пластиковые очки.

— Второй раз не здороваюсь, — сказал Лоцкий. И сумбурно добавил: — Я же обещал, что ещё с тобой свяжусь.

— Обещал… — растерянно признал я.

И осознал всю нелепость его слов: он что, пришёл поговорить?.. С дроном и в противогазе?.. Взломав для этого мою дверь?!

Но тут до меня запоздало дошло, во что Лоцкий одет: перчатки и комбинезон. Это было очень плохо. Он ведь так вырядился, чтобы следов не оставлять…

— Сядь, Клим, — велел Лоцкий.

— Куда?.. — тупо спросил я.

Лоцкий подумал и решил:

— На диван. Руки держи так, чтобы я их видел. И учти, что гексакоптер определил тебя как цель: дёрнешься — выпустит газ.

Дождавшись, пока я сяду, Лоцкий занял кресло напротив.

— Сейчас мы будем говорить, — мягко сообщил он. — От итогов разговора зависит твоё будущее. Хотя есть вероятность, что его у тебя не будет.

— Я уже догадался… — мрачно сострил я.

Взгляд мой упал сначала на дрон, затем — на плазменный экран, где отражалась прихожая. Заметив это, Лоцкий поморщился:

— Вот только не надо этих глупых предположений: входную дверь я закрыл. Замок не взломан, я использовал отмычку. Кстати, не вздумай орать: звук свыше семидесяти децибел станет для дрона сигналом к атаке.

Осторожно кивнув (мол, всё ясно), я заметил в экране отражение кейса, похожего на ящик для инструментов. Значит, там лежит одежда: Лоцкий сменил её в подъезде, облачившись перед моей дверью в комбинезон. А ещё в этом ящике могло быть много чего интересного — как для допросов, так и для имитации суицида (к слову, второе никого и не удивит: я ведь алкаш, потерявший семью. Могу вены себе вскрыть, могу повеситься… Расследовать это особо не станут).

В общем, мне и правда всё было ясно…

Конечно, я искал выход, но его не было. Всё сводилось к тому, что я влип.

И всё–таки я не мог не спросить:

— Это ты убил Кэсс?

— Нет, — сразу сказал Лоцкий. — И я понятия не имею, кто это сделал.

Мне показалось, он не врёт… Да и зачем ему врать? Все козыри у него.

— Но ты подставил Тарищева? — уточнил я.

— Подставил, — признал Лоцкий.

Я растерянно молчал, ожидая объяснений: почему–то казалось, что он их даст.

И он дал:

— Мне нужно было сделать так, чтобы Рябов угомонился: не только отозвал тебя, но и не обращался к другим менторам. Я даже с женой его говорил. Вместе мы его убедили, что всё кончено: виновник ДТП найден, пора ставить точку.

— Но зачем?.. — проронил я.

В ответ с усмешкой донеслось:

— Не хочу, чтобы кто–то узнал о первой виртуальной копии человека: это слишком ценная информация, чтобы ею делиться.

Я вздрогнул.

— Ты за мной следил… — мне вспомнились слова Затворника: он ведь сразу просёк, что за мной следят двое — виртуоз и дилетант.

Вот второй–то передо мной и сидел.

— Следил, — признал Лоцкий. — Вплоть до взлома Цолфи и даже чуть дольше — пока твой приятель не избавил тебя от вирусов. Я и за Жаровым следил, и за Гаем, и за Моррисоном. За каждым из твоих предшественников.

— Зачем?.. — повторил я.

— Чутьё. Профессиональное чутьё, Клим, — без ложной скромности сказал Лоцкий. — Я ведь ещё летом понял, что баг в «Китеже» был не багом, а чем–то б***о***льшим: уже хотя бы потому, что не нашлась его причина. Значит, это нечто важное, так? Что–то, чего раньше не было, — он помедлил и добавил: — А из всех уроков, что я получил в жизни, главными были два: в любой драке бить первым и не упускать свой шанс.

Выдержав паузу, Лоцкий продолжил:

— Я цеплял к менторам ВИРТУС-шпиона, чтобы узнать то, что узн***а***ют они. Но в итоге я узнал больше… Не догадываешься, когда?

— Когда появилась Инга, — проронил я.

— Якобы Инга, — уточнил Лоцкий. — Она так бойко набивалась в напарницы к менторам, что меня это насторожило. Я связался с ней в реале — и каково же было моё удивление,

когда я понял, что Инга Смирнова ничем подобным не занималась!.. — взгляд Лоцкого за стёклами защитных очков стал расчётливым и цепким. — Тогда кто, спрашивается, бродит по ВИРТУСу с её лицом? Но наблюдая за тобой, — он показал на меня пальцем, — я получил ответ.

— Поздравляю… — бросил я.

Но Лоцкий пропустил это мимо ушей. Сейчас в его облике (и дело тут было даже не в маске) не осталось ничего от интеллигента, с которым я беседовал в баре. На меня глядел хищник, учуявший кровь.

— Виртуальная копия человека, — размеренно произнёс он. — Открытие, равнозначное появлению ВИРТУСа. И о нём никто не знает… может, лишь тот, кто взломал Цолфи, но он явно не торопится это использовать. Смекаешь, к чему я?

— Я тупой, — признался я. — Просвети.

— А чего тут просвещать?.. — будто удивился Лоцкий. — Это и есть тот самый шанс, о котором я сказал. Шанс, которого нельзя упустить.

Меня обжёг гнев, но я не мог дать ему волю и поэтому всего лишь изрёк очевидное:

— Тебе нужна Кэсс.

— Ну я бы её так не назвал… — Лоцкий пренебрежительно дёрнул плечом. — Какая она к чёрту Кэсс? Она — копия… То же самое, что непись, но с характером своего прототипа. Однако то, что её поведением руководит не искин, делает её уникальной — а значит, очень дорогой, — Лоцкий подался вперёд и закончил: — Так что в целом ты прав: она мне нужна. Она — мой счастливый лотерейный билет.

Он умолк, и я тоже не спешил говорить, задаваясь двумя вопросами: сколько между нами метров и успею ли я сорвать с него маску прежде, чем дрон пальнёт газом? По всей видимости, нет… Но попробовать хотелось.

— Я могу найти людей, — сказал Лоцкий. — Надёжных людей. Поработав с этой… копией неделю–другую, они разберутся, кто она или что она. Думаю, им даже станет ясен механизм копирования.

— И ты хочешь, чтобы я привёл к тебе Кэсс? — я сам удивился спокойствию в своём голосе.

— Этого бы не потребовалось, если бы ты не удалил программу–шпиона, — заметил Лоцкий. — Имей я возможность за тобой наблюдать, забрал бы девку сам. Уж способ нашёл бы.

— Не сомневаюсь, — сказал я.

— Но раз ты раскрыл слежку, — Лоцкий будто не заметил моего тона, — мне пришлось прийти сюда.

Я с сарказмом уточнил:

— Чтобы дрона испытать?

— Чтобы задать вопросы, — ответил Лоцкий. — Мне надо знать, где девчонка. Уверен, в ВИРТУСе есть место… определённая локация, где она, если можно так выразиться, живёт. И мне нужен его код.

Конечно, я понял, что речь об Убежище — и невольно подумал, что Лоцкий неглуп.

— С чего ты взял, что я его знаю?

— А разве нет?

Я молчал. Вообще–то высказаться хотелось, но то, что я желал сказать, не стоило говорить под боевым дроном…

— Ты ей понравился, — бросил Лоцкий, — я это понял в первый же день. Может, в иной ситуации это ничего бы не значило, но не в её положении. Ей надо было быть железной, чтобы не сблизиться с тобой после трёх месяцев одиночества.

Мои пальцы стали сжиматься в кулак. Лоцкий между тем продолжал:

— Я предлагаю тебе партнёрство… другому бы не предложил, а тебе — предлагаю. Мы ведь похожи: оба заняты не своим делом, — тут в глазах Лоцкого что–то мелькнуло — то ли обида, то ли злость; Кэсс не зря говорила, что он зол на весь мир. — Меня ведь когда–то подставили… крепко подставили… Я уже шёл на повышение, а вместо этого… — умолкнув, он махнул рукой и вновь перешёл на деловой тон: — В общем, решай, Клим. Мы с тобой можем сорвать куш: стать хозяевами проекта, который принесёт миллиарды. Взойти на олимп и утереть нос всем, кто смотрел на нас свысока. Равную долю не обещаю, но двадцать процентов — твои.

— Сорок, — сказал я.

Лоцкий явно растерялся.

— Что?..

— Сорок процентов, — повторил я.

Он какое–то время сверлил меня взглядом, а после зачем–то достал смартфон.

И я понял, что без толку водить его за нос: искин дрона анализировал мою мимику и интонации. А смартфон связан с дроном.

— Клим, Клим… — вздохнул Лоцкий.

Я к нему прыгнул — но не успел: дрон выпустил газ.

Я даже не заметил, как упал на пол. Грудь сдавило, глаза заслезились. Мышцы свело судорогой; казалось, они вот–вот лопнут.

— Жаль… — скорбно сказал Лоцкий. — Правда, жаль.

Я корчился как выброшенная на берег рыба. Орать не мог — только хрипел.

— Тут несколько разновидностей боевого вещества, — Лоцкий кивнул на дрон. — Ни одно из них тебя не убьёт… во всяком случае, быстро. Но ощущения будут незабываемые. Заметь, очень удобно, что ты не сможешь кричать, — встав с кресла, Лоцкий подошёл ко мне и жёстко добавил, глядя на меня сверху вниз: — Гексакоптер будет выпускать газ часами, малыми дозами. До тех пор, пока ты не скажешь мне код.

— …шёл… на…

Увы, произнести общеизвестную фразу у меня не получилось.

— После тебя, — Лоцкий наступил мне на пальцы. — Мы продолжим беседу, когда ты сможешь говорить. Ждать придётся три минуты, но тебе они покажутся часом.

Он развернулся, чтобы снова сесть в кресло, когда разбилось окно. А выстрелов я даже и не услышал.

Дрон куда–то отлетел, выпуская сноп искр. Следом рухнул и сам Лоцкий: пуля, войдя в его висок, навылет пробила череп.

Я лежал на полу, ничего не понимая — кроме разве что того, что меня забрызгало кровью.

Шум открывающейся двери, чьи–то шаги. Приглушённые голоса, звучащие сквозь респираторы. Отрывистые, короткие фразы.

Меня поднимают и волокут через прихожую, держа под руки. Кто–то упоминает антидот.

— И так оклемается… — произносят в ответ.

Спуск в лифте, двор. Меня запихивают в машину — кажется, в микроавтобус. Но я в этом не уверен.

— Глотни, — говорит кто–то.

Фляга касается моих губ. Вода, боже, вода!..

Спирт?!

Да они издеваются?!

Меня выворачивает наизнанку. Кто–то громко матерится.

Мне на голову надевают мешок.

Шум двигателя.

Блаженная, спасительная темнота…

Но прежде, чем в неё провалиться, я успеваю подумать, что задание Рябова перестало быть ребусом — оно обернулось безумным сном. Превратилось в набор разноцветных осколков, самовольно покинувших калейдоскоп. Стало ряской над миром кривых отражений, пугливо дрожащих в воде.

И мне отчётливо казалось, что я в ней утону.

Глава 19

Когда я очнулся, мы всё ещё ехали: шумел двигатель, машину слегка потряхивало. Видимо, дорога была просёлочной.

У меня раскалывалась голова, мышцы всё ещё ломило, но уже не так, как раньше. Я хотел снять мешок, но руки оказались скованными за спиной.

— Сиди смирно, — сказал кто–то. — Не будешь дёргаться — не тронем.

Я невольно подумал, что мне уже во второй раз советуют сегодня не дёргаться…

Не знаю, как долго мы ещё ехали: моё чувство времени притупилось. Но думаю, минут десять. Пару раз вроде свернули и разок притормозили на КПП (я узнал звук откатных ворот, хотя те открылись почти бесшумно). Тут была то ли какая–то база, то ли частные владения, очень хорошо охраняемые.

Когда машина остановилась, меня пихнули в бок. Кто–то скомандовал «пошёл!»

Последовало короткое путешествие с мешком на голове. Мы поднялись по ступеням, куда–то вошли. Потом был очень тихий звук раскрывающихся створок и подъём в лифте (именно подъём, а не спуск — в этом я был уверен), что слегка обнадёжило: обычно пленников ведут в подвал… Хотя моим похитителям (считать их спасителями я не спешил) ничто не мешало прибить меня как в подвале, так и на чердаке…

Мы покинули лифт и шагов через двадцать — видимо, это был коридор — остановились.

Раздался шум двери, отъехавшей в сторону: вероятно, к замку приложили ключ–карту. Меня куда–то ввели, велели остановиться, усадили в кресло.

Затем мои похитители ушли.

Не успел я как следует всё это обдумать, как раздался щелчок, и наручники упали с моих запястий: электронный замок открыли дистанционно.

И я вроде догадывался, у кого пульт…

Я снял с головы мешок.

Помещение было просторным (нечто среднее между залом и комнатой) и совсем пустым, если не считать кресла, где я сидел. Пол и стены были серыми… впрочем, как и потолок, где сияли плафоны. Окон тут не наблюдалось.

А затем я осознал, что сижу не просто в кресле, а в гейм–кресле — только не совсем обычном: вдоль карбоновых вставок свисали ремни, явно предназначенные для пристёгивания.

Похожие фиксаторы были на подлокотниках. Ещё тут имелась подставка для ног, тоже снабжённая ремнями. А на электронных пряжках было сложное устройство с крошечным микрофонным отверстием; значит, пользователь мог отстегнуться самостоятельно, отдав голосовую команду.

Я медленно слез со странного кресла и сразу же сделал второе открытие: подо мной был мягкий пол. Ну не то чтобы совсем уж мягкий: по нему можно было спокойно идти как по коврикам–пазлам в спортивных залах. Их используют, чтобы избежать травм.

Третье открытие ждало меня через два шага.

Оказалось, на полу лежали очки; я не сразу их заметил, поскольку дужки с оправой были серыми, как и сам пол. Если бы его мягкость не заставила меня опустить взгляд, я бы на них наступил.

— Надень, — сказал кто–то.

Я понял, что голос звучал из динамиков. Вероятно, те были в одной из стен.

Подняв очки, я их надел.

Оказалось, это были очки с дэпээркой — то есть дополненной реальностью; стоило мне их надеть, как комната изменилась.

Слева возникли религиозные символы, выставленные в шкафу–витрине: шестиконечная звезда, мусульманский полумесяц, христианские кресты (православный и католический), кованое колесо с восемью узорными спицами (вроде что–то из буддизма… колесо дхармы, если не ошибаюсь) и ещё несколько предметов, пару–тройку из которых я не узнал. Но я был не в том положении, чтобы стыдиться из–за невежества.

И на каждом предмете желтел ценник.

Инсталляция, что ли?..

Справа тоже возникла витрина, но куда больших размеров — едва ли не во всю стену. В ней было оружие: от ножей и револьверов до гранатомётов и огнемётов. Но в самом центре стояли Библия и Коран.

Вероятно, ещё одна инсталляция — не менее смелая, чем предыдущая… Пожалуй, даже вызывающая.

А между ними была статуя: дородный мужик со слащавым, заискивающим взглядом, краснощёкий, весь в мехах, держал в левой руке кадуцей — жезл, обвитый двумя змеями, с крыльями на навершии… вроде бы символ коммерции и медицины, хотя вторую чаще ассоциируют со змеёй и чашей. А правой рукой, в которой был нож, мужик резал глобус: тот лежал перед ним на грубом деревянном прилавке.

Задавшись логичным вопросом, что же появилось сзади, я

обернулся.

Сзади был стул — невысокий, со спинкой. На нём, закинув ногу на ногу, сидел Микки Маус. В его левой руке (или лучше сказать «лапе»?) был пластиковый стакан.

— Извини за маскарад, — сказал Микки Маус (хотя голос, конечно, звучал из динамиков). — Надумай я тебя убить, показал бы лицо — но ты, вероятно, уйдёшь отсюда живым. А я недавно сделал пластику, да ещё и фамилию сменить собираюсь… Не хочу, чтобы ты видел обновлённого меня.

— Фамилия «Кнежик» тебе не нравится? — спросил я с сарказмом.

— Догадался, значит? Хотя я знал, что ты докопаешься — это был лишь вопрос времени… — сделав глоток из стакана, Микки Маус будто бы спохватился: — Кстати, тебе колу налить?

— Ты принесёшь её сам? — полюбопытствовал я.

У меня не было сомнений, что он где–то рядом. Возможно, в соседней комнате.

— Разумеется, нет. Её дрон доставит.

— Тогда обойдусь, — решил я. — Дронов с меня уже хватило.

Микки Маус ухмыльнулся.

— Как мне тебя называть? — спросил я.

— Зови Робертом, — прозвучало после паузы. — Меня и правда так зовут, но это скоро изменится.

Я кивнул: Роберт, значит… Роберт Кнежик. Диана дала сыну красивое имя, да и с фамилией оно сочеталось неплохо.

Но ни то, ни другое его явно не радовало.

У меня было столько вопросов, что я терялся, какой из них задать первым. Хотя нет — не терялся; на языке крутилось банальное «что я здесь делаю?» Но об этом я решил не спрашивать: раз он меня спас — значит, зачем–то я ему нужен… Так пусть сам скажет, зачем.

Я посмотрел на инсталляции:

— Твоих рук дело?

— Нет, мамуля постаралась, — охотно ответил Роберт. — Она была женщиной разносторонней. Мир даже не подозревает, насколько, — он скептически взглянул на витрину с оружием: — Но вот в этом она профан. Согласись, слишком топорно: ни одна выставка вооружений не будет полной без Библии и Корана… Ты ни секунды не гадаешь, что имел в виду автор: она просто швыряет в тебя свою мысль.

Я не стал спорить, мельком подумав, что когда–то за подобное творчество в России сажали. К счастью, то время я не застал.

— Или вот это, — Роберт кивнул на инсталляцию с

религиозной символикой. — Любая религия — лишь способ наживы. Ну примитивно, разве нет? Хотя вот он, — последовал кивок на мужика с кадуцеем, зачем–то резавшего глобус, — мне нравится.

— И какой тут смысл? — спросил я.

Кажется, мой вопрос Роберта огорчил:

— Не догадался?..

Подумав, я выдвинул версию:

— Нельзя отдавать мир продавцам?

— В яблочко! — изрёк Роберт. — Но с этим советом мамуля слегка запоздала. Я бы сказал, на пару тысячелетий.

Вернувшись к гейм–креслу, я взглянул на ремни и вопросительно посмотрел на Роберта.

— Миоклоническая эпилепсия, — пояснил он. — В наше время легко лечится. Можно достичь ремиссии, если соблюдать режим сна. И если в ВИРТУС не входить.

Смысл сказанного я осознал через пару секунд: подключения к гейм–креслу провоцируют эпилептические припадки.

— Обидно, да? — хмыкнул Роберт. — В двенадцать лет мой ай–кью составлял сто сорок баллов по тесту Айзенка. Мамуля всерьёз полагала, что я стану таким же гением, как она. А в четырнадцать — сюрприз–сюрприз!.. — он вновь усмехнулся, на сей раз язвительно. — Знаешь, что самое смешное? Предрасположенность передалась по материнской линии: эпилепсией страдали мамины тётки. Она ведь провела ЭКО — значит, качество биоматериала ей гарантировали. Зато её собственные гены оказались с дефектом… Мамуля малость просчиталась.

Вновь отпив из стакана, Роберт бросил его в урну (для меня это выглядело так, будто стакан исчез: урну очки не отображали).

— Ты поэтому избегаешь людей? — предположил я. — Из–за болезни?

— Шутишь? — поморщился Роберт. — Я в основном почти нормальный: припадки случаются после ВИРТУСа. А людей я перестану избегать с того дня, как прекращу быть Робертом Кнежик. Это имя — офигенно тяжёлый груз.

Он замолчал, а я сел в кресло: разговор предстоял долгий. Незачем вести его стоя.

Вспомнив беседу с Затворником, я спросил:

— Что такое проект «Феникс»?

Роберт вопросу не удивился:

— Тебе как лучше ответить — в деталях или кратко?

— Кратко, — выбрал я.

— Тогда обойдёмся скупым экспозе, — великодушно решил

Роберт. — Это название программы, виртуализирующей сознание. Иначе говоря, переносящей сознание в виртуальность.

— Переносящей?.. — я несколько мгновений переваривал услышанное. — То есть…

— …не копирующей, — вставил Роберт. — Речь о переносе личности: всего, что составляет твоё «я». Никакой копии при этом не создаётся, — тут он осёкся и виновато добавил: — В твоей приват–зоне я сказал Рябовой, что в ней нет ничего человеческого; разумеется, я лгал, — он покаянно развёл руками, что в обличье Микки Мауса выглядело нелепо. — Хотел ввести вас в заблуждение: выдать попавший к вам золотой слиток за золочёный кирпич.

— Значит, — слегка оторопел я, — речь о самом настоящем переносе… души?..

— Души, надсущности, анимы, нематериального начала — называй как угодно, — без намёка на трепет ответил Роберт. — Мамуля сумела её обнаружить и найти способ загружать в ВИРТУС… конечно, после смерти носителя. Нехило, да?

У меня открылся рот. Я и в копирование мозга поверил с трудом, не представляя, как можно «оцифровать» миллиарды нейронов и триллионы синапсов. Но в сравнении с тем, что сейчас прозвучало, это было бы мелочью.

Роберт будто прочёл мои мысли:

— Ты на этом не зацикливайся, — хмыкнул он. — Ну узнал ты, что у нас есть душа — так и что с того? В чём тут сенсация, если в неё верят даже рационалисты? Кстати, мамуля слово «душа» не любила: говорила «сознание» и не заморачивалась. Лично я делаю так же… А будешь твердить про душу, в голову такое полезет!.. — он покрутил у виска пальцем. — Короче, не парься, если не хочешь перегреть мозг.

— Но ведь тогда переход в виртуальность означает бессмертие… — проронил я. — Не создание клонов, а вечную жизнь…

— Насчёт вечности сомневаюсь, — признался Роберт. — Очутившись в ВИРТУСе, ты в нём пробудешь до тех пор, пока существует сам ВИРТУС, верно? А однажды он исчезнет, как и всё остальное. Или в нём всё перевернётся с ног н***а*** голову из–за чего–то непредвиденного… ну типа События Кэррингтона.

Я покачал головой: мол, не знаю, о чём речь.

— Это геомагнитная буря, — пояснил Роберт, — самая страшная в истории. Из–за неё два века назад вырубились телеграфы. А если такое произойдёт сегодня? — он сделал паузу, дав мне это обдумать. — И ВИРТУС, и обычный интернет пропадут на несколько дней. Их, конечно, восстановят, но что

будет с теми, кто живёт в виртуальности? — он вновь усмехнулся и заключил: — На это даже мамуля бы не ответила.

Роберт умолк, ожидая вопросов. Но у меня смешались мысли. Того, что я уже узнал, хватило бы на год раздумий.

Лишь через несколько секунд я запоздало встрепенулся:

— Постой… ты сказал «с теми, кто живёт в виртуальности»?..

Роберт кивнул.

— Но что значит «с теми»? Кэсс не единственная, кто попал в ВИРТУС?..

— А ты не догадывался? — Роберт иронично наблюдал за моей реакцией. — Ты правда думал, она первая?

Я оторопело молчал.

— Есть целая сеть клиник в беднейших странах, — сообщил Роберт. — Якобы для благотворительности… Принадлежат «ВИРТУС Корпорэйшн». Там ставили опыты на больных: биочипы загружали их сознание в ВИРТУС, когда они умирали. Я слышал, многих можно было спасти, а их вместо этого подвергали эвтаназии, — тут он заметил, с каким лицом я его слушаю, и поспешил уточнить: — Сам я в тех опытах не участвовал — мне было–то лет пятнадцать… Сказать, как я о них узнал?

Я машинально кивнул; если уж открывать ящик Пандоры, то до конца.

— Это отдельная тема, — охотно поведал Роберт. — Мне ведь пришлось себя чем–то занять, когда я понял, что не смогу входить в ВИРТУС. И я стал баловаться хакерством. Догадайся с трёх раз, кто был главной моей жертвой.

— Твоя мать?.. — смекнул я.

— В яблочко! — во второй уже раз произнёс Роберт. — Только не думай, что я её не любил: любил, конечно… Но вдобавок ненавидел. И боялся того, что она может сделать.

— С тобой?.. — не понял я.

— Со всеми, — уточнил Роберт. — Мамуля ж была неугомонной!.. И уж можешь мне поверить: от её наполеоновских планов человечество бы вздрогнуло.

Он умолк, и я спросил:

— Но чего она хотела?

— А чего хотят все гении с поехавшими мозгами? Естественно, изменить мир.

Роберт вновь сделал паузу. Затем размеренно сказал:

— Дело в том, что моя мать ненавидела религию… считала, что та нас тянет назад. Что это оковы на ногах общества. А основа религий — это страх смерти. Можешь мне возразить, но лично я убеждён: мы не строили бы храмы без расчёта на то, что на том свете нам всё простят. И своё каждое открытие мамуля старалась

подчинить одной цели: положить этому конец… Заменить главенство догм на верховенство разума, — помедлив, Роберт подытожил: — Ну а «Феникс» был вершиной её стараний: дал то, к чему она шла.

— И что же в этом плохого? — вставил я. — Вечная жизнь… Безграничные ресурсы в виртуальных мирах… да чёрт с ними, с ресурсами, — я вспомнил Ваньку, — мы уже не теряли бы близких!..

Роберт кивнул:

— Ты сейчас подумал о сыне. Но с чего ты решил, что его после смерти ждал бы ВИРТУС? — он поднял руку, предупреждая вопросы. — Серверы нельзя нагружать бесконечно — даже наши кластеры бы не справились. Значит, виртуальный рай стал бы уделом избранных. И кто войдёт в их число? — Микки Маус состряпал озадаченную мину. — Те, кто хорошо себя вёл? Чистил зубы по утрам, не сквернословил и водил старушек через дорогу?

— Можно было бы выработать какие–то правила… — проронил я.

Роберт глядел на меня с сарказмом:

— Какие правила, Клим? Это в развитых странах в ВИРТУС входит каждый второй, а в мире таких не наберётся и трети. И даже чокнутые гики не живут в нём в режиме двадцать четыре на семь: средняя цифра по России — всего девять часов в сутки. А теперь представь, что будет, если мир узнает о виртуальном бессмертии.

— Хочешь сказать, — произнёс я, — что «ВИРТУС Корпорэйшн» к этому не готова?

— И не будет готова, — бросил Роберт. — Ежедневно умирают около двухсот тысяч человек; если у каждого будет биочип, позволяющий жить вечно, ВИРТУС долго не протянет, — дав мне над этим поразмыслить, он продолжил: — Моя мать, разумеется, всё это предвидела, но она не собиралась делать проект общедоступным: вечность была бы дарована тем, кто её заслужил… конечно, с мамулиной точки зрения. Представляешь, каким бы стал этот мир?

Я представил — и картина меня ужаснула.

Конечно, он прав: ВИРТУС — творение людей, и всегда будут те, кто им управляет. Их власть над посмертьем даст им власть над реалом; мы превратим реал в кошмар ради шанса попасть в рай.

Но что значат все эти разумные доводы, когда самый близкий тебе человек лежит при смерти на больничной койке?..

— Есть и ещё один момент, — проронил Роберт. — Даже если допустить, что после смерти в виртуальность попадёт каждый, мы

на этом зациклимся: разучимся справляться даже с тем, что сегодня нам кажется лёгким… Да и не захотим мы ни с чем справляться! Зачем делать ремонт, если лет через пять подойдёт очередь заселяться в ВИРТУС — и вы всей семьёй прибегните к эвтаназии? Зачем что–то решать и к чему–то стремиться? — Роберт вдруг заговорил с пылом: — Смерть — это ведь не просто конец: это ещё и наш погонщик с чёрной косой вместо кнута. Мы все знаем, что уйдём — и хотим что–то сделать… оставить след… Но захотим ли мы этого, если двери рая заранее будут открыты? — и снова раздался его смешок: — Хотя какой это рай?.. Не рай это, и не бессмертие: суррогат, обман, подмена… Игра, придуманная спятившим гением… Игра в бессмертие.

Роберт умолк — и на сей раз надолго. В этом странном помещении, среди оружия и церковной символики, он и сам выглядел инсталляцией: грустный Микки Маус, сидящий на стуле.

Наконец он снова заговорил:

— Моя мать разбила «Феникс» на четыре архива. Первым стал один из её аватаров: Бедуин. Остальные были спрятаны в трёх предметах… Ты и сам знаешь, в каких.

— Но зачем?.. — недоумённо спросил я. — Зачем делить программу на части и записывать зашифрованное послание? Да ещё и в обличье ребёнка?..

Кивок Роберта дал понять, что он ждал этих вопросов.

— Из–за спецслужб. Какое–то время они моей матери покровительствовали: у них была куча совместных проектов, о которых общественности неизвестно. Но потом между ними пробежала кошка. В итоге «Фениксом» заинтересовались СБВ и Интерпол. Были проведены обыски в трёх офисах «ВИРТУС Корпорэйшн»: в Шанхае, Гамбурге и Москве. Акции компании тогда резко упали… наверное, ты об этом слышал?

Я покачал головой. Если учесть, сколько времени я торчу в ВИРТУСе, даже ядерный взрыв мною остался бы незамеченным.

Укоризненно вздохнув, Роберт продолжил:

— В общем, после тех событий мамуля замела следы: уничтожила все файлы, касавшиеся «Феникса», а саму программу заархивировала. Три архива она скрыла в отдельных сегментах, а тот, что был спрятан в Бедуине, остался в её выбиралке, — тут Роберт счёл нужным пояснить: — Это как раз главная часть программы: та, что загружает сознание в ВИРТУС. Но на тот момент она была не готова. Полагаю, мамуля спешила её доделать, а после… — он поднёс к виску два пальца, имитируя выстрел.

— Твоя мать собиралась покончить с собой? — почему–то я

даже не удивился. — Уйти в виртуальность, используя «Феникса»?

— В яблочко, — хмуро изрёк Роберт. — Этот мир её бесил. Так зачем в нём оставаться, если она создала свой?

Я растерянно молчал. Было страшно подумать, что ещё я услышу об этой семейке…

Роберт между тем продолжил:

— Но был один фактор, который её останавливал. Помнишь, я сказал про опыты в наших клиниках? Так вот, многие из тех, чьё сознание перенесли в ВИРТУС, страдали провалами в памяти. И мамуля опасалась разделить их участь, — Роберт вновь заговорил с сарказмом: — Согласись, было б обидно, если бы мамочка, пустив в себя пулю и угодив в свой виртуальный эдем, забыла, ради чего всё это затеяла… Вот она себе послание и оставила: «Чтобы завершить начатое, соверши три деяния»… дальше ты знаешь, — за этим последовал новый смешок. — Всё–таки гениев не зря считают чокнутыми: вместо того, чтобы дать себе прямую подсказку, мама придумала чушь с белым камнем, богом войны и бывшим болотом…

Роберт перевёл дух, вновь ожидая вопросов. А их у меня хватало: ящик Пандоры пока открылся не до конца.

— Значит, — уточнил я, — твоей матери понадобилось это послание на случай, если она забудет, где спрятаны части программы? Но чт***о*** в них содержится?

— Дополнения, — бросил Роберт. — То, без чего «Феникс» даёт сбои. Поэтому они нужны Рябовой, — задержав на мне взгляд, он беспощадно сказал: — Без них она сошла бы с ума. Не сразу, конечно — может, через полгода… Ей бы чего–то не хватало — и она не понимала бы, чего именно. Вместо цифрового рая твою подружку ждал бы цифровой ад.

Тут во мне вскипел гнев:

— И ты, скотина, пытался ей помешать…

— Давай без грубостей, — поморщился Роберт. — С ней ведь пока всё в порядке.

— С ней не всё в порядке, — процедил я. — У неё приступы… непроизвольная смена аватаров.

— Неприятно, — признал Роберт. — Но в остальном–то всё в норме. Зачем зря воздух сотрясать?

Я велел себе остыть. Теперь ясно, почему он не рискнул встретиться по–настоящему…

Ещё мне вспомнилось, что Кэсс не пьянеет от виртуального алкоголя. Но об этом–то можно не тревожиться: Диана Кнежик ненавидела пьяниц из–за отца. Она заложила в «Феникс» невосприимчивость к спиртному.

Сосчитав в мыслях до пяти, я успокоился и спросил:

— Но зачем такие сложности? Файлы с программой можно было хранить где угодно, а твоя мать оставила их там, куда не подступиться…

— Это тебе не подступиться, — снисходительно уточнил Роберт. — Забыл, что мы говорим о создательнице ВИРТУСа? Я бы не удивился, если бы ей не пришлось идти ни за куклой, ни за яблоком, ни за биноклем: возможно, они сами бы к ней прилетели…

Подумав, я нехотя кивнул.

— Но почему в подсказке самой себе она выглядела ребёнком?

К моему удивлению, Роберт признался:

— Понятия не имею… Мамуля обожала всевозможные намёки: видимо, это один из них. А на что конкретно она намекала… да чёрт её знает, — бессильно вздохнув, он бросил будто в оправдание: — Но в остальном её план ясен.

Я вскинул брови: мол, и что это за план?

— На его первом этапе, — сказал Роберт, — она приструнила бы спецслужбы: проведённые в компании обыски стали бы первыми и последними. Не зря же компонент программы, загружённый в Бедуина, даёт доступ к ВИРТУС-камерам…

— Шантаж? .. — понял я.

— Шантаж, — подтвердил Роберт. — Мать следила бы за всеми, кто ей мешал: через камеры, подключённые к ВИРТУСу, она собрала бы компромат. И заметь, её слежку бы не раскрыли: ведь у сознания, загружённого в Сеть, нет ни айпи, ни гейм–кресла. Мамуля стала бы призраком! — будто ухватившись за какую–то мысль, Роберт вдруг сменил тон: — Как думаешь, почему тот, кто избавил тебя от вирусов, не нашёл их на Рябовой? Я не смог за ней шпионить по элементарной причине: программ против виртуальных фантомов не существует… Просто не было нужды их создавать.

Вновь ответив кивком, я спросил:

— Значит, разделавшись с врагами, твоя мать объявила бы о «Фениксе» публично?

— Из ВИРТУСа, — дополнил Роберт. — Уверен, она возомнила себя мессией… Привратником, впускающим избранных в рай.

— Но в итоге Бедуин оказался у какого–то алкаша, — заметил я. — У картёжника, игравшего с Кэсс. Почему? Из–за твоего вмешательства?

— Скорее, из–за моей ошибки, — поморщился Роберт. — Чтобы сорвать мамулин план, я заразил Бедуина вирусом:

надеялся его уничтожить. И сначала я решил, что мне это удалось: он ведь из маминой выбиралки пропал…

— Что значит — «пропал»?.. — не понял я.

— Обыкновенно. Просто взял — и исчез. В ту секунду, когда мамуля дала дубу.

От слов Роберта мне стало не по себе: вот уж не думал, что так можно говорить о родной матери…

— То есть про твой вирус она не знала? — уточнил я. — А «Феникс» из–за него не сработал?

— В тот раз — нет, — подтвердил Роберт.

— И когда твоя мать упала в своём саду, её сознание…

— …кануло в вечность, — изрёк Роберт. — Кстати, я не сомневаюсь, что она как раз в тот день и собиралась застрелиться — потому к любимой яблоне и пошла: как говорится, напоследок… Очень трогательно, да?

Отвечать мне не хотелось. Хорошо, что я вырос не в семье гениев…

Потом я снова подумал о Кэсс — точнее, о её способности влезать в чужой инвентарь: ей по силам брать оттуда предметы, но не деньги. Видимо, вирус Роберта навредил «Фениксу», лишив его ряда функций.

— Уже позже, — сказал Роберт, — я обнаружил, что мой вирус не смог удалить программу: он её переместил. А куда, я не знал. И это открыло возможность того, что её кто–то использует — пусть даже и не нарочно. Так оно и получилось, — Роберт умолк, затем добавил: — Мамуля никогда не проигрывала всухую…

Мрачно кивнув, я проронил:

— По–твоему, её смерть была зн***а***ком? Чем–то вроде провидения?

— Почему нет? — серьёзно ответил Роберт. — Гибель под яблоней — явный намёк: типа не смейте срывать этот плод и продолжать её дело, — он вроде задумался, потом сказал: — Иногда ход истории меняют силы, которым нет объяснения. Ты в курсе, сколько раз покушались на Гитлера? — Роберт мельком на меня глянул. — Одни говорят двадцать, другие — сорок… А он каждый раз избегал смерти. Чем тебе не Божий промысел?

— Тогда уж дьявольский… — ввернул я.

— Уверен? — прищурился Роберт. — А представь, что бы было, если бы Гитлера укокошили. Ни Нюрнбергского процесса, ни того, что назвали немецкой виной: национального покаяния за содеянное. Через пару–тройку лет нацизм бы воспрянул. Нужен был развал системы, а не бомба, заложенная под стол.

Я спорить не стал, хотя счёл это чушью: если диктатор

подорвётся на бомбе, не успев начать войну, то народу и каяться будет не в чем…

Потом я переключился на рассказ Роберта, пытаясь упорядочить всё, что узнал.

Получилось вот что.

Первое:

Диана Кнежик создаёт программу, переносящую сознание в виртуальность (глобальность слова «душа» заставляла меня его избегать). Разбив программу на архивы, Кнежик их прячет, чтобы однажды совершить суицид и уже из виртуальности явить всем своё детище, — а фактически стать цифровым мессией.

Но за ней (и это уже второе) следит Роберт. Движимый явной обидой на мать (видимо, детство у него было не сахар), он заражает вирусом Бедуина — того аватара, где скрыт главный архив. Вирус повреждает «Феникса», но Диана подвоха не замечает: вероятно, её отпрыск унаследовал мамин гений. Она защитилась бы от любых хакеров, кроме сына.

Третье:

Не успев покончить с собой, Диана гибнет глупой смертью — но в виртуальность не попадает: действия Роберта приводят к тому, что из её выбиралки Бедуин перемещается к какому–то пьянице. Тот играет в карты с Кэсс, после чего она становится новым владельцем Бедуина. Кэсс о нём год не вспоминает, но в «Китеже» из–за жары делает его своим аватаром — и тем самым невольно активирует «Феникса».

Тут у меня возник вопрос:

— Но как ты узнал, что Кэсс воспользовалась Бедуином?

— Отслеживал баги, — сообщил Роберт. — Я не сомневался, что если кто–то его использует, возникнет сбой — причём такой, какого не было раньше. Поэтому я создал искин, собирающий данные об ошибках. Он действует по всему ВИРТУСу… даже в тестируемых сегментах. И если искин видит баг, относящийся к уникальным, он оповещает об этом меня.

Я рассеянно кивнул. Тестируемые сегменты вообще–то закрыты, но для Роберта это разве проблема? Раз уж он хакнул свою мать (а степень защиты её данных я не мог и представить), то что ему хакнуть закрытый сегмент?..

— Выходит, — произнёс я, — ты узнал о баге в «Китеже» сразу, как он случился?

Роберт кивнул.

— И что ты сделал потом?

— Хочешь спросить, не я ли убил Кэсс? — прямо уточнил Роберт. — И зачем мне было её убивать? Чтобы её сознание попало в ВИРТУС?

Я нахмурился: и правда, глупо… Ведь он не хотел, чтобы «Феникс» использовался по назначению. А гибель Кэсс как раз к этому и привела.

Значит, Роберту не было смысла желать ей смерти.

Но тогда кто, чёрт возьми, виноват в ДТП?!

Тут я задел рукой ремень, которым Роберт пристёгивался, и это меня навело на мысль… А та перетекла в смутный вывод.

Но Роберт не дал ему оформиться:

— Пожалуй, пора перейти к тому, зачем я тебя спас.

— Из альтруизма? — сострил я.

— Увы, не совсем… — Роберт внезапно сменил тему (хотя я уже просёк, что у этих двух тем один знаменатель): — Ты не задавался вопросом, почему я не взял эти предметы сам — куклу, яблоко и бинокль? Скажу сразу: моя эпилепсия и неспособность надолго войти в ВИРТУС тут ни при чём.

— Задавался, — признал я.

— И?..

— Я это понял сегодня в «Дворге», — это была чистая правда, и в ней крылась причина, побудившая меня пойти за куклой вместе с Кэсс — а не в одиночку, как было бы проще. — Только Кэсс могла их взять — и никто, кроме неё. Бинокль с яблоком я брал в руки в её Убежище, когда она мне это позволила, но в «Адреуме» и «Фрее» Кэсс взяла их сама: там я к ним не прикасался. А если бы попробовал, ничего бы не вышло… Верно?

— В яблочко, — заключил Роберт. — Скажу больше: в «Адреуме» я нанял Легионеров и Волков, опасаясь исключительно Кэсс. Даже если бы кто–то кроме неё смог спуститься к биноклю, тот не попал бы к нему в руки. Это бы выглядело как в фильмах о призраках: ладонь проходила бы сквозь предмет, — для наглядности Роберт провёл в воздухе ладонью. — Всё благодаря мамуле: она сделала так, что дополнения к «Фениксу» взял бы лишь тот, кто уже использовал Бедуина.

— Полагая, что это будет она сама, — вставил я.

— Точно.

— Но сейчас что–то изменилось?

Роберт нехотя признал:

— Кардинально. Поэтому мне и пришлось тебя спасти. Я ведь был в курсе, что Лоцкий тебя пасёт: обнаружил на тебе его вирус, когда цеплял свои. А мои люди наблюдали за тобой с того часа, как к тебе обратился Рябов, — на секунду замявшись, Роберт признался: — К слову, я всерьёз подумывал, не пустить ли тебя в расход, но решил, что живой ты будешь полезнее.

— Какая гуманность… — буркнул я. — И чем же она вызвана?

— Необходимостью забрать куклу с Елисейских Полей.

Я удивлённо уставился на Роберта — точнее, на Микки Мауса.

— Ты не ослышался, — бросил он. — Кукла лежит там уже год — и она, в отличие от бинокля с яблоком, у всех на виду. О ней пошли слухи. Десятки геймеров пытались её взять, но безуспешно. На дворговском форуме стали писать о багованном предмете, и им заинтересовались админы: теперь они тоже пытаются забрать куклу. Конечно, у них ничего не выходит, но уже скоро они поймут, что в кукле скрыто нечто важное… собственно, они уже это поняли — иначе не заставили бы неписей воевать.

— Так это не ты устроил в «Дворге» стрельбу? — понял я. — Мы с Кэсс считали, это твоих рук дело…

— Не моих, — возразил Роберт. — Администрация «Дворга» отменила все квесты, связанные с Триумфальной аркой, а затем спровоцировала войну энписи. Теперь никто из игроков туда и близко не подойдёт. Но аккаунты админов позволяют разгуливать среди неписей, даже если те палят друг в друга из огнемётов. Понимаешь, что это значит?

Разумеется, я понимал:

— Админы изучают куклу, пока неписи воюют?

— Пыт***а***ются изучить, — поправил меня Роберт. — Вряд ли у них что–то получится. Но их следующий шаг — консервация сегмента: в «Дворг» просто не будут никого пускать. Когда админы просекут, что в их руках — бесценное сокровище, они на это пойдут.

— И ты хочешь… — начал я, но Роберт меня перебил:

— Нельзя допустить, чтобы кукла попала к ним в руки. Сейчас они её взять не могут, но через месяц–другой что–нибудь да придумают: это лишь вопрос времени. А завладев куклой, они узнают о «Фениксе».

Я просёк, к чему он клонит:

— Так теперь тебе нужно, чтобы куклу забрала Кэсс? С моей помощью? После того, как ты вставлял нам палки в колёса?

— До тебя не дошло, почему я это делал? — Роберт стал раздражаться. — Да, именно этого я и хочу… но при условии, что себе вы её не оставите. Мало того: когда кукла будет у вас, Рябова отдаст мне Бедуина, а я его уничтожу. Вместе с куклой, яблоком и биноклем.

Вероятно, мой взгляд сказал ему всё, что я об этом думаю. Не дожидаясь возражений, Роберт стал объяснять:

— Если в полном составе вложить эти вещи в инвентарь Бедуина, настройка «Феникса» завершится. С Рябовой всё будет в

норме: она останется в ВИРТУСе навсегда и сохранит рассудок. Но никто, кроме неё, Бедуином воспользоваться не должен, — его голос, вопреки облику, посуровел: — Виртуальная вечность — слишком щедрый подарок для человечества: мы и близко к нему не готовы… Подумай об этом — и поймёшь сам.

Я с минуту размышлял.

Собственно, что мы теряем? Если Роберт не соврал, и Кэсс, раздобыв куклу, перестанет в ней нуждаться (как и в яблоке с биноклем), то пусть он делает с Бедуином что хочет. Ведь по сути–то он прав: ключи от рая не должны быть в руках людей… По крайней мере, до тех пор, пока там не хватит места для всех.

Но даже если Роберт лжёт, и с появлением куклы в инвентаре Бедуина настройка «Феникса» не завершится, эту чёртову куклу надо забрать — причём очень быстро, пока «Дворг» не закрыли; если Кэсс не получит её сейчас, то возможно, не получит уже никогда.

Значит, задача номер один — взять куклу. А как быть дальше, станет ясно потом.

После раздумий я сказал:

— Мне надо обсудить это с Кэсс: Бедуин — её аватар, а не мой.

— Так обсуди, — разрешил Роберт.

Я откинулся на спинку его гейм–кресла. Но прежде, чем закрыл глаза и скомандовал «ВИРТУС-вход», невольно подумал: «Ключи от рая не должны быть в руках людей… Интересно, пришло бы мне это на ум, когда Ванька был под капельницей?»

Разумеется, я эту мысль отогнал.

Глава 20

Если пустота Вселенной, озарённая звёздами и пульсаром, годится для решения каких–то вопросов, то это вопросы Жизни и Смерти.

Вернувшись в Убежище, я рассказал Кэсс о своих похождениях, — но о Лоцком умолчал, чтобы её не волновать. Умолчал я и о том, что сижу в гейм–кресле Роберта, став его пленником (пусть он и вёл себя корректно, но сути это не меняло: я не гость, а заключённый, и лишь Роберт решал, когда я уйду… и уйду ли вообще). Если бы я об этом обмолвился, Кэсс тут же решила бы отдать Бедуина, опасаясь за мою жизнь, — а я не хотел, чтобы это влияло на её выбор: ей следовало руководствоваться рассудком, а не страхом за меня.

Впрочем, решение о том, как поступить с ключом от рая, нечаянно попавшем к ней в руки, мы принимали вместе.

Описывать наш диалог я не стану — лишь выделю основное.

Конечно, Кэсс начала с плюсов вечной жизни в цифровом мире.

Во–первых и в-главных — сам факт этой жизни, то есть то самое бессмертие, достоинства которого оспаривал Роберт; во–вторых, не придётся губить экологию и дрожать над ресурсами — ведь они в ВИРТУСе неиссякаемы; там нет болезней (это в-третьих) и войн (в-четвёртых), где пришлось бы по–настоящему гибнуть; в-пятых, гении смогут вечно творить и изобретать, веками принося людям пользу; в-шестых, банальное отсутствие старости, с которой мы бьёмся в реале; в-седьмых… впрочем, хватит и этого: все прочие плюсы цифрового посмертья уложились в предыдущие пункты.

Да только на каждый из плюсов нашёлся свой минус.

Победу над старостью перечёркивал износ оборудования, грозящий виртуальным мирам катастрофой; вместе с гениями «оцифруются» наркобароны, диктаторы и просто богатые негодяи, чью власть уже не ограничит срок жизни; виртуальные войны, пока что бескровные, будут таковыми недолго: мы и в ВИРТУСе найдём способ губить друг друга, заменив артобстрелы на кибератаки, а киллеров — прыщавыми хакерами; на смену болезням придут сетевые вирусы: их станет больше, чем сейчас, и использовать их будут в каждом конфликте; недостача ресурсов сменится нехваткой вычислительных мощностей, которые жёстко ограничат вместимость цифрового рая: серверной памяти, неспособной обработать чудовищные массивы данных, никогда не хватит на всех; а виртуальное бессмертие таковым останется на

словах: наличие кнопки «Delete» превратит его в фикцию, и миром будут править те, на чьём столе клавиатура. Боссы «ВИРТУС Корпорэйшн» превратятся в богов.

И я был наивен, сказав Роберту о «правилах»: мол, мы можем их выработать, чтобы решать, кому заселяться в ВИРТУС. Особых правил не будет… Всё сведётся к инвестициям в собственное посмертье. Это будет утопия: трансгуманизм, возведённый в абсолют. И ко всем известным формам неравенства мы добавим ещё одну — самую страшную: кому жить — а кому умирать.

Когда всё это прозвучало в нашем с Кэсс диалоге, она тихо сказала:

— Я согласна, Клим… Пусть удаляет Бедуина к чертям. И всё остальное тоже… как только мы заберём куклу.

Я кивнул и обнял её. Сейчас нам нужна была поддержка друг друга как знак верности выбора, который мы сделали. Выбора, сделанного за весь мир.

Но если бы такой выбор был дан человечеству, оно бы ошиблось: люди поддались бы соблазну, как поддался бы ему я, когда умирал мой сын.

В ту минуту я начал понимать Роберта.

Отстранившись от Кэсс, я негромко позвал:

— Взломщик?.. — потом спохватился и поправился: — Роберт?.. Роберт, ты нас слышишь?

Я не сомневался: он нас и слышит, и видит. Я сидел в его гейм–кресле, так что чему тут удивляться?

— С*лышу,* — через пару секунд подтвердил Роберт (его голос звучал у меня в голове, но и Кэсс, судя по её удивлению, его услышала). Будто в ответ на мои мысли Роберт добавил: — *И вижу*…

— Хорошо, — сказал я. — Значит, ты знаешь, чт***о*** мы решили.

— З*наю,* — произнёс Роберт. — *Я рад. Поверь, вы решили правильно.*

Я лишь молча кивнул.

— К*ак ты намерен добраться до куклы?* — спросил Роберт.

Я вздохнул. Около трёх часов назад, сидя у перекрёстка, я как раз думал о способе, к которому не прибегло бы большинство геймеров. Этот способ я сравнивал с русской рулеткой.

И похоже, мне придётся в неё сыграть: админы «Дворга», явившиеся за куклой, лишили нас времени на раздумья.

— Объясню позже, — сказал я. — Скажи, ты можешь взломать «Дворг»?

— Я *взломал бы и ад, если бы там была Сеть. Что конкретно тебе нужно?*

— В «Дворге» есть система порталов. Ты наверняка их видел

— они выглядят как молнии.

— З*наю,* — сообщил Роберт. — И*?..*

— Мне нужно, чтобы один такой портал открылся у Триумфальной арки. Примерно через два часа… И чтобы Кэсс могла им воспользоваться.

Кэсс догадалась:

— Хочешь, чтобы я, выйдя из Убежища, очутилась рядом с аркой?

— Точно, — я вновь обратился к Роберту — Ну так как — сделаешь?

— Б*ез проблем,* — бросил тот.

— Отлично, — я взглянул на Кэсс. — Когда я с тобой свяжусь, приходи к арке. Надеюсь, там уже будет тихо.

— А ты что собрался делать? — удивилась Кэсс.

Я усмехнулся:

— Рулетку крутить…

Прежде, чем снова покинуть Убежище, я забрал у Кэсс запасную обойму от автомата: ей она не нужна, а мне пригодится. Патронов мне понадобится много. Чем больше, тем лучше.

Не все здания в «Дворге» выглядят так, как им положено выглядеть в постапокалипсисе.

Я стоял за углом дома, через улицу глядя на ресторан. Под французским «Dragon d'or» (то есть «Золотой дракон») золотились иероглифы, над крыльцом изгибался затейливый козырёк. Слева и справа висели фонарики — красные, круглые, с золотистыми кисточками. Пусть они и не горели, но выглядели торжественно — я бы даже сказал, неуместно. Да и сам ресторан в опустелом квартале смотрелся как торт на свалке.

Хотя нет, вру: опустелым этот квартал не был.

Тут полно было тех, кто пережил вторжение дворгиан: измождённые жители бродили по улицам, утратившим былой лоск. Даже рынок имелся (я его миновал на пути к ресторану): со штабелей ящиков, превращённых в прилавки, расходились консервы, яйца, чай, местный самогон, бижутерия, книги, поношенная одежда и много чего ещё. Примечательно, что за всё это расплачивались не патронами, как во многих постапах, а обычными евро; уж не знаю, в чём тут дело, но думаю, что в узколобости сценаристов…

Зато после рынка началась территория, где свободно не ходят; там я уже выбирал закоулки, не шумел и избегал открытых мест. Часть пути прошёл по крышам, начав с музея–заброшки: так я миновал зомби, бродивших внизу. Потом слез по пожарной лестнице, пересёк ещё две улицы и наконец–то добрался до

ресторана.

Вжавшись в стену, я издали глядел на охранников: два хмурых китайца маялись на крыльце. Одеты они были стильно, в национальные деловые костюмы; приталенные пиджаки с воротником–стойкой казались не по–осеннему тонкими — видно, создатели «Дворга» решили, что китайцы — народ закалённый. Если бы не автоматы, висевшие на плече у обоих, их можно было бы принять за восточных бизнесменов или врачей.

— Ч*то это за место?* — спросил Роберт.

Он за мной наблюдал, но не лез ни с советами, ни с вопросами: этот был первым за полчаса.

— Ресторан, — многозначительно сказал я.

— А*га,* — отозвался Роберт.

И всё… Поразительная сдержанность. Ничего общего с ящером, вошедшим в мою приват–зону: там он был в маске во всех смыслах этого слова.

Правда, я не обольщался — ведь маской могла быть и его деликатность.

Оценив обстановку, я тихо спросил:

— Видел, как я шёл по крышам?

— В*идел,* — с завистью подтвердил Роберт (он–то б*о*льшую часть жизни глазел на ВИРТУС с экрана). — *Ты выбрал тот путь, чтобы не встретиться с зомби?*

— Это были не просто зомби, — уточнил я. — Ими управляли.

— У*правляли?..* — тут Роберт задумался и добавил: — *Да, пожалуй: им же положено бродить в поисках человечины, а они патрулировали окрестности… Какой–то странный постапокалипсис…*

Я с усмешкой подтвердил:

— Это ещё не самое странное. Короче, слушай…

Поскольку Роберт не играл в игры, мне пришлось обрисовать ситуацию.

Эта часть города — одна из тех, где есть выжившие. Но хозяева здесь не французы, а китайцы — точнее, обосновавшаяся в Париже триада (когда я это сказал, Роберт издал стон, поражаясь абсурдности сюжета). Главарь триады Мань–Лун носит перстень, снятый (и вот тут Роберт застонал ещё громче) с мёртвого дворгианина: Мань–Лун якобы нашёл его труп, когда пришельцы напали на Землю. Смекалистый гангстер быстро просёк, что перстень подчиняет зомби, и с блеском это использовал: ему теперь подконтрольны полчища мертвяков. Они собирают с местных мзду и охраняют границы его владений, к коим и относится ресторан.

Когда я закончил, Роберт с сомнением уточнил:

— *Хочешь сказать, в постапокалиптическом Париже стоит китайский ресторан, где тусуется триада, чей главарь носит перстень скоропостижно скончавшегося пришельца?*

— В общем и целом — да, — кивнул я.

— И *в это играют?..* — не поверил Роберт.

— Вообще–то играют и не в такое… — мне вспомнился ретро–обзор очень старого шутера, где нехорошие корейцы напали на США. — Ты в курсе, что в последнем «Бэтмене» Брюс Уэйн меняется телами с Джокером? А Макс Пэйн теперь медиум и общается с мёртвой женой, — продолжая говорить, я снял с плеча «ФН СКАР». — Мы давно напридумывали всё, что могли, и теперь креативничаем. А от креатива до глупости — один шаг.

— *Согласен,* — вздохнул Роберт. — *Я правильно понял: ты решил снять с Мань–Луна перстень, призвать его зомби и с ними пойти к Елисейским Полям?*

Меня подмывало сказать «в яблочко», но я сдержался.

— Именно, — бросил я.

— А *энписи в ресторане много?*

«Резонный вопрос», — подумалось мне.

— Сорок девять, не считая Мань–Луна.

— *Сколько?!*

— Полсотни, — повторил я. — Это известно благодаря игроку под ником «Ганмэн»: год назад он в одиночку взял ресторан штурмом. Открыл потом статистику — оказалось, там пятьдесят жмуриков.

— И *ты надеешься повторить то, что сделал он?* — Роберт явно обомлел от моей дерзости.

Но я взвешенно сказал:

— С моим уровнем шансы у меня есть. Тут всё зависит от прокачки: если стрельба на высоте, можно метко палить хоть из двух «калашей». Плюс у меня развита ловкость.

Про ловкость я сказал не зря: она в сегментах вроде «Дворга» даёт то, что я называю эффектом старых боевиков… в смысле, совсем старых, снятых лет семьдесят назад: там протагонисты косят всех одной очередью, а злодеи промахиваются. Правда, в ВИРТУСе это работает лишь в закрытом пространстве (в уличных боях ценится реалистичность), но я-то намерен штурмовать ресторан, а не Иводзиму… Значит, прокачанная ловкость должна помочь.

— А *как же зомби?* — спросил Роберт. — *Ну те, что обходят границы квартала? Мань–Лун ведь позовёт их на помощь.*

— Позовёт, — признал я. — Поэтому нужно всё сделать быстро: зомби придут сюда за пять минут… По крайней мере, так

было с Ганмэном.

Почему–то я решил, что Роберт будет меня отговаривать (ведь если мой аватар погибнет, то Кэсс вряд ли возьмёт куклу, а значит, и Роберт её не получит), но он вместо этого сказал:

— *Я тебе помогу… посильно, конечно. Буду подсказывать, где враг.*

— Отлично, — воодушевившись, я решил совместить приятное с полезным: — А музыку включить можешь?

— З*апросто. Какую именно?*

— Угадай.

Роберт не стал больше ни о чём спрашивать — только сказал:

— Н*и пуха…*

— К чёрту, — отозвался я.

И под «Чёрное солнце» группы «Би-2» пошёл к ресторану.

Будь у меня глушитель, я убрал бы охрану в режиме «стелс» — но глушителя у меня не было.

Спокойно и быстро шагая к крыльцу, я вскидываю автомат (все инстинкты обостряются, и теперь уже нет ни «было», ни «будет» — есть одно лишь «сейчас») — и расстреливаю охранников короткими точными очередями. В реале невозможно стрелять так с одной руки, но это не реал.

Это — ВИРТУС.

Энписи падают, напоследок успев вскрикнуть. Замечая брызги крови, я вспоминаю, что в «Дворге» ценится зрелищность.

Что ж, тем веселее.

— П*ервый, второй,* — комментирует Роберт.

Подхожу к охранникам, наклоняюсь: Ганмэн писал, что у них есть гранаты.

Не соврал.

Одну гранату (про запас) опускаю в карман куртки, вторую, выдернув чеку, бросаю прямо на крыльцо и, упав на асфальт, прикрываюсь трупом. Через секунду дверь распахивается.

Громкая брань (естественно, на китайском) обрывается взрывом.

— Т*ретий, четвёртый,* — сообщает Роберт. — *Пятого нужно добить.*

Скидываю с себя труп, подбираю «ФН СКАР» и стреляю в энписи, уцелевшей рукой сжимающего автомат; второй руки у него нет.

— П*ятый,* — докладывает Роберт.

Дверь висит на петле, на крыльце видна кровь, в воздухе — серый дым. Ветер разносит клочья ткани праздничного красного фонаря.

Переступаю через трупы, входу в коридор.

— З*а углом,* — говорит Роберт. — *Двое.*

Подняв с пола каменный обломок крыльца, бросаю его за угол.

— С*работало,* — удивляется Роберт. — *Бегут.*

В два прыжка достигаю угла коридора — и в спины расстреливаю убегающих неписей, принявших камень за гранату.

— Ш*естой, седьмой.*

Пересекаю проход с какими–то статуями (не присматриваюсь, но они явно в восточном стиле) и прежде, чем войти в зал, достаю вторую гранату. Зубами выдёргиваю чеку — хотя в реале после этого меня ждал бы дантист.

— П*одожди,* — говорит Роберт.

Послушно жду, зайдя за статую. Спусковой рычаг гранаты прижимаю пальцами к корпусу.

— *Давай!*

Швыряю гранату к закрытым дверям — как раз когда те распахиваются.

Скрываюсь за статуей, слышу взрыв. Проход заволакивает дымом.

— В*осьмой, девятый, десятый,* — сообщает Роберт.

Врываюсь в ресторанный зал.

Ну и что у нас в меню?

А в меню — серый дым. В меню — лязг затворов и чьи–то крики. В меню — торопливый беспорядочный топот взбудораженных энписи.

Сквозь аккорды «Би-2» слышу брань на китайском, а потом в меня кто–то палит наугад — благо в дыму я пока невиден.

— С*лева,* — говорит Роберт.

Стреляю вслепую и падаю на пол. Перекатываюсь. Напольная ваза, стоящая рядом, разлетается вдребезги.

Вскочив на колено, снова стреляю — на сей раз удачно.

— О*диннадцатый.*

Хватаю с пола «Микро–Узи» (пистолет–пулемёт, обр*о*ненный неписью) и ловко отпрыгиваю. Сметая посуду, лечу через стол. В реале я бы так не смог.

Гремят выстрелы, бьются стёкла.

Падаю на пол, прижимаюсь к колонне — алой, с золотым узором. Очень бегло осматриваюсь.

Вытянутый зал без окон, с рядами колонн и красными стенами. Мебель тускло блестит от лака, под потолком — восточные светильники с абажурами. На одном с ними уровне — решётка перил, обрамляющих узкую галерею.

На неё–то и выскочили три охранника.

Бегу, стреляя с двух стволов. Из ажурных перил, которые я обстреливаю, летят щепки.

Два энписи, раскинув руки, ломают решётку и падают на столы. Третий остаётся лежать проходе.

— *Двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый,* — комментирует Роберт.

Стремглав добежав до новой колонны, снимаю охранника, бегущего с лестницы.

— П*ятнадцатый.*

Я опять под огнём, но спасает колонна: её в прямом смысле шпигуют свинцом.

Прыгаю на сервировочный столик, и тот быстро едет по гладкому полу, хотя в реале бы упал. Из «Узи» стреляю в охранников слева, из «ФН СКАР» — в энписи справа. Вопли, грохот, брызги крови.

Жестокая зрелищность — и ни грана реалистичности…

— Ш*естнадцатый, семнадцатый, восемнадцатый.*

Мой столик–тележка в кого–то врезается. Упираю стволы в виртуальное тело — и расстреливаю супостата в упор. Тёплой влагой забрызгивает лицо.

— Д*евятнадцатый.*

Падаю на пол под выстрел и крик: непись на моём пути попадает в своего.

— Д*вадцатый…* — удивляется Роберт.

Я едва его слышу, стреляя в ответ.

— Д*вадцать первый…*

Опрокидывая стол, скрываюсь между ним и стеной. Столешницу прошивают пули, настенный веер (он тут для красоты) клочьями разлетается над макушкой. Пули кромсают несчастную стену, превращая её в решето.

Выставляю из–за столика «Узи» и даю очередь, пока не раздаются щелчки. Бросаю пистолет–пулемёт и, покинув укрытие, на бегу стреляю из «ФН СКАР».

Роберт под вопль энписи сообщает:

— Д*вадцать второй.*

От ответного огня разбивается дракон — зелёная статуя из фарфора.

Прыгаю на дверь подсобки. Того, кто хотел уже выскочить в зал, зажимает между стеной и дверью.

Прошиваю дверь очередью из ФН СКАР.

— Д*вадцать третий.*

Скрываюсь за дверным проёмом, обрамлённым деревянной панелью. Пули с треском её кромсают.

Сменив магазин (он почти опустел), стреляю в ответ.

— *Левее и выше,* — советует Роберт.

Делаю, как он сказал.

— *Двадцать четвёртый.*

Тут тоже есть лестница, и я, не колеблясь, бегу наверх: главное — двигаться… Или от ловкости не будет толку.

— *Осторожно*… — предупреждает Роберт.

Но я уже вскидываю автомат.

Стреляю в светильник над новым пролётом. Тот взрывается искрами, кто–то кричит. Сразу становится темнее.

Снова бегу, вслепую расстреливая перила: они деревянные, в виде решётки. Наградой становится мёртвый охранник, кубарем скатившийся вниз.

— *Двадцать пятый.*

Добегаю до двери, распахнутой настежь. За ней — узкий коридор. По нему мне навстречу бегут охранники.

— *Стреляй!* — кричит Роберт.

Я и так уже стреляю: выпускаю одну бесконечную очередь, стараясь не замечать свиста пуль.

Выручает меня то, что лишь первый триадовец успел выстрелить, а другие не среагировали: они бежали друг за другом. Точно так же, друг за другом, они и падают — будто костяшки домино.

— *Двадцать шестой, двадцать седьмой, двадцать восьмой, двадцать девя*…

Выстрел из дробовика обрывает счёт Роберта. Я успеваю прыгнуть в нишу, за кадку с пальмой. Из кадки летят осколки.

Стрелк***а*** мне не видно, зато виден огнетушитель: он на противоположной стене, метрах в шести от меня. И где–то там — охранник с дробовиком.

Я стреляю в огнетушитель.

Оглушительный взрыв, весь проход заволакивает густым дымом.

— *Тридцатый,* — сообщает Роберт. — *И один контужен.*

Беспощадно добиваю окровавленную непись. Роберт с хищным азартом докладывает:

— *Тридцать первый.*

Вновь меняю магазин. В дыму замечаю открытую дверь, но прежде, чем туда войти (а точнее, ворваться), поднимаю с пола труп.

Прикрываясь им, как щитом, вваливаюсь за порог.

Хором гремят автоматные выстрелы, пули кромсают мёртвое тело. В реале его продырявило бы насквозь.

Стрелков я не вижу, но Ганмэн писал, что потолок на втором этаже стеклянный… Грех не воспользоваться.

Стреляю в ту часть потолка, под которой должны стоять неписи.

Осколки со звоном обрушиваются на врагов. Вместо выстрелов звучат вопли.

Отбросив труп, бегу направо, вполоборота развернувшись к триадовцам. Мой приятель «ФН СКАР» поливает их свинцом.

— *Тридцать второй, тридцать третий, тридцать четвёртый*.

Перекатившись через стол (фишки, зелёное сукно… ясно — игорный зал), приземляюсь с другой его стороны и скрываюсь за колонной: их тут не меньше, чем внизу. Разумеется, в неё тут же стреляют.

— *Выстави ствол,* — советует Роберт. — *Нет, с другой стороны… Чуть правее и выше… стоп. Давай!*

— Не «давай», а «огонь»… — сварливо бормочу я.

И стреляю туда, куда он сказал.

— *Тридцать пятый.*

Этот номер мы проделываем ещё дважды:

— *Тридцать шестой, тридцать седьмой.*

Какой–то умный энписи расстреливает надо мной потолок (вот зараза! так нечестно — это ведь я придумал!), и мне приходится бежать, чтобы спастись от осколков, — а они, судя по звону, тут весят немало. Закатившись под стол, стреляю плагиатору в ноги. Когда он падает, добиваю выстрелом в грудь.

— *Тридцать восьмой… граната!!!*

Граната и правда закатывается под стол.

Я успеваю её отбросить и, спиной врезавшись в столешницу, переворачиваю стол на бок. Пригибаюсь, закрыв голову руками.

Взрыв, вопли.

— *Тридцать девятый, сороковой, сорок первый!*

Прыгаю из–за стола, стреляю — толком не соображая, куда. Всюду дым, блестят осколки. Кто–то яростно орёт на китайском, явно отдавая приказы.

Выстрелы сменяются сухими щелчками: у меня кончились патроны.

Вместо замены магазина я проделываю трюк, достойный старых гонконгских боевиков: мыском ботинка подцепляю обронённый автомат (его бывший хозяин лежит в стороне) и, поймав его левой рукой, палю в неписей, выскочивших из–за колонн. Те падают, раскинув руки: один — на стол, второй — на бамбуковую перегородку. Она с треском ломается, будто была из картона.

Джон Ву, большой тебе привет…

— *Сорок второй, сорок третий…* — с завистью считает Роберт.

Забегаю за рояль, уже изрешечённый пулями, и вставляю последний магазин в «ФН СКАР».

Слева в стене открывается дверь — и появляется китаец с гранатомётом.

Господи ты боже мой!..

Я палю из двух стволов, извергая из гангстера фонтанчики крови. Он заваливается обратно (кто–то, бегущий за ним, тоже падает), но успевает пустить снаряд — правда, не в меня, а вверх… Прямо в стеклянный потолок!

Я бросаюсь под рояль, а в следующий миг перекрытие разворачивает взрывом. Осыпаются осколки и металлические балки. Слышатся вопли… надеюсь, предсмертные.

Роберт это подтверждает:

— *Сорок четвёртый, сорок пятый, сорок шестой, сорок седьмой,* — и добавляет после паузы: — *В зале больше никого. Трое оставшихся — там, откуда вышел гранатомётчик.*

Выбравшись из–под рояля, иду к комнате. Под ногами хрустят стёкла.

Роберт вновь даёт подсказку:

— *Один справа, у стены. Второй — впереди, за диваном. Третий прячется в ванной и всё время трёт перстень… Это Мань–Лун.*

Киваю в знак благодарности.

Вместо того, чтобы войти, поступаю проще.

Приставляю к деревянной стене «ФН СКАР» и жму на спусковой крючок. Выстрелы, вскрик, глухой удар.

— *Сорок восьмой,* — говорит Роберт.

Мельком глянув за порог, вижу диван, а напротив — аквариум. Большой, во всю стену.

Стреляю не целясь.

Волна хлынула в комнату вместе со стёклами. Сидевший за диваном гангстер с криком прыгает вправо, успев выстрелить вслепую — одновременно со мной.

Мою щёку царапает острая щепка, отлетевшая от дверной рамы. Энписи падает в воду, смешав её с кровью.

— *Сорок девятый.*

До запертой двери, что ведёт в ванную, я не дохожу: под вскрик Роберта («*осторожно!*») её прошивает автоматная очередь.

Ладно, напросился сам…

Быстро возвращаюсь к гранатомётчику и, повесив «ФН СКАР» на плечо, беру оружие энписи. Гранатомёт у него короткий, ручной… Шестизарядный.

Последнее меня радует особенно.

Отхожу подальше от комнаты — и делаю то, что в реале не

рекомендуется повторять.

Вспышка, грохот, летят обломки. Из раскуроченной комнаты валит дым.

Вхожу снова.

Дверь в ванную уже не заперта: то, что от неё осталось, висит на одной петле. На полу, залитом кровью, лежит Мань–Лун.

— П*ятидесятый,* — говорит Роберт.

И с очевидным облегчением выдыхает.

Глава 21

Перстень Мань–Луна выглядел стильно.

Его отлили из металла с синеватым оттенком: видимо, предполагалось, что материал дворгианский. Но ни гравировки, ни загадочных знаков на нём не было — лишь маленький чёрный камень; на вид — чистый обсидиан.

Когда я надел перстень, Роберт сказал:

— *Зомби уже у ресторана. Их тут целая свора, но никто внутрь не идёт: они будто ждут приказа.*

— Это нормально, — отозвался я. — У них ведь сменился хозяин. Значит, прежние приказы не действуют.

Покинув зал (он выглядел так, будто двадцать слепцов тут стреляли друг в друга), я спустился по лестнице и вышел наружу.

Там я понял, что Роберт поделикатничал: зомби здесь было столько, что сворой я бы их не назвал — уместнее была бы «орда». Они заняли всю улицу, насколько хватало глаз, теснились в проулке и на стоянке. Наверняка и за домами их было полно — просто на призыв Мань–Луна не все успели явиться.

Я подавил вздох: даже тут непродуманность «Дворга» дала о себе знать. С такой армией любой гангстер подчинил бы весь город.

— Ну *и уродища*… — проворчал Роберт.

Я бегло оглядел мертвяков: серая кожа, гнилые зубы, гнойные язвы. Обноски, спутанные волосы. Длинные, продолжающие расти ногти.

И правда, уродища — хотя горящий в глазах свет (синий, как коронный разряд) придавал им мультяшности. Хорошо хоть от вони Роберт меня избавил: отключил её в настройках. В своём гейм–кресле я сделал бы так же.

— И *что теперь?* — спросил Роберт.

— Теперь?.. — повторил я. — Теперь мы сыграем в пастуха и овец.

Подняв руку с перстнем, я сказал:

— Идите туда, куда иду я. Защищайте меня, если кто–то нападёт.

Этих приказов пока хватило.

Окружив себя зомби, чтобы не быть живой мишенью, я направился к Елисейским Полям.

Выстрелы послышались довольно скоро (хотя в реале они были бы слышны и у ресторана): война неписей, развязанная админами «Дворга», не прекращалась.

Я отдал новый приказ:

— Убейте всех в радиусе километра… Кроме меня.

Последнее я добавил на всякий случай, — а то кто их знает: вдруг поймут всё буквально? Это же безмозглые монстры…

Но зомби оказались не такими уж и безмозглыми.

Две трети из них, двигаясь на четвереньках, бросились врассыпную, а другие остались меня защищать. Причём те, что разбежались, использовали особенности ландшафта: резво взбирались по стенам домов (гравитация про них явно забыла), вползали в канализационные люки (если те были закрыты — открывали их сами), бесшумно исчезали в проулках (мрак поглощал их с радушием матери, встречающей своих чад). Выглядело это зловеще; я едва ли не впервые мысленно похвалил «Дворг».

А потом началось…

То тут, то там автоматные очереди обрывались с воплем — ну или просто обрывались… Но и тогда я был уверен, что автомат смолк не по воле стрелк***а***. Зомби как–то ухитрялись пролезть за баррикады, взбирались на блоки с пулемётными гнёздами и даже снайперских позиций на нашем пути стало значительно меньше (о чём я мог судить по крикам — как правило, отдалённым). Один раз кто–то выпал из окна пятиэтажки, мимо которой шествовал наш жуткий кортеж: разбив стекло, энписи упал на асфальт, где был вмиг растерзан. В другом доме прогремел взрыв — видно, рванули боеприпасы: огонь смертоносной жёлто–белой волной выплеснулся из окон, разрушив верхние этажи. На следующей улице кто–то полетел крыши, за углом того же дома мертвяки жрали зенитчика (орудие стояло рядом), а уцелевшие бойцы удирали — но удрали недалеко… Как и их раненый приятель, сбитый армейским джипом: тот с бешеной скоростью промчался по улице. Искусственный интеллект неписей, заменявший инстинкт самосохранения, гнал их прочь вопреки админским козням.

Я шёл по Парижу в окружении зомби, чувствуя себя ангелом смерти. Иногда в нас стреляли, но все пули попадали в окружавших меня монстров. А участь стрелявших была незавидна.

Когда мы дошли до Елисейских Полей, там уже было пусто — если не считать бесхозных машин и баррикад… Во всяком случае, так я поначалу подумал.

Приказав мертвякам остановиться и ждать (и никого больше не трогать — ведь скоро тут будет Кэсс), я пошёл к Триумфальной арке: до неё от того места, где мы вышли на самую известную улицу Франции, было всего метров двести.

Вот тогда–то я и увидел админов.

Их было четверо, и они шли мне навстречу; вероятно, до этого они были за аркой. А зомби их не учуяли, поскольку для неписей их тут не было.

— За куклой пришёл? — спросил один из админов: видимо, главный.

— За куклой, — подтвердил я.

Конечно, её заберёт Кэсс, но я не собирался вдаваться в детали.

— Даже не думай, — сказал второй. — Она в нашем сегменте.

Третий кивнул:

— Она наша.

Четвёртый молчал, но его губы шевелились: он связался с реалом. Наверное, чтобы вычислить мой айпи.

Я усмехнулся: пусть вычисляет… Всё равно я в кресле Роберта. Мой идентификатор им не узнать.

А Роберту их потуги — что щипки для слона.

— Мне тут подумалось… — я взглянул на того, кто заговорил первым. — Вы же неуязвимы, да? Защищены от любой неписи?

Админы стали переглядываться: видно, смекнули, куда я клоню.

— А как насчёт геймеров?

Админы молчали.

Какой им был смысл защищаться от геймеров, если те не могли сюда прийти? Ну разве что приручив зомби…

Я молча вскинул «ФН СКАР» — и расстрелял всех четверых.

Когда я подходил к арке, пошёл дождь.

Капли забарабанили по асфальту, по баррикадам из покрышек, по остовам автомобилей. По луже, где лежала кукла.

У лужи я и остановился.

Кукла выглядела жутко: рыжеволосая, с отломанными ногами, в грязном платье. С порванными полупрозрачными крыльями. С большими глазами, созерцавшими пустоту.

— Ну *разве не символично?* — неожиданно спросил Роберт. — *Своё дутое бессмертие мамуля скрыла в вещах, по одной из которых плачет урна. Не знай я о её планах, решил бы, что это намёк.*

За аркой прозвучал треск. Роберт уже другим тоном сказал:

— *Я создал портал для твоей подружки. Теперь дело за вами.*

Кивнув, я открыл мессенджер и написал всего два слова: «Путь свободен».

Конечно, я послал их Кэсс.

И снова посмотрел на куклу.

Та ждала своей участи; последний элемент «Феникса»

смиренно мок под дождём. Заключительный штрих и финальный аккорд… Крайний зубец ключа от рая.

Мы этот ключ вот–вот сломаем, а обломки сотрём в пыль.

Меня кольнуло сомнение.

— Т*ы сделал правильный выбор,* — Роберт будто прочёл мои мысли. — **Вы** *сделали: ты и она.*

Он имел в виду Кэсс, появившуюся за аркой.

Она с трепетом подошла. Её взор был сначала устремлён на меня, но затем, заметив куклу, Кэсс не сводила с неё глаз. На зомби глянула лишь мельком (видно, сразу смекнула, что те нас не тронут) и даже не стала удивляться тому, что я смог подчинить их: близость куклы отодвинула это на второй план.

— Н*е тяните,* — сказал Роберт. — *Админы скоро вернутся.*

Став Бедуином, Кэсс взяла куклу. Та мигом исчезла, попав к ней в инвентарь.

Теперь там лежали три заветных предмета: кукла, яблоко, бинокль.

По Бедуину прошла рябь — будто он был голограммой, причём примитивной. Но мгновение испуга (конечно же, я испугался за Кэсс) сменилось пониманием: это вовсе не рябь… Это череда превращений.

Кэсс за долю секунды сменила обличья, побывав в теле каждого её аватара, — и стала собой.

И улыбнулась.

«Феникс» сделал своё дело… «Настроился», как сказал бы Роберт. ВИРТУС отныне был её частью, а она — его… Он уже не грозил Кэсс безумием, окончательно став для неё родным.

Она это поняла — и сообщила своей улыбкой.

А потом в воздухе зажглись цифры.

Ряд светящихся цифр, невесть что означавших, возник между нами. Дождь их даже не касался: исчезал, не долетев. Цифры будто заявляли, что они главней дождя.

Мы удивлённо на них уставились.

8 3 1 7 6 4 2

Я три раза прочёл цифры, а затем они угасли: так же меркнут фонари, выключаясь по утрам.

— Роберт?.. — тихо позвал я.

Он напряжённо отозвался:

— *Я не знаю, что это. Правда, не знаю…*

Мне показалось, он не лжёт.

— М*ожет, код?..* — проронил Роберт. — *Но тогда он слишком простой — даже без букв и специальных символов… Чёрт…*

Мы с Кэсс вглядывались в струи, косо падавшие с неба: а вдруг цифры вновь зажгутся?.. Но их место занял дождь. Вспыхивать во второй раз цифры не собирались.

Через несколько мгновений Роберт напомнил:

— В *любом случае, не время об этом думать: нужно избавиться от Белого Странника.*

Конечно, он имел в виду Бедуина, чей облик Кэсс заменила на свой.

Я посмотрел на неё. Она кивнула:

— Он мне больше не нужен, Клим: я это знаю… И с моими приступами покончено, — губ её снова коснулась улыбка. — Теперь я могу спокойно жить в ВИРТУСе.

— О*на права,* — вставил Роберт. — *«Феникс» полностью синхронизировал её с Сетью. Ей он уже без надобности.*

Отвернувшись, я подумал о Ваньке. Подумал о тех, кто в эту минуту уходит. Уходит навсегда.

Подумал, что шесть лет назад отстрелил бы себе руку ради чуда, которое мы вот–вот уничтожим.

— К*лим, так надо,* — сказал Роберт. — *Ты и сам ведь уже понял…*

Я не ответил. Согласиться вслух сейчас, в самый ответственный момент, у меня не хватило духу.

Я выбрал трусость — промолчал…

Кэсс тихо спросила — не у меня, а у Роберта:

— Что нужно сделать?

— П*оскольку Клим в моём гейм–кресле, я могу влезть в его инвентарь. Только что я вложил туда камень. Этот камень Клим должен отдать тебе.*

Я вспомнил, что в «Дворге» инвентарей нет, — но разве для Роберта это проблема? Он и прежде демонстрировал чудеса хакерства, а уж теперь, когда я использую его «железо», превзойдёт сам себя.

— Т*ы должна будешь взять камень,* — обратился он к Кэсс, — *находясь в облике Бедуина. После этого сразу меняй аватара. Остальное на мне.*

— Камень — это программа–шредер? — догадался я.

— В *яблочко,* — подтвердил Роберт. — *С её помощью я пытался удалить Белого Странника год назад. Ничего не получилось, но программу я доработал. Теперь всё выйдет как надо.*

Я и вправду сумел открыть инвентарь, а там (кто бы сомневался) был камень — круглый, похожий на окатыш. Я отдал его Кэсс, принявшей бедуинский облик.

Взяв камень, она опять стала собой.

Но Бедуин не исчез: Кэсс будто вышла из его тела, а он

застыл статуей, с камнем в руке.

Затем он стал распадаться.

Его тело разделилось на множество клеток размером не больше ногтя. Эти клетки стали таять — но не так, как тает лёд: оплывая и скукоживаясь, они не оставляли влаги. Они на глазах обращались в ничто.

Это длилось полминуты, а потом от Бедуина ничего не осталось.

— И всё?.. — тупо спросил я.

— В*сё,* — подтвердил Роберт. — *Аватар удалён вместе с содержимым инвентаря. «Феникса» больше нет.*

Я с противоречивым чувством кивнул. Заперев врата рая, мы спасли мир от ошибки — и сгубили безвозвратно мечту миллионов.

Иногда сожалеть и ощущать облегчение можно по одной и той же причине.

Шагнув к Кэсс, я обнял её:

— Жди в Убежище, ладно?

— А ты?..

— Я скоро… — прошептал я.

И пресёк поцелуем её вопросы.

У меня тоже был вопрос — но адресованный не ей. Я хотел его задать, глядя на собеседника. Хотел видеть в ту минуту его глаза.

Пусть даже это — глаза Микки Мауса.

* * *

Покидать ВИРТУС, сидя в чужом гейм–кресле, было непривычно.

Вместо родного бардака я увидел инсталляции. Увидел просторную серую комнату. Увидел забавного диснеевского персонажа.

Забавного — и грустного одновременно.

— Как ощущения? — спросил Роберт.

— Необычные, — признал я. — Родных стен не хватает…

— Скоро будешь дома, — пообещал Роберт. — Труп Лоцкого и его дрон оттуда убрали. Их не найдут. Лоцкий будет считаться пропавшим без вести.

Я недоверчиво спросил:

— И ты вот так просто меня отпустишь?

— Почему нет? — он пожал плечами. — Всё, что ты узнал о

«Фениксе», стало несущественным после того, как я его уничтожил. Какой теперь смысл тебя убивать? И вообще, я не из тех, кого можно назвать мясником… Разве ты ещё не понял?

Хмуро кивнув, я уточнил:

— Кэсс ты тоже убивать не хотел?

Роберт несколько мгновений молчал. Потом негромко осведомился:

— Ты насчёт колы не передумал? Может, всё–таки налить — или чего–нибудь покрепче?

— Ты узнал о баге в «Китеже», — я пропустил его слова мимо ушей. — Узнал имя тестировщицы, которой принадлежал Бедуин. Решил с ней связаться. Так?

Роберт не отвечал.

— Твоей целью было уничтожить программу, — продолжал я. — Но сделать это быстро без помощи Кэсс ты не мог: ведь нужен был её аватар. На взлом выбиралки ушло бы время, а тебе хотелось сразу с этим покончить: буквально в тот же самый час. Вероятно, ты даже хотел предложить Кэсс деньги…

— Семизначную сумму, — буркнул Роберт.

Голос его звучал уныло, и смотрел он в одну точку.

— Я думал просто позвонить ей… — он дёрнул плечом. — Но после решил встретиться лично…

— Потому что ты хакер, — бросил я. — У вас же на сей счёт паранойя: взломанные гейм–кресла, взломанные смартфоны… Возможно, ты даже боялся, что баг с Бедуином засекли соратники твоей матери, работавшие над «Фениксом» — и что они прослушают телефон Кэсс.

Роберт глядел на инсталляции. Он и не думал отпираться.

— Ты узнал её адрес… для этого тебе и взламывать ничего не пришлось: у спецов твоего уровня есть постоянный доступ к базам данных. Сел в машину, поехал к Кэсс… Один, без водителя… Положился на автопилот. Но ведь он дьявольски медленный, так? И ты в какой–то момент его отключил.

Я смотрел Роберту в глаза. У него хватило мужества встретить мой взгляд.

— Ты так спешил, — продолжил я, — что взломал борткомпьютер. Спид–контроль умеет взламывать каждый школьник… Уж тебе это раз плюнуть.

Роберт всё–таки не выдержал — отвёл глаза. Но я закончил:

— И у тебя случился припадок. Прямо в машине, за рулём. Обычно это происходит из–за ВИРТУСа, но тот день стал исключением. Видимо, ты перенервничал. А когда дотянулся до кнопки автопилота, было уже слишком поздно.

Я замолчал.

Роберт мрачно усмехнулся — и подытожил:

— В яблочко…

Какое–то время было тихо. Затем он вновь заговорил:

— Можешь не верить, но я хотел пойти в полицию… Типа с повинной явиться.

— Хотел, — сказал я. — Но не пошёл.

— Да меня четыре дня лихорадило! — в сердцах бросил Роберт. — Знаешь, в каком я был состоянии? Не хотел я этого, понимаешь?!

— Понимаю, — сказал я.

Роберт махнул рукой.

— Камеры в квартале Кэсс ты не взламывал, — размеренно произнёс я. — Их и правда взломала та группировка, о которой говорил Лоцкий. И ты, когда это узнал, обрадовался…

— Да любой бы радовался на моём месте! — прервал меня Роберт. — Чего ты от меня хочешь? И вообще, она ж не мертва — она в ВИРТУСе… Она ж, блин, теперь бессмертная!

— Ты вроде говорил, что «Феникс» — это не бессмертие, — с сарказмом напомнил я. — Разве нет?

— Пошёл ты… — тихо буркнул Роберт. И уже громче сказал: — Это случилось потому, что я вынужден был подчищать за своей матерью… Исправлять то, что она натворила. Да мир благодарить меня должен! А в тюрьму я не сяду, понял?!

Он встал со стула. Было ясно, что наш разговор окончен.

— Спасибо, что помог в «Дворге», — сказал он напоследок. — А доказать ты ничего не сможешь Лучше даже не пытайся… Прощай.

Микки Маус исчез вместе с инсталляциями, а я остался сидеть в пустой комнате.

Через полминуты донёсшийся из динамиков голос попросил меня снова надеть мешок.

И я надел его — потому что хотел выйти отсюда живым.

Меня вывели наружу, усадили в машину и что–то вкололи — должно быть, инъектором. Я отключился. А в себя пришёл в сквере недалеко от дома, лёжа на скамье.

И подумал, что люди Роберта поделикатничали: ведь я мог очнуться у сточной канавы — или не очнуться вовсе…

Это реал, а в нём хэппи–эндов на всех не хватит. В нём простой смертный не воюет с сильными мира сего. И в нём зло имеет свойство уходить от ответа.

Может, поэтому мы выбрали ВИРТУС?..

Дома я обнаружил, что труп Лоцкого и впрямь вынесли: не осталось даже крови. Сбитый дрон тоже исчез. А в стене не было

пули, пробившей Лоцкому череп. Лишь дырка в стеновой панели и её сестра в окне могли подтвердить, что мне его визит не приснился.

От недавних злоключений у меня раскалывалась голова, но я всё равно сел в гейм–кресло: во–первых и в главных — из–за Кэсс, ждавшей меня в Убежище, а во–вторых…

Во–вторых, кое–что следовало проверить.

* * *

Место было знакомым.

Каменный храм белел в саду: изящное здание с круглыми башенками. Под утренним солнцем (а здесь было утро) сверкал витраж, над входом блестел знак местной богини — замысловатый, как иероглиф. Но ни имени богини, ни значения знака я не помнил.

К двери вела дорожка из плит, по которой я однажды ходил.

М***ы*** ходили: я и Ванька.

И теперь, спустя шесть лет, я пошёл по ней вновь, вспоминая недавний разговор с Кэсс.

«*Там была одна игра — межсегментарная…*»

У арочной двери я взялся за ручку.

«*Надо было пройти квест в семи разных сегментах…*»

Зал храма встретил меня полутьмой: свет едва пробивался сквозь витражи.

«*…выполнить семь заданий и узнать семь цифр*»

Шаги мои эхом отдавались от стен; я шагал к алтарю и жрецу в тёмной робе.

«*Нам с Ванькой дали мел и деревянную скрижаль — якобы из храма какой–то богини…*»

Я поприветствовал жреца, он кивнул мне в ответ.

— Могу ли я получить скрижаль?

Вопрос этот означал, что я хочу начать игру — ту самую, межсегментарную, в которую играл с сыном. Конечно, я и не думал её начинать. Но мне нужна была скрижаль.

Я должен был проверить свою догадку.

Скрижаль словно по волшебству возникла в руках жреца. Когда я её взял, он дал мне мел.

Покинув храм, я остановился в саду.

«*…на той скрижали мы цифры записывали*»

Почему Диана Кнежик была в облике ребёнка, появившись под текстурами «Китежа»? Роберт сказал, она на что–то

намекала… Может, на детскую игру?

Межсегментарная игра, в которую я играл с Ванькой, была детской.

Мало кто на моём месте запомнил бы цифры, возникшие у Триумфальной арки; цифры, вспыхнувшие сразу, едва Кэсс взяла куклу. Но я их запомнил как раз потому, что их было семь — как в набивших оскомину кодах Затворника. В его буферных зонах я вводил семизначные коды.

Взяв поудобнее скрижаль, я написал на ней мелом:

8 3 1 7 6 4 2

У моих ног возникла книга.

Я почти не удивился — сам не знаю, почему… Видно, стал привыкать к тайнам.

С тайны эта история началась — ею же и завершится… Хотя я насчёт завершения не уверен.

Видимо, Диана Кнежик любила играть, а игры гениев с их смертью не завершаются.

Яблоко, бинокль и кукла были не просто элементами «Феникса».

Да, они его настроили. Они спасли Кэсс от безумия. Они дали ей что–то, без чего этот мир стал бы её персональной голгофой.

Но под тем, что было нужно для настройки системы, Кнежик скрыла новый секрет — может быть, самый главный… А возможно, и пустяковый.

Присев на корточки, я глядел на книгу.

Она была толстой, в чёрном кожаном переплёте. На ней не было ни слова: ни названия, ни автора. Просто книга.

Что кроется за обложкой?..

Запасной вариант только что уничтоженного нами «Феникса»? Интимные женские тайны? Кулинарные рецепты вперемешку с советами садоводу?

От спятивших гениев можно ждать чего угодно…

Я смотрел на книгу так, словно это был ядерный чемоданчик.

Что с ней делать, я не знал.

Забыть о ней и пойти прочь? Попытаться уничтожить? Рискнуть открыть и прочитать?

Вздохнув, я извлёк из кармана монету.

Орёл — уничтожу, решка — открою.

Я подкинул монету, поймал её и раскрыл ладонь. Поглядел на монету, потом — вновь на книгу.

— Чёрт с тобой… — сказал я.

Наверное, следовало её уничтожить — но ведь я не виноват,

что выпала решка…

Вложив книгу в инвентарь, я отправился в Убежище.

Сегодня мы с Кэсс займёмся чтением — если у нас будет на это время…

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ